

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ, ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ, ЛИТЕРАТУР, ФОЛЬКЛОРА БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУР

ФАЛЬКЛОР У ДРАМАТУРГІІ ФЁДАРА ПАЛАЧАНІНА І УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА

Т.У. Аляксеева
Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава

Узаемасувязь літаратуры з фальклорам з'яўляецца актуальнай праблемай сучаснага літаратуразнаўства. У розныя перыяды свайго існавання літаратура звярталася да вуснай народнай творчасці, запазычвала матывы, вобразы. Фальклорныя сюжэты выступаюць сродкам характарыстыкі народнага жыцця, псіхалогіі, маральных, філасофскіх і эстэтычных поглядаў народа. Зварот да традыцый фальклору дапамагае раскрыць нацыянальны каларыт, наблізіцца да вытокаў. Мэта нашай працы – ахарактарызаваць ужыванне фальклору ў п'есах драматургаў Віцебшчыны.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для аналізу паслужыла драматургічная спадчына Ф. Палачаніна і У. Караткевіча. Метадалагічную базу даследавання складаюць асноўныя прыёмы дэскрыптыўнага і герменеўтычнага навуковых падыходаў, што дазваляюць найбольш поўна выявіць выкарыстанне фальклорных традыцый у драматургічных тэкстах, прасачыць уплыў фальклора на мастацкі твор.

Вынікі і іх абмеркаванне. Драматургі Віцебшчыны шырока выкарыстоўваюць фальклорныя сюжэты, тэмы, мастацкія сродкі вуснай народнай творчасці. У іх п'есах ужываюцца элементы каляндарных і сямейных абрадаў, апрацоўкі паданняў і легендаў, малыя жанры фальклору, песенная творчасць.

Рэальна-бытавыя сцэны чаргуюцца з фантастычнымі ў п'есе Ф. Палачаніна “Дарога ў неба”. У Докшыцкім краі (паміж вёскамі Краснікі і Жамойск) знаходзіцца прыродны помнік – Сцёп-камень, або камень Сцяпан. Вядома, што праз гэту мясцовасць пралягае Галоўны Еўрапейскі водападзел, які размяжоўвае басейны рэк Балтыйскага і Чорнага мораў. На аснове адной з легенд пра гэты помнік і напісаны дадзены твор. Аўтар уводзіць у сюжэт п'есы Чорта і Анёла. Тыпова, што Чорт падаецца ў абліччы казла. Характэрны для літаратуры і матыву продажу душы Чорту. Галоўны герой шавец Сцяпан пакахаў Вяльяну, хацеў з ёй хутчэй ажаніцца, таму звярнуўся да Чорта. За тое, што адрокся ад веры, стаў выконваць загад д'ябла (разбіваць крыжык), ператварыўся ў камень. Для перадачы элегічнага настрою ў творы ўжываюцца беларускія народныя песні “Ці ўсе лугі пакошаны...”, “Ой, у полі крыніца”. Фёдар Палачанін выкарыстоўвае ў п'есе і галашэнне для раскрыцця душэўных пакутаў гераіні: “*Не кідай, Сцяпан, мяне! / Пакліч хутчэй да сябе!..*” [2, 41].

Вяльяна вельмі сумавала, калі даведлася пра здзейсненае Сцяпанам. З яе “*слёз з-над каменя прабілася крыніца, якая разлілася на ваколіцах і ператварыла лагчыну ў непразнае балота, якое людзі назвалі Шыленскім, або Кравецкім, і паплыла ў свет празрыстай рэчкай. Гэту рэчку спачатку назвалі ў памяць пра Вяльяну Вельяй, а пазней назва стала гучаць як Вілія*” [2, 43].

Любоў да роднай зямлі, прыхільнасць да яе, ушанаванне святаў, абрадаў сваіх землякоў правяраецца часам. У меладраме “Кветкі дзяцінства” Фёдара Палачаніна асэнсоўваецца жыццё беларусаў за межамі сваёй краіны, у Польшчы. Драматург заяўляе, што не трэба выракацца ўласных каранёў, мовы, культуры, як бы далёка не знаходзіўся чалавек ад Беларусі. Таму яму сімпатызуе гераіня п'есы Стася, якая сорок гадоў на тэрыторыі іншай краіны памятае пра роднае Зарэчча на Глыбоччыне, спявае беларускія песні, вучыць дзяцей размаўляць па-беларуску. Пра прыхільнасць Стасі да фальклору, святаў і традыцый сваёй краіны сведчыць і той факт, што яна двойчы спявае песню на словы К. Буйло “Люблю наш край, старонку гэту...”, а таксама ўзгадвае асобныя народныя прыкметы.

Гераіня распавядае пра свята Купалле, пра варажбу. Адзначае, што “*вечарам у агародзе, не зрываючы, складвалі роўненька дзве перыны цыбулі і адначасова іх скусвалі. Адну лічылі*

горам, а другую – шчасцем. Раницай глядзелі, што больш вырасла, тое і чакала чалавека ў жыцці... Моладзь найчасцей варажыла на вянках. Дзяўчаты і хлопцы апускалі іх на рачную плынь, загадваючы на будучага мужа і жонку, і пільна сачылі, чые вянкi злучацца, тая пара і павінна была пажаніцца” [3, с.118]. Аўтар звяртае ўвагу, што з магнітафона заўсёды гучаць беларускія песні “Купалінка”, “Калі каліна не цвіла”, “Ой, сівы конь бяжыць”, “Ой, у полі крыніца”.

Меладрама насычана ёмістымі выказваннямі наконт роднага кутка, якія ўзбагачаюць мастацкі тэкст. Напрыклад, “Жыць на чужой старонцы, як на скале адзінокай сасонцы” [3, с.112], “Няма смачнейшай вадзіцы, як з роднай крыніцы!” [3, с.115], “На чужой старане і вясна не красна” [3, с.110], “Радзіма – матка, чужына – мачыха” [3, с.112]. Яны дапамагаюць больш поўна перадаць адчуванні і памкненні персанажаў, прыхільнасць да Бацькаўшчыны.

У п’есе “Даравальная нядзеля” распавядаецца пра даўняе свята (апошні дзень Масленіцы), у час якога варта прасіць ва ўсіх прабачэння. Драматург удала выкарыстоўвае тут фальклорны матыў расплаты за дрэнныя ўчынкі.

У камедыі “Санаторная песня” для характарыстыкі месца адпачынку і лячэння, а таксама паказу бяздумнага баўлення часу пісьменнік актыўна карыстаецца прыпеўкамі. Камічнымі падаюцца эпізоды, у якіх апісваюцца “захопніцкія” паходы жанчын. Пра гэта спяваецца ў прыпеўках: “Санаторную пуцёўку / З цяжкасцю дастала. / Хоць шукала ухажора, / Яшчэ не спаткала” [3, 97]; “А мы любім весяліца / І не любім мы драмаць. / Тут прыгожых хлопцаў многа, / Трэба хутчэй выбіраць” [3, 97].

Ф. Палачанін негатыўна ставіцца да такіх паводзінаў, сцвярджае, што трэба супрацьстаяць разбэшчанасці, у сям’і павінны панаваць шчырыя і даверлівыя ўзаемаадносіны. Драматург ужывае і форму анекдота для перадачы адпаведнай атмасферы.

Апісвае Ф.Палачанін у сваіх творах і элементы вясельнага абраду. Непасрэдна сватанне адлюстравана ў п’есе “Пазычанае шчасце”. Этап заручыны перададены ў аднайменнай драме аўтара, а ў п’есе “Удава не пара хлопцу” падаецца само вяселле. Сустрэкаем у творах і народныя прыкметы: “Калі ў акно птушка стукалася, то чакалі або госця, або сватоў, калі была дзяўчына на выданні” [3, с.126]. У цяжарнай жанчыны прыхіналіся да жывата і слухалі: “калі спявае – то дачка будзе, а калі свішча – сын” [2, с.159].

Дзіцячы фальклор прысутнічае ў драме “У смутку і ў радасці”. Для супакоення дарослай дачкі маці спявае ёй калыханку: “Сонейка стомлена села за лесам. / Змрок прыблукаў да двара. / Любай дачушцы і ўсім дзеткам / Спаць наступіла пара. / Сні, засынай, мая любая кветка!.. [4, с.197]. Тэкст калыханкі ўдала перадае клопат і трывогу маці, дапамагае дзяўчыне адчуць сябе патрэбнай грамадству, стаць больш упэўненай у заўтрашнім дні.

Мова твораў Ф. Палачаніна ўзбагачаецца выразнымі прыказкамі і прымаўкамі. У іх знайшлі сваё адлюстраванне ўяўленні пра стасункі ў сям’і, погляды на каханне, сяброўства, вернасць, здраду, маральныя якасці чалавека. У прыказках і прымаўках абагулены сацыяльна-гістарычны вопыт народа. Напрыклад, “Сілаю не заставіш быць мілаю” [4, 197], “Брат любіць сястру багатую, а мужык – жонку здаровую!” [4, 207], “Шыла ў мяшку не ўтоіш” [4, 141], “Жыццё пражыць – не поле перайсці” [4, 146], “Маладосць прайшла – не развіталася, старасць прыйшла – не прывіталася!” [3, 67], “Горка рэдзька, ды ядуць, дрэнна замужам, ды ідуць!” [3, 65], “Не ганьбуі старым ботам, пакуль новага не пашыў” [3, 65], “За добрым мужам і варона жона, а за кепскім і княгіня загіне” [2, 138], “У нашай вёсцы ў адным канцы кашлянеш, а ў другім пачуюць” [3, 67], “З жонкай, як з бараной у лесе!” [3, 56], “Калі рукі халодныя, дык сэрца гарачае!” [3, 58], “Жыццё – маліна, раскусіш – журавіна!” [3, 65], “З вачэй далоў і з сэрца вон” [2, 211] і іншыя.

Уладзімір Караткевіч да гісторыі ішоў ад фальклору: паданняў, легендаў, песень. Сам аўтар добра спяваў, ведаў шмат беларускіх песень. Менавіта песні дапамагаюць перадаць самае душэўнае, значнае, тлумачаць матывацыю паводзінаў персанажаў. Сюжэты яго п’ес прасякнуты народнай традыцыяй, супрацьпастаўленнем добра і зла.

“Калыска чатырох чараўніц” – гэта драма з казачным пралагам і эпілогам. У пралагу распавядаецца пра з’яўленне на свет славутага будучага пісьменніка Івана Луцэвіча. Вядома, што яго нараджэнне супала са старажытным святам Купаллем. Таму мэтазгодна У. Караткевіч уводзіць у тэкст драмы шматлікія купальскія песні (“Купалінка”, “Ой, рана на Івана”). Чатыры чараўніцы прарочаць немаўляці ягоны лёс, адзначаюць, што ён будзе слаўным, вялікім, але і самым цяжкім. Спевы ў п’есе суправаджаюцца танцамі.

Трагедыя “Маці ўрагану” напісана на аснове легенды “Маці Ветру”. Сіроцкія вясельныя песні надаюць мінорны настрой усяму твору. Апісвае аўтар і самі заручыны галоўнага героя. Войт вёскі Васіль Вашчыла часта прамаўляе прыказкі і прымаўкі: “*За саплівым сватам не находзіцца з платам*” [1, 180], “*Не табе ведаць, каб з бядой не абедаць*” [1, 180], “*Кума пытала, а пасля язык кусала. Менш ведаеш, сваток, менш балбочаш...*” [1, 180], “*Можна жыць без жонкі і дзяцей, нават без бацькоў. Але немагчыма жыць без Радзімы...*” [1, 186].

У п’есе “Званы Віцебска” выкарыстаны прыпеўкі, якія выконваюцца дзвюма сяброўкамі: “*А над мостам рыба з хвостам, / На вадзе ліляя; / Маладая дзяўчынанька / З хлопцамі не ўмее*” [1, 116]; “*Куды ж мяне ведзяце, / Таку маладую? / Ды ў папову сенажаць, / Траву зеляную*” [1, 116].

Думаецца, што У. Караткевіч наўмысна ўжывае дадзены фальклорны жанр, каб адцягнуць увагу чытача ад жудасных тагачасных падзей.

Трапна гучаць у п’есах драматурга народныя выслоўі: “*Хто музыкам плаціць – ягонья й скокі. Чыя сіла – таго і халуі*” [1, 155], “*Тварык бяленькі, ды на вуме мяленька*” [1, 22], “*За ўсё ў жыцці трэба плаціць*” [1, 186] і іншыя.

Заклучэнне. Фальклорныя сюжэты выступаюць сродкам характарыстыкі народнага жыцця, псіхалогіі, маральных, філасофскіх і эстэтычных поглядаў народа. Зварот да традыцый фальклору дапамагае раскрыць нацыянальны каларыт, наблізіцца да вытокаў. Фёдар Палачанін і Уладзімір Караткевіч у сваіх драматургічных творах карыстаюцца разнастайнымі жанрамі фальклору. Гэта дапамагае ўзбагаціць мастацкі тэкст, выявіць аўтарскае асабістае стаўленне да традыцый і абрадаў беларусаў.

Спіс літаратуры

1. Караткевіч, У. Старыя беларускія хронікі: п’есы / У. Караткевіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1988. – 304 с.
2. Палачанін, Ф. Дарога ў неба: драматургія / Ф. Палачанін. – Мінск: Кнігазбор, 2014. – 340 с.
3. Палачанін, Ф. Расплата за нелюбоў: П’есы / Ф. Палачанін. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1998. – 144 с.
4. Палачанін, Ф. Шлях да Бога: матэрыялы для выхаваўчай работы і драматычныя творы / Ф. Палачанін. – Мінск: Кнігазбор, 2012. – 212 с.

ПОЛЬСКАМОЎНЫЯ ЭЛЕМЕНТЫ Ў СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКІМ ПУБЛІЦЫСТЫЧНЫМ ДЫСКУРСЕ

Ю.М. Бабіч
Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава

Сродкі масавай інфармацыі адыгрываюць у сучасным грамадстве надзвычай істотную ролю. Але сёння перыядычнае выданне – гэта не толькі рэтранслятар навінаў, важны маральна-выхаваўчы фактар супольнасці, але і крыніца папаўнення лексікі беларускай мовы, узбагачэння яе слоўнікавага складу. І якраз газета найчасцей з’яўляецца першым фіксатарам новых лексічных адзінак, што трапляюць у нашу мову. Таму аналіз публіцыстычнага дыскурсу па-ранейшаму застаецца адной з прыярытэтных задач сучаснай айчыннай лінгвістыкі.

Новыя словы далёка не заўсёды з’яўляюцца ў мове для абазначэння новага, узніклага паняцця. Часта ў працэсе развіцця грамадства ва ўжыванні замацоўваецца іншая лексема, сінанімічная ўжо існай, але якая мае пэўныя перавагі. Скажам, больш дакладна перадае сутнасць абазначанага, мае больш багаты спалучальны патэнцыял, валодае большай экспрэсіўнасцю і г.д. Беларускае слова няспынна папаўняецца не толькі англіцызмамі, як і іншыя еўрапейскія мовы, але і, напрыклад, паланізмамі.

Актуальнасць даследавання абумоўлена неабходнасцю захавання чысціні маўлення, што парушаецца бяздумным выкарыстаннем іншамовных слоў.

Мэта артыкула – выяўленне спецыфікі ўжывання новых польскамоўных элементаў у сучасным беларускім публіцыстычным тэксце.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для правядзення даследавання паслужылі публікацыі ў беларускіх перыядычных выданнях: “Звязда”, “Новы час”, “Наша ніва”, “Народная воля”, “Вольнае Глыбокае”. У якасці асноўных у працы выкарыстаны лінгвастылістычны метад і метад кампанентнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. На пачатку XXI стагоддзя ў нашай мове замацавалася даволі вялікая колькасць слоў, якія трапілі з польскай мовы ці праз польскую. Гэтаму спрыяе ўсё

больш адчувальная актуалізацыя рознаўзроўневай камунікацыі паміж палякамі і беларусамі, узрослая цікавасць да польскай мовы і культуры ўвогуле.

Але разам з пазычаннямі, што ўжо даволі трывала ўпісаліся ў беларускі публіцыстычны дыскурс і выкарыстоўваюцца ў штодзённай камунікацыі (*слынны, знаны, каляжанка, танчыць, стасункі* і інш.), у перыядычных выданнях час ад часу фіксуюцца і іншыя, характэрныя найперш для польскай мовы лексемы, якія ў беларускамоўным тэксце выглядаюць, прынамсі пакуль, не зусім натуральна, можна сказаць, штучна. Прывядзём колькі прыкладаў: *У Магілёве знайшлі 40 нелегальных таксовак* (Наша ніва, 16.03.11); *Прыгажосць з імбрычка* (Звязда, 8.10.11); *Чалавек кідаецца ў разнастайныя хэнці* (Новы час, 28.02.1); *Што за бздурны вы кажашце?* (Новы час, 18.04.14); *Давайце цвяроза паглядзім на ўсе гэтыя бздурны з “Цэнтрам Еўропы”* (Вольнае Глыбокае, 29.05.14); *У Вульфа была вялікая радзіна* (Наша ніва, 9.04.14); *Пазней у “Праўдзе” з’явіўся артыкул “Пра ўнутраныя прычыны вайсковай паразы Польшчы”, які стаў свайстым абгрунтаваннем савецкага ўварвання ў Польшчу* (Новы час, 29.11.13); *Дзіўнае, невымоўна ўтульнае і свайстае мястэчка, намаляванае двума колерамі* (Наша ніва, 10.09.14); *Сучаснаму чалавеку ўнікнуць тэфлону цяжка, амаль немагчыма* (Наша ніва, 10.12.14); *Ва ўсіх праблемах сусветны крызіс вінаваты: Кітай гальмуе, попыт на саравіну падае, у Бразіліі каву пажраў жук...* (Наша ніва, 16.09.15). Падобныя словы сёння варта ўспрымаць як варварызмы, гэта значыць, лексічныя адзінкі, не асвоеныя (або не цалкам асвоеныя) нашай мовай, што ўспрымаюцца як чужародныя, як парушэнне агульнапрынятай нормы. Іх ужыванне ў тэксце можна патлумачыць падсвядомай устаноўкай аўтараў на стварэнне асаблівай моўнай выразнасці, на дасягненне адмысловага эфекту навізны, і як вынік – прыцягненне ўвагі да напісанага. Праўда, пакуль гэта, хутчэй, адлюстроўвае ўласныя моўныя густы аўтараў канкрэтнай публікацыі, а не сведчыць пра тэндэнцыю да трывалага замацавання ў мове пададзеных вышэй неалагізмаў. Але з цягам часу падобная практыка можа непасрэдна паўплываць на механізмы вербалізацыі ментальнай прасторы індывіда. Можна пагадзіцца з меркаваннем расійскага лінгвіста А. Васільева, што “пад уплывам іншамоўных і чужакультурных навацый адбываецца аксіялагічная рэпалярызацыя менталітэту”. А гэта, у сваю чаргу, непазбежна прывядзе да непрадказальных трансфармацый у моўнай кварціне свету ўсяго нашага этнасу.

У пэўным сэнсе павелічэнне частотнасці варварызмаў у сучасным публіцыстычным тэксце – гэта прымета імклівых змяненняў не толькі ў мове, але і ў грамадстве ўвогуле. Падобныя лексемныя можна лічыць таксама і агнонімамі – адзінкамі мовы, невядомымі ці маларазумелымі большасці яе носьбітаў.

Разам з тым адзначым, што некаторыя паланізмы дастаткова ўпэўнена “намацваюць” сваё месца ў сучаснай беларускай мове. З высокай доляй верагоднасці можна меркаваць, што, напрыклад, словы *файны, атракцыя, валіза, выкіталцыоны* будуць пашырацца ў камунікацыі і з цягам часу прайдуць у разрад агульнаўжывальных. Колькі канкрэтных кантэкстаў: *Беларускамоўная музыка можа быць файнай і прыгожай* (Вольнае Глыбокае, 30.06.11); *Галоўная атракцыя турэцкага адпачынку для постсавецкіх жанчын – гэта турэцкі хамамішчык, на сумяшчальніцтве масажыст* (Наша ніва, 14.08.13); *Адпачывальнікі звычайна ідуць з валізамі з аўтобусага прыпынку да санаторыя праз цэнтр* (Звязда, 12.05.12); *Я гляджу на... моладзь з запlechнікамі, на сівавусых старых, на модніц у выкіталцёных спадніцах...* (Наша ніва, 25.09.13). Заўважым, што названыя лексемныя выкарыстоўваюцца рознымі выданнямі, гэта значыць, не ўспрымаюцца як абсалютна незразумелыя, чужародныя.

Уплыў польскай мовы на сучасны беларускі публіцыстычны дыскурс мы назіраем і на сінтаксічным узроўні, калі пэўнае словазлучэнне будзеца на ўзор адпаведнага польскага: *МЗС Беларусі прапаноўваў усім ахвочым варыянты эвакуацыі з вылетам у бліжэйшыя расійскія гарады, але не шмат хто скарыстаўся з той магчымасці* (Наша ніва, 23.03.11); *Скарыстаўшыся з хаосу, выкліканага аддзяленнем Судэтай, Гітлер далучыў да Трэцяга Рэйха ўжо ўсю Чэхаславакію* (Наша ніва, 5.03.14); *У падобны спосаб мы і сёння стаім перад выбарам...* (Наша ніва, 27.04.11); *“Адрэдагаваных” у такі спосаб лістоў у кнізе аж занадта шмат* (Наша ніва, 18.01.12). Падобныя канструкцыі парушаюць сінтаксічныя нормы сучаснай беларускай мовы. Што праўда, пакуль згаданыя факты адзначаны нам толькі ў “Нашай ніве”. Таму такую практыку на дадзены момант не варта разглядаць як агульнамоўную тэндэнцыю.

Заклучэнне. Такім чынам, павышэнне частотнасці ўжывання ў беларускім публіцыстычным дыскурсе паланізмаў мае найперш экстралінгвістычны характар. На наш

погляд, магчыма правесці пэўнае размежаванне паміж функцыянальна апраўданымі пазычаннямі (*танчыць, варункі, валіза, стасункі*) і выпадковымі, нематываванымі, якія, найхутчэй, трапляюць у перыядычныя выданні праз асаблівую прыхільнасць да іх аўтараў публікацый, журналістаў. Да гэтай групы якраз можна аднесці словы *імбрычак, бздур, гальмаваць, радзіна, сваісты*. Некаторыя неалагізмы, як можна меркаваць, заканчваюць перыяд своеасаблівай адаптацыі да беларускай лексічнай сістэмы (*атракцыя, валіза, файны, выкіталцоны*).

Як бачна, лексічнае атачэнне сучаснага чалавека ўтрымлівае значную частку іншамоўных слоў, у тым ліку і паланізмаў. Іх засваенне ўяўляецца непазбежнай умовай для паспяховай камунікацыі, прынамсі для людзей, чыя прафесійная дзейнасць так ці інакш звязана з мовай. І менавіта перыядычныя выданні як найбольш запатрабаваная грамадствам крыніца інфармацыі і ствараюць той адмысловы фон, на якім адбываецца працэс сацыялагізацыі новых слоў.

ЭСТЭТЫЧНЫЯ ІМПЕРАТЫВЫ МІХАСЯ СТРАЛЬЦОВА

*В.Ю. Бароўка
Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава*

Міхась Стральцоў (1937–1987) – беларускі паэт, празаік, літаратурны крытык. Гэта яркі прадстаўнік так званага “філалагічнага пакалення”, якое ўмовамі гістарычнага часу, сацыякультурнымі абставінамі па-новаму разумела прызначэнне і спецыфіку літаратурнай творчасці і гэтак разумеў рэалізавала ў сваёй творчасці. Проза М. Стральцова знайшла глыбокае навуковае асэнсаванне ў артыкулах выдатных літаратуразнаўцаў Алеся Адамовіча і Пятра Васючэнкі, эстэтычная ж праграма пісьменніка, на жаль, не даследавана. Між тым яе вывучэнне паспрыяе ўдакладненню ўнёску М. Стральцова ў развіццё айчыннай літаратуры і літаратуразнаўства.

Мэта дадзенай работы заключаецца ў выяўленні эстэтычных імператываў М. Стральцова шляхам разгляду тэматыкі і праблематыкі вершаваных твораў і літаратурна-крытычных работ.

Матэрыялам і метады. Матэрыялам для аналізу абраны паэзія, нарыс “Дзень у шэсцьдзясят сутак”, эсэ “Загадка Багдановіча”, літаратурна-крытычныя артыкулы пісьменніка. У працы выкарыстаны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, фенаменалагічнага, структурна-тыпалагічнага і дэскрыптыўнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Міхась Стральцоў – арыгінальны пісьменнік. Яго проза – гэта сінтэз думкі і пачуцця, у ёй значны не паказ падзей, а ўвасабленне чалавечых адчуванняў. Яна рытмічна арганізаваная за кошт паўтараў і кантамінацый зыходных сітуацый, кожны твор вытрыманы ў сваёй настраёвай танальнасці, нярэдка пазначанай назвай. Алесь Адамовіч слухна адзначыў моцны моцартаўскі пачатак у гэтага празаіка [1, 8]. Паэзія М. Стральцова таксама “акрылена высокай культурай думкі і пачуцця” [1, 8]. Яго вершаваныя радкі лёгка пазнаюцца па пластычнасці і акварэльнасці малюнка, іранічнасці, асацыятыўнасці дэталей, сэнсавай ёмістасці, звернутасці да рэфлексій аб творчасці. Напрыклад, верш “Засцярога пачынаўся словамі: “Калі маўчыць душа, гібее розум наш” [2, 40]. У жартоўным творы “На адпачынку” паэт іранічна зазначаў: “Такі няпэўны час: // З натхненнем у нязгодзе. // Распрэжаны Пегас // Гладчэе на выгодзе” [2, 44], а ў “Одзе прозе” прызнаваўся: “Люблю я прозы дух цвярозы, // Яе густы зямляны дух. // Яна і жартам, як сур’ёзам, // Карчы варочае за двух” [2, 73]. Пісьменнік лічыў, што слова не заўсёды можа перадаць тое, што існуе ў жыцці: “Імгненні ёсць пакутлівага шчасця – // Ірвуцца ўвысь і думка, і душа. // Ды толькі тое ўсё ў радок не ўкласці, Як ты яго, радок, не падвышай” [2, 129]. Аднак у любым выпадку, як сцвярджалася ў вершы “Заўваж сабе”: “Матыў лірычны, адмысловы // У важкай думе ці журбе – // Ён неабходны, каб на слова, // Паэце, верылі табе” [2, 149].

Напоўнены думкамі пра літаратуру нарыс “Дзень у шэсцьдзясят сутак” (1964) і эсэ “Загадка Максіма Багдановіча” (1968). У нарысе пісьменнік на прыкладзе культавага для яго пакалення Эрнеста Хемінгуэя разважаў пра ролю таленту: “Талент, як і сумленне, павінен быць непадкупны, галава павінна быць цвярозая, жыццёвы здаровы інстынкт, зрок востры, слых абсалютны. Талент – інструмент, пры дапамозе якога чалавек пазнае жыццё, ён – люстра, у якім

адбіваецца свет, а карціна гэтага свету будзе тым дакладнейшая, чым дакладнейшы сам інструмент. Свет, магчыма, трэба лячыць. Але найперш трэба паставіць дыягназ хваробы. Ён, Хемінгуэй, не заўсёды ведаў, як трэба лячыць. Наогул, найчасцей ён любіў ставіць дыягназ” [2, 276]. “Загадка Багдановіча” – гэта інтэрпрэтацыя асобы і творчасці класіка беларускай літаратуры вачамі літаратара іншага гістарычнага часу, заснаваная на глыбокіх перакананнях, што ў “слаўнай пляядзе нашых класікаў Багдановіч – фігура самая складаная”, што “па складзе свайго мыслення, па творчым тэмпераменце, па спосабе трансфармацыі думак і ўражанняў Багдановіч – класік, як ніхто з нашых класікаў. Прыблізна і груба кажучы, разуменне класічнага звязана ў першую чаргу не толькі з прызнаннем нарматыўнасці тых ці іншых эстэтычных з’яў (класічнымі ў гэтым сэнсе могуць быць любыя “ізмы”), а з характарам адносін мастака да рэчаіснасці, з вызначэннем ім ролі мастацтва ў жыцці чалавека і грамадства, са здатнасцю разумець мастацтва як сацыяльную, культурную і нацыянальную з’яву адначасова” [2, 418]. Стральцову імпанавала арганічная сувязь ідэй Багдановіча-тэарэтыка і Багдановіча-пісьменніка, сам ён прытрымліваўся такога ж прынцыпу. У адной з літаратурна-крытычных работ М. Стральцова былі радкі, якія можна ўзяць у якасці эпіграфа да ўсёй яго пісьменніцкай працы: “Кожны, хто больш-менш сур’ёзна задумваўся над праблемамі сённяшняй літаратуры, не толькі тэарэтычна, але і практычна імкнуўся вырашыць іх, непазбежна сутыкаўся, я думаю, з неабходнасцю па-новаму выказаць характар узаемаадносін паміж чалавекам і навакольным светам, што, у сваю чаргу, магчыма толькі пры дапамозе новай абумоўленасці формы і зместу” [2, 453].

Міхась Стральцоў сказаў сваё важнае слова ў айчыннай літаратурнай крытыцы. Яго артыкулы праблемныя, змястоўныя. Адзін з самых вострых – “Герой у шарачковай світцы” (1965), дзе Стральцоў дасціпна высмейваў імкненне сучасных яму аматараў пісаць у духу Багушэвічавай “Тралялёначкі”, горача абараняў наватарства, разумеў цяжкасці на шляху абнаўлення літаратуры, бо “эпігонам заўсёды лягчэй, чым першаадкрывальнікам” [3, 159]. Сапраўднае наватарства і сапраўднае майстэрства для яго – “рэалізацыя сродкамі мастацтва таго новага ў параўнанні з папярэднікамі бачання, якое дае кожнаму таленавітаму пісьменніку ягоны час” [2, 452]. Міхась Стральцоў выказаў шэраг цікавых ідэй адносна нацыянальнага літаратурнага працэсу. Напрыклад, пра Багушэвічавы псеўданімы першым заўважыў: “Ды і не пра славу думаў ён, не слава вымушала яго падпісвацца псеўданімамі – нейкім Мацеем Бурачком ці Сымонам Рэўкам з-пад Барысава. Можна, нават таму і не супадаюць псеўданімы аднаго і таго ж аўтара, што, акрамя іншых прычын, была яшчэ і такая: намер стварыць уражанне ў чытача, што не загінула зерне, кінутае ў родную глебу Мацеем Бурачком, што пасля ягоных спроб вось і яшчэ нехта “задумаў паспрабаваць што-кольвек напісаць” [2, 434]. Паводле яго разважанняў, “адмаўляючы Дуніна-Марцінкевіча, Багушэвіч прадвызначыў Купалу. І ў сацыяльным сэнсе, і ў сэнсе мастацкім” [2, 438]. У артыкуле “На пачатку ўсіх пачаткаў” (1964) М. Стральцоў даводзіў: “Зоркі Купалы, Коласа і Багдановіча аднолькава першай велічыні. <...> Ні адзін з іх не быў толькі паэтам. Купала паказаў дарогу нашай драме, Колас падняў на сваіх плячах эпас, стварыўшы “Новую зямлю” і даўшы на доўгі час накірунак нашай прозе. Багдановіч, раннюю літаратурную сталасць якога можна параўнаць хіба толькі са сталасцю Лермантава ў рускай літаратуры, як ніхто, уважліва, старанна выходжаў кожны новы парастак роднай літаратуры, узяў на сябе задачу нашага асветніка і крытыка” [2, 441], а таму ў сэнсе літаратурным гэта быў надзвычай вялікі выйгрыш для нашага прыгожага пісьменства. Шляхам аналізу прозы Кузьмы Чорнага ён даказаў, што “пейзаж нясе ў сабе як канструктыўны, так і “ідэалагічны” пачатак. У першым выпадку ён выступае як мастацкі кампанент твора, у другім – як каардыната жыццёвай, філасофскай канцэпцыі аўтара” [2, 455]. Літаратурна-крытычныя артыкулы Міхася Стральцова, як у свой час Максіма Багдановіча, былі прасякнуты клопатам пра далейшае развіццё айчыннага прыгожага пісьменства.

Заклучэнне. Феномен Міхася Стральцова ў беларускай літаратуры другой паловы ХХ стагоддзя быў запраграмаваны яго талентам, творчай інтуіцыяй, бездакорным мастацкім густам, чуйнасцю да запатрабаванняў часу і развіцця нацыянальнай літаратуры, абазнанасцю ў літаратурным працэсе, высокай патрабавальнасцю да сябе, імкненнем быць шчырым і аб’ектыўным у мастацкім дыялогу з чытачамі. У паэтычных і літаратурна-крытычных творах пісьменнік акцэнтаваў свае эстэтычныя імператывы: спасцігаць дух часу, пастаянна развівацца, мець уласную мастацкую праграму, улічваць тэндэнцыі развіцця сусветнай літаратуры і запатрабаванні сваёй нацыянальнай літаратуры, быць шчырым з чытачом.

1. Адамовіч, А.М. Міхась Стральцоў: учора і заўтра / Алесь Адамовіч // М. Стральцоў. Выбранае: проза, паэзія, эсэ. – Мінск: Маст. літ., 1987. – С. 3–8.
2. Стральцоў, М.Л. Выбраныя творы / Міхась Стральцоў. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2015. – 652 с.
3. Стральцоў, М.Л. Жыццё ў слове: літ.-крыт. арт. / М.Л. Стральцоў. – Мінск: Беларусь, 1965. – 192 с.

SOCIAL RELATIONS AND SPEECH IMAGE

U.M. Bachtikireeva
Vitebsk, Vitebsk State University

Image-making as a process is socially and culturally determined. The image is a multidimensional phenomenon, which explains the large number of aspects of its studying (philosophical, psychological, social, cultural and other aspects). However, a goal set or justification of each image consists in the exteriorization of internal resources of the individuality, which is impossible without language expression. Thus, speech is the primary 'form of existence' of the image.

Material and methods. This study is focused on the problem of Speech Image and the main methods of the research are systematization and theoretical understanding of the material, method of diagnostic context, denotative, emotive and structural analysis, semantic differential.

Findings and discussion. We understand Speech Image as an 'image-opinion' dichotomy that occurs in the psyche of a group of addressees as a result of linguistic manipulation. Its main features are as follows:

- The function of self-presentation. Communication occurs rather as a demonstration of the senses, far from being intended for the detection and interpretation by the addressee, than information transmission and manifestation of meanings.
- The cognitive function involves the use of language for cognition of the world, its categorization and conceptualization, in the process of which a fragment of personal (later – the group) worldview is created. The most important purpose of the language is organization of thinking. As a result of speech and thinking activity the image person creates a certain 'self-image', which determines his or her actions.
- The communicative function is focused on the transfer of information, designed to exert an impact on the target audience. This information can be presented in the form of messages, opinions, generalizations, using various genres.
- The vocative function is a function of the direct impact on the addressees by forming a particular worldview in them.
- The emotive function is focused on expressing the addresser's emotions and exciting the addressee's emotions.
- The emphatic function establishes and maintains a contact between the communicants, sets the audience for information perception through the use of certain speech passwords and signals (use of appeals, etc.)
- The socio dramatic function implies the ability to manage and control impressions. Such control is carried out by means of verbal and non-verbal means of communication.
- The function of social sharing provides a dialogue in which people attach importance to the outside world, seek to interpret the actions of other members of society. Social interaction is a constant exchange of different benefits between the people, and exchange transactions are the elementary acts of public life.
- The illusive-compensatory function is a process of everyday life 'compensation' by means of myth-making, not breaking, however, the behavioral framework of group roles.
- The aesthetic function is focused on attention to the form of communication and is implemented in the principle of selecting the verbalization means.

All these functions interact in the speech image structure; at the same time their combinatorics is carried out in accordance with the situational context and motivation of the person. We understand the motivation as an impetus for action that occurs during comprehension of personal needs.

The speech image should contribute to changing the social role of the person to a more 'liquid' one, establishing the person's authority professionally, accentuating not only its strengths but also the

super-task set by this person for oneself. So the speech image should mark the value systems of ethnic community and its culture, to be ‘an indicator of compatibility’ between the transmitted and expected.

Speech image always operates in a particular language community. Speech image components are selected depending on the mentality, value paradigm, expectations and communicative ideals elaborated by the ethnic group throughout its history. To satisfy the expectations of the target audience becomes the main objective of this process. It should be noted that each of the addressees of this audience is a kind of product of their culture and their language; thus, a collective addressee is united by common cognitive base, mental space, verbal behavior.

The detailed analysis of the speech image-making mechanism required image meeting the following criteria:

- The image should be fixed in the common cultural space that promotes instant recognition and initiation of the ‘associatively lever’.

- It should be complete.

- It should be feature transnational. The expansive force of the image should be obvious.

Communicative organization of the text is based on three main registers: reproductive, informative and reactive. Rhematic dominants in the text are dynamic and stative ones. The former is represented in the system of verbs of physical action, activity, movement: cook, take out, see, come up, have lunch, do shopping; the second defines the internal state of the addresser represented by the verb love. The attitude of the subject to the activities described takes the addressee to the level of content-conceptual information communicating the individual author’s understanding of reality and its fragments, their importance not only in the addresser’s life, but also in the social and cultural life of the people, including the relations of psychological interactions between individuals.

Conclusion. We believe that language (speech) means of influence are universal, i.e. they can be implemented in any linguo-culture taking into consideration ethno-specific features. Speech Image is a combinatorial formation, including the inherent (natural) parameters (the style of communication, the method of communication, individual concept sphere) and the setup of components necessary for a successful cooperation with people.

THE ARTISTIC DETAIL OF FOOD IN NIKOLAI GOGOL’S “THE NIGHT BEFORE CHRISTMAS” AND CHARLES’S DICKENS’S “A CHRISTMAS CAROL”

O. Belskaya

Vitebsk, Vitebsk State University

Nikolai Gogol and Charles Dickens as the universally acclaimed masters of the artistic detail are declared to have independently developed a similar direction in literature, or as one of the scholars, D. Urnov, called it “a Gogol-Dickens style” where “everything becomes a subject which possesses its individuality, admits detailed consideration, feeling, smelling, etc.” [1, 40] The comparative analysis of the writers’ two Christmas stories helps us to observe the functioning of food as a means of the artistic detail.

The purpose of the article is to study artistic detail of food in N. Gogol’s and Ch. Dickens’s works. ¹

Material and methods It should be mentioned that both Gogol and Dickens single out two parts of Christmas holidays – Christmas Eve, the notable period of preparation for Christmas, and the holiday proper.

Findings and discussion. In “The Night before Christmas” on Christmas Eve Cossacks go to the deacon “for kutya”, and “besides kutya there would be spiced vodka, saffron vodka, and lots of other things to eat”. In Orthodox tradition Christmas Eve is the day of a strict fast, when according to the Russian pious habit people had to keep starving until they could see the first star in the sky, which symbolized the Star of Bethlehem. With the appearance of the first star they ate sochivo (a dish of boiled wheat, rye or oats mixed with honey, porridge mixed with honey) or, as Gogol presents it, kutya (boiled rice or wheat with raisins and honey).

Gogol emphasizes the importance of fasting on Christmas Eve; it enables him to reveal the nature of his characters on the bases of the contrast between lenten and non-lenten food. Thus, Paunchy Patsiuk known in the village for his dubious reputation – “they say he knows all the devils

and can do whatever he likes” – on Christmas Eve instead of “hungry kutya” Patsiuk “eats dumplings, non-lenten dumplings” with sour cream. Besides, he eats the dumplings in an unusual, fantastic way: under Patsiuk’s imperious sight “a dumpling flipped out of the bowl, plopped into the sour cream, turned over on the other side, jumped up, and went straight into Patsiuk’s mouth”. This mysterious meal stuns the blacksmith but at the same time it places the character in a ridiculous situation: as the reader knows, Vakula intended to commit suicide, which is regarded as a deadly sin, as the sinners have no opportunity to repent for it. Vakula’s decision seems deliberate. Moreover, he intentionally heads for “dubious” Patsiuk to ask the devil for help. However, the scene of Patsiuk eating dumplings on the strictest day of Christmas fast struck the blacksmith with a sudden idea: “today is a *hungry* kutya, and he eats dumplings, non-lenten dumplings! What a fool I am, really, standing here and heaping up sins! Retreat!”. Thus, the fear of suicide turned out so minor compared with the fear of non-lenten dumplings!

In Dickens’s story as well as in Gogol’s tale much attention is devoted to preparation for Christmas holiday. However, the feast is depicted in a bit different key. While Gogol’s narration is full of religious allusions, the holiday in Dickens’s interpretation tends to teach general human virtues – kindness, generosity, philanthropy, sympathy and compassion. Yet these ideas are framed with typical features of English national traditions of celebrating Christmas, such as holiday rush, cooking Christmas dinner, visiting relatives, caroling. And the chief function of the preparation is festive mood: “the customers were all so hurried and so eager in the hopeful promise of the day, that they tumbled up against each other at the door, crashing their wicker baskets wildly, and left their purchases upon the counter, and came running back to fetch them, and committed hundreds of the like mistakes, in the best humour possible; while the Grocer and his people were so frank and fresh that the polished hearts with which they fastened their aprons behind might have been their own, worn outside for general inspection, and for Christmas daws to peck at if they chose.”.

In both “The Night Before Christmas” and “A Christmas Carol” we can find certain correspondences on the bases of skimpy (lenten) meals. Thus, if in “The Night before Christmas” characters eat lenten kutya, in “A Christmas Carol” Scrooge “takes his gruel”. In both cases the kutya and the gruel are sorts of cooked cereal. Yet, the approaches of both writers to this meal are different. The reason for the fast of Gogol’s characters is piety while in the case with Dickens’s Scrooge it is greediness and absolute unacceptance of Christmas merriment. So, Patsiuk is distinguished among Cossacks by eating non-lenten dumplings as well as Scrooge who also stands out against the mass of celebrating people by eating skimpy gruel at Christmas time.

Christmas celebration begins with a church service. References to this may be found in both narratives: Gogol notes “Even before dawn the whole church was filled with people”, and Dickens narrates: “soon the steeples called good people all, to church and chapel, and away they came, flocking through the streets in their best clothes, and with their gayest faces”.

The direct stage of the holiday is reflected by both writers through the prism of the national merriment accompanied by Christmas dinner. Gogol and Dickens provide detailed descriptions of Christmas dishes, which deeply reflect the national traditions of the Ukraine and England. In the Ukrainian Christmastide songs, dances and fancy-dress rites merged to transform the dull atmosphere into the atmosphere of a festival which is proved by special treats on the tables and in the sacks “with all sorts of things” in them. What did they throw into the sacks? The remarks of Gogol’s characters together with the writer’s notes let us know the contents of the sacks: “unloaded their sacks and boasted about the loaves, sausages, and dumplings”, “A little window would be raised, and the lean arm of an old woman <...> would reach out with a sausage or a piece of pie”; “I think he’s got whole quarters of lamb thrown in there; and sausages and loaves of bread probably beyond count”; “There must be pork in them”; “Suppose they’re stuffed with buckwheat loaves and lard biscuits –that’s good enough. If it’s nothing but flatbread, that’s already something”; “And what’s in the sacks, wheat loaves or flatbread?”. Directing the plot according to festive rules Gogol places his characters in comic positions: “Eh, there’s a whole boar in there!” – “It’s my chum!” – “And you probably wanted to eat me as pork? Wait, I’ve got good news for you: there’s something else in the sack—if not a boar, then surely a piglet or some other live thing.” This “some other live thing” turned out to be the deacon.

Dickens’s descriptions contain no less details and humour than those created by Gogol. The reader can see the traditional components of British national dinner – roast turkey or goose, Christmas pudding, lots of sweets and spices: “Heaped up on the floor, to form a kind of throne, were turkeys, geese, game, poultry, brawn, great joints of meat, sucking-pigs, long wreaths of sausages, mince-pies,

plum-puddings, barrels of oysters, red-hot chestnuts, cherry-cheeked apples, juicy oranges, luscious pears, immense twelfth-cakes, and seething bowls of punch, that made the chamber dim with their delicious steam”; “There were great, round, pot-bellied baskets of chestnuts, <...> There were pears and apples, clustered high in blooming pyramids; there were bunches of grapes, <...> there were piles of filberts, mossy and brown, <...> there were Norfolk Biffins, squat and swarthy, setting off the yellow of the oranges and lemons”; “the blended scents of tea and coffee were so grateful to the nose, or even that the raisins were so plentiful and rare, the almonds so extremely white, the sticks of cinnamon so long and straight, the other spices so delicious, the candied fruits so caked and spotted with molten sugar as to make the coldest lookers-on feel faint and subsequently bilious”; “Mrs. Cratchit entered – flushed, but smiling proudly – with the pudding, like a speckled cannon-ball, so hard and firm, blazing in half of half-a-quartern of ignited brandy, and bedight with Christmas holly stuck into the top”.

Conclusion: Thus, we can conclude that the detail of food helps Nikolai Gogol and Charles Dickens reveal in their Christmas stories a special national coloring of the Ukrainian and British festive traditions, create images of characters and express their attitude towards them.

ЛІНГВІСТЫЧНЫ СТАТУС УСТОЙЛИВЫХ ВЫРАЗАЎ

I.V. Бондал

Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава

Агульнавядома, што слоўнікавы склад любой мовы бесперапынна змяняецца і абнаўляецца. Невычэрпнай крыніцай яго папаўнення побач з лексікай выступаюць устойлівыя выразы: фразеалагізмы, прыказкі, прымаўкі, афарызмы, крылатыя словы, перыфразы.

Фальклорныя сваімі вытокамі, яны адлюстроўваюць і перадаюць шматвяковы вопыт народа, дапамагаюць зразумець яго менталітэт, нацыянальнае светаўспрыманне. Акрамя таго, такія устойлівыя адзінкі вызначаюцца лаканічнай будовай, арыгінальнымі сродкамі вобразнай экспрэсіі, дасканаласцю формы – з’яўляюцца адным з дзейсных стылістычных і выяўленчых сродкаў мовы.

Мэта артыкула – супаставіць розныя погляды даследчыкаў на прадмет і аб’ём фразеалогіі, абазначыць лінгвістычны статус устойлівых выказаў, вызначаўшы іх агульнае і адметнае.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання з’яўляюцца ўстойлівыя выразы: фразеалагізмы, прыказкі, прымаўкі, афарызмы, перыфразы; іх класіфікацыя і лінгвістычны статус. У даследаванні выкарыстаны наступныя метады: апісальна-аналітычны, параўнальна-супастаўляльны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Пэўны час устойлівыя выразы аб’ядноўваліся адным паняццем «*фразеалогія*». Тэрмін паходзіць з мовы грэкаў (ад *phrasis* – зварот, выслоўе, *logos* – вучэнне, навука). Літаральна выходзіць, што *фразеалогія* – навука пра выразы (выслоўі). Аднак тэрміналагізуючыся слова *фразеалогія* набыло іншае значэнне: у сучаснай лінгвістыцы – гэта раздел мовазнаўства, які вывучае фразеалагічныя адзінкі (фраземы), іх значэнне, структуру, адносіны да слова і сінтаксічных адзінак (словазлучэння, сказа), іх ужыванне ў мове, паходжанне. Тэрмін «фразеалогія» ўжываецца і са значэннем «сукупнасць фразеалагічных адзінак пэўнай мовы або пэўнага аўтара, твора, перыяду і інш.»

Разам з тым прадмет і аб’ём фразеалогіі даследчыкамі мовы трактуецца па-рознаму, што не дазваляе канчаткова вызначыць статус розных устойлівых выказаў. Фразеалогію разглядаюць у шырокім і вузкім плане [4, 8]. Пры шырокім разуменні да фразеалагічных адзінак адносяць не толькі ўласна фраземы (*рукой падаць, на шапачны разбор, лісам падшыты, хоць іголки збірай, кату на пяту*), а і выслоўі іншага плану:

прыказкі: *Дарагая тая хатка, дзе радзіла мяне матка, Адклад на ідзе ў лад, Позняя птушачка вочкі трэ, а ранняя ўжо дзюбку чысціць, Той не можа быць другам, хто ў бядзе абыдзе кругам, Рана загоіцца, а злое слова ніколі;*

крылатыя выслоўі і афарызмы: *Без чалавечнасці не будзе вечнасці* (Пімен Панчанка). *Кожны чалавек – гэта цэлы свет* (Кузьма Чорны). *Хваробы лечыць і атрутамі* (Максім Багдановіч). *Не шукай ты ічасця, долі на чужым, далёкім полі* (Янка Купала). *Спынішся – плынню адгоніць назад* (Сяргей Грахоўскі);

перыфразы: *бераг белых буслоў* (Беларусь), *раніца жыцця* (маладосць), *нябесныя вочы* (зоркі), *сасновы мёд* (жывіца), *вястунка гадоў* (зязюля), *абвіць вянком спаткання* (абняць каго).

Такі падыход да разумення фразеалогіі сустракаем і ў вучэбных дапаможніках для студэнтаў-філолагаў [1, 76]. У тыпавых вучэбных праграмах па сучаснай беларускай мове вышэйназваныя парэміі ўключаны ў раздзел “Фразеалогія” [2, 12].

Прыхільнікі вузкага разумення тэрміна “фразеалогія” катэгарыяльнай адзнакай фразеалагізма лічаць яго **семантычную цэласнасць** і аб’ём фразеалогіі абмяжоўваюць толькі сэнсава непадзельнымі выразамі. Апошнія дзесяцігоддзі семантычная канцэпцыя атрымлівае ўсё большае прызнанне ў даследчыкаў [3,10]. Пры такім падыходзе ў аб’ём фразеалогіі ўключаюцца моўныя адзінкі аднароднага характару, якія паддаюцца сістэматызацыі, падзелу на групы, тыпы, разрады.

Суіснаванне двух падыходаў да вызначэння аб’ёму фразеалогіі можна вытлумачыць тым, што ў асобную галіну мовазнаўства яна вылучылася толькі ў 60-я гады ХХ ст. Працяглы час фразеалагізмы пад рознымі назвамі (ідэёмы, выслоўі, прымаўкі і інш.) сцісла разглядаліся ў межах лексікалогіі, уключаліся ў фальклорныя зборнікі.

Вызначаючы лінгвістычны статус прыказак, афарызмаў, перыфраз як устойлівых выслоўяў (парэмій), адрозных ад фразеалагізмаў па сваёй сутнасці, граматычнай аформленасці, варта звярнуць увагу і на іх прамое ці ўскоснае дачыненне да фразеалагічных адзінак.

Прыказка і фразеалагізм. Прыказкі – кароткія народныя выслоўі павучальнага характару. Асобныя фразеалагізмы ўваходзяць у прыказку як яе “будаўнічы” матэрыял: *Радня да паўдня, а як сонца зойдзе – сам чорт не знойдзе. Трапіў у нерат- ні ўзад, ні ўперад. Прыйдзе каза да ваза, ды сена не будзе. Расце як гарох пры дарозе – хто ідзе, той скубе.*

Крылатыя выразы і фразеалагізм. Крылатыя выразы – трапныя, устойлівыя афарызмы кніжнага паходжання. Многія крылатыя выразы, уключаючы афарызмы, сталі базай для фарміравання фразеалагізмаў: *ахілесава пята, дамоклаў меч, жаба ў каляіне, людзьмі звацца, ні бэ ні мя, рыльца ў пушку.*

Перыфраза і фразеалагізм. Перыфраза – семантычна непадзельнае словазлучэнне, якое ў працэсе маўлення называе прадметы, дзеянні і адначасова характарызуе іх. Асобныя перыфразы сталі традыцыйнымі:

беларускі шоўк (лён), *беларускае мора* (Нарач), *другі хлеб* (бульба), *цар пушчы* (зубр), *чорнае золата* (нафта).

Такія перыфразы зразумелыя і без кантэксту. Пераходзячы з адзінак маўлення ў адзінкі мовы, перыфразы набліжаюцца да фразеалагізмаў і ўзнаўляюцца як гатовыя назвы (індывідуальна-аўтарская перыфраза → традыцыйная перыфраза → фразеалагізм).

Заклучэнне. Прааналізаваны матэрыял сведчыць, што ўстойлівыя выразы пры знешнім падабенстве, узнаўляльнасці, узаемапрапанікальнасці валодаюць рознымі прыкметамі, лексічнай і граматычнай катэгарыяльнасцю.

Улічваючы розныя погляды навукоўцаў на аб’ём фразеалогіі, вызначэнне лінгвістычнага статусу ўстойлівых выказаў патрабуе дадатковага вывучэння, выпрацоўкі шэрагу крытэрыяў як для акрэслення ўсяго фразеалагічнага матэрыялу, так і для яго класіфікацыі.

Спіс літаратуры

1. Сучасная беларуская літаратурная мова: Лексікалогія. Фанетыка. Арфаграфія: вучэб. дапам. / М.Ц. Кавалёва, А.К. Юрэвіч, Ф.М. Янкоўскі і інш. – 3-е выд., дапрац. і дапоў. – Мн.: Выш. шк., 1993 – 206 с.
2. Сучасная беларуская мова. /Тыпавая вучэбная праграма па вучэбнай дысцыпліне для спецыяльнасцей: 1- 210501 Беларуская філалогія (па напрамках);1 – 210504 Славянская філалогія. – Мінск, 2015г. – 27 с.
3. Лепешаў І.Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы: вучэб. дапам для філал. фак. ВНУ. – Мн.: Выш. шк., 1998. – 271 с.
4. Янкоўскі Ф.М. Беларуская фразеалогія. – Мн.: Нар. асвета, 1981. – 79 с.

КОНЦЕПТ СПАСЕНИЕ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

*А.А. Бувевіч
Вітэбск, ВГУ імені П.М. Машэрова*

Учненне о спасеніи занимае центральное положение в системе христианского вероученія. В христианстве спасеніе рассматривается как результат жертвенного прихода Сына Божьего в мир, призванного спасти человечество от греха, и в более широком смысле,

как преобразование человеческой личности и Вселенной, встреча человека с Богом, восстановление прерванной связи между ними.

Цель данной работы – выявить особенности смыслового содержания религиозного концепта *СПАСЕНИЕ* в русской лингвокультуре.

Материал и методы. Материалом исследования послужили толковые, фразеологические, этимологические словари. Для достижения поставленной цели в работе использовался метод описания, приемы обобщения и интерпретационного анализа контекстов.

Результаты и их обсуждение. Догмат о спасении как смысле земной жизни – один из центральных разделов христианской догматики – означает, что вся сознательная жизнедеятельность человека должна быть направлена на избавление и избежание грехов и созидание добра, на обретение вечного блаженства. Если мы обратимся к русской языковой сфере, то в речевой практике этот догмат выражается целым рядом русских народных пословиц и поговорок, в которых закреплены частные аспекты понимания спасения в русском лингвокультурном сообществе. С одной стороны, спасение трактуется как тайна, нечто неизведанное и непонятное, сложное в достижении: *Люди темные: не знаем, в чем грех, в чем спасенье. Час от часу к смерти ближе, а от спасенья дальше.* С другой стороны, спасение связывается с некоторыми положительными качествами и действиями человека, такими как терпение, умение, простота, чистота, чувство опасности, разум, смирение, пост и молитва: *Уменье – половина спасенья. Опасенье – половина спасенья. Простота да чистота – половина спасенья. Терпенье – лучше спасенья. Разум – душе во спасенье, богу на славу. Смиренье – богу угожденье, уму просвещенье, душе спасенье, дому благословенье и людям утешенье. Одно спасенье – пост да молитва.* [1]. Такой недуг как глухота приобретает в русском лингвокультурном сознании положительное значение и также трактуется как способ, ведущий к спасению: *Глухой – половина спасенья (не слышит беззаконий).* Кроме того, есть ряд пословиц и поговорок, в которых показываются конкретные действия человека, отдаляющие его от спасения: *Нищего (или бедного) убить – не спасенье нажить. То не спасенье, что пьян в воскресенье. Во многом глаголении несть спасения.*

В контексте православной культуры идея спасения непосредственным образом связывается с верой в Иисуса Христа, поэтому для русского менталитета образ Бога-Христа отождествляется с именем Спасителя. Сокращенная форма от Спасителя – Спас, вошла в названия русских православных праздников, икон и храмов. Испокон веков в России в августе христиане отмечают три праздника, которые в народе называют Спасами – медовый (Первый Спас), яблочный (Второй Спас) и ореховый, или хлебный (Третий Спас). В народном творчестве названия этих праздников вошли в состав некоторых пословиц, поговорок и примет: *Пришел спас – держи рукавички про запас; Пришел спас – всему час: плоды зреют; Второй спас всему час – шубу припас; Третий спас хлеба припас; Коль хорош Третий спас, будет зимой квас.*

В русской иконографии иконы Спасителя занимают главное место, в каждой из них раскрывается особый догматический и богословский смысл образа Спасителя: Спас Нерукотворный, Спас Вседержитель (Пантократор), Спас на Престоле (Спас Златая риза), Спас Эммануил, Спас Благое Молчание, Спас в Силах.

Образа Спасителя получает множество интерпретаций в художественных текстах многих русских писателей и поэтов. Н.А. Некрасов и Ф.И. Тютчев придавали особое значение вере во Христа как основе народной нравственности. Все творчество Ф.М. Достоевского одухотворено образом кроткого и милосердного Иисуса, в Котором человек обретает утешение, любовь и красоту.

Таким образом, под влиянием христианства идея спасения души становится ключевым концептом русской лингвокультуры.

С точки зрения структуры, мы относим концепт *СПАСЕНИЕ* в разряд *исконных и производных*, поскольку, согласно данным этимологических словарей русского языка Г.А. Крылова [2], М. Фасмера [4], А.К. Шапошникова [5] существительное *спасение* образовано от глагола *спасти*, от древнерусского – *съспасти*, старославянского – *съспасти*, *съпасж*. Согласно данным этимологических словарей, эти глаголы являются производными от *пасти* (от лат. *pasco* – пасу, кормлю), в исходном значении обозначающем «водить домашний скот по тем местам, где произрастает корм для них, оберегать от опасностей разного рода» [4, 215]. Следовательно, семантические компоненты (семы) этого слова: водить, кормить, охранять от

опасностей. Эти семы реализуются в производных словах: *пастбище, выпас, пастух, пастырь, запас, опасение, спасти, спаситель, спасательный* и др. Следует отметить, что в библейских текстах указанные семы реализуются в номинации Иисуса Христа в качестве Пастуха и Пастыря, которого люди воспринимали как добровольного главу, вождя своего стада (то есть народа).

Концепт *СПАСЕНИЕ* является *развивающимся*, поскольку он активно используется в национальной концептосфере, его содержание пополняется новыми смыслами и признаками. Это утверждение основывается на материалах словаря русского языка Д.В. Дмитриева, в котором указывается 6 градаций частотности употребления слов: наиболее часто, очень часто, часто, сравнительно часто, нечасто, редко. По данным указанного словаря лексема *спасение* относится к словам *частого* употребления [3, 1268], следовательно, активно используется в национальной культурной системе, а значит, и является актуальной для данного культурного общества.

Заключение. Таким образом, рассмотрев концепт *СПАСЕНИЕ* на материале толковых, фразеологических, этимологических словарей русского языка, можно сделать вывод, что данный концепт особенно важен для русской православной лингвокультуры, поскольку отражает исконные ценности русского лингвокультурного сообщества.

Список литературы

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа : сб. / В. И. Даль. – М. : Русский язык-Медиа, 2004. – 814 с.
2. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка. / Г. А. Крылов. – СПб. : Полиграф услуги, 2005. – 432 с.
3. Толковый словарь русского языка : св. 35 000 значений / Д. Ахапкин [и др.] ; под ред. Д. В. Дмитриева. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 1582 с.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : пер. с нем. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3: Муза – Сят. – 830 с.
5. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – М. : Флинта : Наука, 2010. – Т. 1. – 584 с.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА В ПАМЯТНИКАХ БЕЛОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII в.

Л.М. Вардомацкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Изучение истории формирования белорусского языка, аккумулировавшего в себе огромный социально-исторический опыт народа, внимательное изучение определивших его современное состояние этапов, процессов и социально-исторических особенностей – важнейшее условие для понимания современного состояния белорусского общества, тенденций и закономерностей его формирования, развития, и укрепления. Языковая ситуация на территории нынешнего белорусского государства в разные исторические эпохи продолжала оставаться сложной и очень часто зависела от внешних факторов. Но внимательное изучение документов разных эпох свидетельствует о том, что в недрах белорусского социума продолжали сохраняться и развиваться традиции восточнославянской языковой культуры, которые и определили формирование нового белорусского языка.

Цель исследования – выявление, изучение и лингвистический анализ русскоязычных текстов памятников письменности конца XVI – нач. XVII веков, исполненных, как правило, в восточных областях Великого Княжества Литовского.

Актуальность исследования определяется необходимостью исторического подхода к пониманию и объяснению лексического состава, фонетической и грамматической структуры современного языка, поскольку только такой подход позволяет объективно оценивать и аргументировано объяснять особенности его современного состояния, видеть исторические корни тех или иных языковых явлений.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили рукописные документы, написанные (переписанные) в XVII веке на территории современного Витебска и восточных районов Витебской области. Как известно, с одной стороны, это в исследуемый период времени территория пограничья Великого Княжества Литовского и Московского государства, с другой – восточнославянские земли, на которых зарождалась, формировалась и закреплялась в языке древняя Русь. Изучение языка письменных памятников этого ареала дает возможность говорить о проникающих прежде всего в устную речь как под воздействием внутренних, так и внешних причин языковых изменениях.

Результаты и их обсуждение. Территория нынешнего белорусского государства в разные исторические эпохи оказывалась в сфере влияния различных культурно-исторических и конфессиональных традиций. И каждая эпоха, каждое влияние в той или иной мере оседали в языке народа и, просеиваясь в нем, формировали единую языковую систему. В конце XVI века Витебск и Витебщина оказались в составе Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского. В 1597 году Витебску было даровано право самоуправления (Магдебургское право) которое подразумевало определенную автономию. Дошедшие до нас тексты этого периода написаны на старобелорусском языке (кириллицей или латиницей), или на польском языке (латиницей). Вероятно, можно говорить о сосуществовании в это время и двух официальных языков – польского и старобелорусского. В качестве примера можно вспомнить письмо короля Сигизмунда, обеспокоенного излишней, на его взгляд, активностью по внедрению униатства в восточных землях, Витебскому воеводе Янушу Костевичу (17 мая 1621 года), которое было написано по-русски (или на старобелорусском языке), и письмо канцлера Льва Сапегы (почти в это же время – 1622 год) архиепископу полоцкому И. Кунцевичу по тому же поводу, но уже на польском языке. Нас интересуют тексты, написанные на старобелорусском языке. Хоть можно предположить, что и польскоязычные тексты, созданные в эти года на территории Витебского (и Могилевского) воеводства, также могут нести в себе интересные следы старобелорусского языка.

В качестве примера рассмотрим копию («слово до слова») Решения комиссарского суда под председательством Льва Сапегы по делу об убийстве архиепископа Полоцкого И. Кунцевича. Копия выполнена 22 июня 1675 с оригинала от 22 января 1624 года переписчиками оршанского «*каптурового суда*» (избранного временного суда – Л.В.) в Орше для записи «*до книгъ каптуровыхъ оршанскихъ*». Текст оригинала, как известно, исполнен на польском языке. В оршанской копии сохранен польский язык непосредственно протокола заседания комиссии Льва Сапегы. Но собственное предисловие, а также предисловие к протоколу, выполненное витебскими писарями на польском языке, оршанские переписчики передают на старобелорусском языке. И эти даже небольшие отрывки дают современному языковеду увидеть интересные особенности, формировавшиеся к середине XVII века в языке жителей. Среди таких особенностей отметим, в частности.

1. Утвердившееся и ставшее, вероятно, орфоэпической нормой отверждение шипящих и [ц]: *Сына божого, Божюю милостю, скончономъ сойме, наяснейшого пана, нашого пана, щасливе скончоном, щасливое коронации*. Но встречающиеся в тексте исключения – *засядаючими, постановившице* – свидетельствуют о том, что традиции древнерусской мягкости шипящих еще известны белорусским писцам середины XVII века. А признание этого факта требует внесения уточнений в сложившуюся в исторической фонетике периодизацию истории шипящих.

2. Различение [г]-взрывного и [г]-фрикативного. Графически это различие обозначается использованием сочетания **-кг-** для обозначения [г]-взрывного: *кгородскихъ* (в тексте четыре раза употреблена данная форма и только с сочетанием **-кг-**), *колекгам, кгда*. Последовательное использование такого написания наблюдаем в фамилиях лиц, как правило, не местного происхождения: *пан Кгозлинский, дворянинъ Корвин-Кгосевский, князь Кготский*. Написания *Сапега, месяца генваря, книгъ* свидетельствуют о «белоруссификации» этих форм и произношении в оршанском говоре в таких словах [г]-фрикативного. В окончаниях родительного падежа числительных и прилагательных, восходящих к родительному падежу указательного местоимения **и**, во всех случаях используется только графема **-г-**, причем как в старых формах на *-аго*, так и в активно используемых новых формах с окончанием *-ого*: *третьаго, комисарскаго, благодаславенаго, полоцкаго, втораго, пятого, наяснейшого*. Отметим, что в русском правописании окончание *-аго* было орфографической нормой и в XIX веке.

3. Появление и фиксация на письме характерных для будущей белорусской речи служебных слов и грамматических форм:

абы быть уписанъ (*абы* – в русском *чтобы*, в польском *żeby*); *уписанъ* – в русском *вписан*, в польск. *wpisać*); *слово до слова* (русс. *слово в слово*); *з другими* (вместо *съ другими*); *до Витебска* (вместо *въ Витебскъ*); *декреть суду* (вместо *суда*), *уписуючы у книги*; *аж до коронации*.

4. В устную речь активно проникают, подвергаются региональному влиянию и фиксируются в текстах лексемы, вошедшие позднее в белорусскую лексическую систему:

маець (совр. белор. *мае*), *справь* (совр. белор. *спраў*), *покаране* (совр. белор. *пакаранне*), *окрутнаго* (совр. белор. *акрутнага*).

Заклучение. Изучение памятников письменности, созданных в XVII веке на территории восточных областей нынешней Беларуси, свидетельствует, что именно на этих территориях формировался региональный язык, в значительной мере определивший становление будущего белорусского национального языка.

Список литературы

1. Мова беларускай пісьменнасці XIV – XVIII стст. / А.М. Булыка, А.І. Жураўскі, І.І. Крамко, У.М. Свяжынскі; пад агульн. рэд. А.І. Жураўскага. – Мінск: 1988. – 320 с.
2. Янкоўскі, Ф. Гістарычная граматыка беларускай мовы. 1 частка / Ф. Янкоўскі. – Мінск: 1974. – 144 с.
3. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. тридцатый / под ред. Дм.Ив. Довгялло. – Витебск: 1903. – С.17.
4. Сапунов, А. Витебская старина. Т.1 / А. Сапунов. – Витебск: 1883. – С. 223–238.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА

И.А. Виноградов
Витебск, ВГАВМ

Современный человек живет в культурной среде, складывающейся в течение многих столетий. Эта среда представляет собой чрезвычайно сложное явление, незаметно воздействующее на человека и определяющее его мировоззрение, поступки и мышление. Язык – один из элементов этой культурной среды, являющийся одновременно и результатом развития цивилизации, средством фиксации ее истории, и одним из средств ее формирования. Специально-профессиональная коммуникация осуществляется в рамках замкнутого словарного контекста. Создавая новую область знаний или пересматривая старую, ученый закрепляет ее понятия специальными словами – терминами. Термины – это наиболее важная часть специальной лексики, поскольку они активно участвуют в производстве, накоплении, синтезе и обобщении знаний о сущности вещей, явлений, процессов в природе, обществе. Целью данного исследования является определение семантических свойств юридических терминов уголовного права.

Материал и методы. Материалом исследования являются юридические термины Уголовного кодекса Республики Беларусь, юридические термины, зафиксированные в словарях. В ходе исследования применялись следующие методы: наблюдение, описание семантических свойств юридических терминов уголовного права, их анализ для определения характерных черт юридических терминов уголовного права.

Результаты и их обсуждение. Специфика семантики термина особенно четко проявляется при сопоставлении позиции слова, когда оно употребляется как терминологически, так и нетерминологически. В этом случае Н. З. Котелова выделяет три варианта такого соотношения: 1) тождество значения слова в терминологическом и нетерминологическом употреблении; 2) более широкое или, чаще узкое значение термина по сравнению со значением общеупотребительного слова; 3) терминологическое значение не принадлежит литературному языку [2, 122].

Первый тип соотношения слова и термина невозможен в современной терминологии в связи с тем, что, попав в терминосистему, общелитературное слово развивает специфические системные связи с другими терминами и неизбежно изменяет своё значение и концептуальное содержание, хотя этот процесс не всегда адекватно отражается в кодифицированных определениях. Однако в период возникновения древнерусской юридической терминосистемы первый вариант соотношения слова и термина был возможен, что отражало низшую ступень терминологизации слова. Следовательно, терминологическое значение в современной терминосистеме может быть близким общезыковому, хотя и не тождественным ему. Такое положение особенно ярко проявляется в юридической терминологии и заметно на протяжении всей истории её формирования при терминологизации слов общего употребления (*убийство, грабёж, драка*).

Юридические термины уголовного права по характеру своих определений подразделяются на перечневые, описательные (казуистические) и родовидовые [5, 107]. Определение термина при помощи перечня лиц, действий и т. д. – довольно характерный вид дефиниций для юридической терминологии. Такой способ определения термина свидетельствует о расплывчатом характере значения термина, т. к. при этом происходит

расчленение понятия: *Диверсия – совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений, разрушения или повреждения зданий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи или другого имущества, в целях нанесения ущерба экономической безопасности и обороноспособности Республики Беларусь* [4, 208].

Многие термины в юриспруденции получают описательные дефиниции, особенно часто встречающиеся у составных терминов: *Назначение наказания по совокупности преступлений – при совокупности преступлений суд, назначив основное и дополнительное наказание отдельно за каждое преступление, окончательно определяет наказание по их совокупности путём поглощения менее строго наказания более строгим либо путём полного или частичного сложения назначенных наказаний* [4, 44].

Построение определения через ближайший род и видовое отличие считается идеальной формой дефиниции: *Преступлением, совершённым умышленно, признаётся общественно опасное деяние, совершённое с прямым или косвенным умыслом* [4, 16]; *Преступление признаётся совершённым с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления* [4, 16]; *Преступление признаётся совершённым с косвенным умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия, не желало, но сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично* [4, 16].

С семантической точки зрения, реально функционирующие юридические термины неоднородны. Среди них можно выделить:

1) термины, обладающие интенциональным типом значения (*наказание*), в котором закреплены качества или свойства, составляющие внутреннее содержание слова, т. е. его сигнификация;

2) термины с экстенциональным типом значения, в котором более чётко проступает денотативное значение в силу того, что в нём закрепляется не содержание понятия, а его объём, представляющий множество вещей, денотатов, с которыми соотносится понятие.

Экстенциональным значением обладают термины, употребляемые в широком и узком значениях. Например, термин *защитник* в широком значении обозначает *и адвоката, и общественного защитника, и близких родственников обвиняемого*; в узком значении этот термин *означает лишь общественного защитника* [5, 108]. Подобный тип значения присущ терминам, в семантической структуре которых заложена альтернатива, способствующая его ситуативному употреблению, а также многозначным терминам. Альтернатива содержится в дефинициях некоторых юридических терминов: *Неповиновение – открытый отказ от исполнения приказа начальника либо иное умышленное неисполнение приказа* [4, 243].

Оценка одних и тех же номинативных единиц в общем употреблении и в юридической терминологии может не совпадать. Так слово *укрыть* в общем употреблении несёт положительную оценку: *скрыть от кого-нибудь, чего-нибудь (укрыть от преследователей)* [3, 1087]. В юридической терминологии термин *укрывательство* отмечен знаком минус: *укрывательство преступлений – одна из форм прикосновенности к преступлению; объективная сторона укрывательства выражается в сокрытии, преступника, орудий и средств совершения преступления, предметов добытых преступным путём* [1, 719].

Заключение. Таким образом, терминологическое значение – один из видов лексического значения, в основе которого лежит формальное понятие. Юридический термин принципиально не может быть экспрессивным, так как право в лице его представителей, выступает в роли верховного арбитра между добром и злом, правомерным и противоправным.

Список литературы

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА, 1998. – 790 с.
2. Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина / Н.З. Котелова // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 122–126.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: около 53.000 слов / С.И. Ожегов; Под общей редакцией профессора Л.И. Скворцова. – М.: Оникс: Мир и образование, 2006. – 1200 с.
4. Уголовный Кодекс Республики Беларусь: с изменениями и дополнениями, внесёнными Законом Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2014. – 304 с.
5. Хижняк С.П. Семантические свойства юридического термина / С.П. Хижняк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – №2. – С. 104–112.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ СДВИГ В НОМИНАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ

*Ю.М. Галковская
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В основе современных функциональных теорий языка (А.В. Бондарко, Е.М. Вольф, Г.А. Золотова) лежит идея взаимодействия языковой системы и среды. Иными словами, функционирование языковых единиц обусловлено экстралингвистическими факторами в определенном ареале.

Актуальность проблематики определило регионоцентрическое направление развития современной научной парадигмы, в центре которой находится проблема декультурации и вопрос о «размытии» национальных и культурных границ.

Цель данной статьи – установить степень трансформации национально-культурных ценностей в номинативных приоритетах жителей приграничья в условиях глобального национально-культурного сдвига.

Материал и методы. В качестве материала исследования использованы данные очного и заочного анкетирования, проведенного в 2015–2016 гг. среди жителей приграничных районов Витебской области. Общий объем проанализированного эмпирического материала составил 100 единиц, которые были систематизированы, ранжированы и классифицированы с помощью сравнительно-сопоставительного метода и элементов статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Глобализация общества, начавшаяся на рубеже XX–XXI вв., оказывает влияние не только на современную онтологию. Обозначив исходный онтологический контекст существования человека и культуры как двух взаимообусловленных компонентов в определенном естественно-историческом поле, ученый В.Н. Топоров обозначил суть процесса культурного осмысления следующим образом: «Культура ... не только то место, где рождаются смыслы, но и то пространство, где они обмениваются, “проводятся” и стремятся быть переведенными с одного языка культуры на другой» [1, 7]. Однако интегративные процессы, характерные как для смежных территорий и контактирующих языков, так и для мирового сообществ, в настоящее время приводят к глобальной лингвистической интеграции или, наоборот, к языковой дивергенции (например, языковая концепция World Englishes), повлекших за собой «размытие культурных границ» (blurring of cultural borders) и культурный сдвиг (cultural shift).

Глобализация и интеграция, однако, оказывают не только положительное влияние на развитие общества, способствуя расширению социальных и информационных границ, увеличивая экономические потенциал и интенсифицируя ресурсный поток. Кроме глобализационных экологических проблем, повлекших за собой рост населения, сокращение биологических видов и др., ученые констатировали интенсификацию процесса декультурации и потери национально-культурной и языковой идентичности. Научные изыскания, ведущиеся, главным образом, на материале романо-германских и тюркских языков, направлены на решение проблемы сохранения культурно-языковой идентичности (см. исследования У.М. Бахтикиреевой, И.М. Гасановой, З.Г. Прошиной, А.Н. Рудякова и др.).

Особой значимостью в решении вопроса декультурации обладает научная парадигма, сфокусированная на региональном компоненте и его национально-культурной составляющей.

Количественное ранжирование эмпирического материала исследования, охватившего 100 респондентов – жителей приграничных населенных пунктов Витебщины (гг. Браслав, Верхнедвинск, Городок, Дубровно, Мёры, Постава, г.п. Видзы, Езерище, Лёзно, Лынтупы, Россоны, Сураж), и сопоставление полученных данных с результатами анкетирования, проведенного в 2011–2012 гг. [см. подробнее 2] позволило установить изменения в номинативных приоритетах жителей белорусско-литовско-латышского и белорусско-русского приграничья и динамику мотивов выбора личного имени новорожденному.

Так, доминирующими мотивами выбора личного имени на территории приграничья в 2015–2016 гг. по-прежнему выступают качественная оценка антропонимной единицы субъектом-номинатором и следование модным тенденциям (54% и 49% в белорусско-литовско-латышском и белорусско-русском приграничных регионах соответственно). Именование согласно той или иной национальной традиции, которой следуют родители новорожденного, постепенно интенсифицируется и становится популярным мотивом среди номинаторов в

приграничье (34% и 28% соответственно в двух приграничных ареалах). Сопоставление результатов анкетирования в синхроническом аспекте по линии «запад–восток» констатировало сходство в системах номинативных приоритетов. В северо-западном и северо-восточном приграничных регионах роль средств массовой информации в номинативной практике постепенно возрастает. Однако социальной массовизации и глобальной интеграции номинативных приоритетов, которые могут привести к постепенному уподоблению и качественной однородности именников, препятствует усиление национального самосознания субъектов-номинаторов, что количественно подтверждается трехкратным увеличением случаев именованности в соответствии с национальной традицией по сравнению с данными 2011–2012 гг.

Заключение. Таким образом, в условиях формирования глобального сообщества XXI в. и открытости коммуникативных, информационных и государственных границ в номинативной сфере витебского приграничья не происходит размывания национальной идентичности и национально-культурного сдвига. Несмотря на распространение тенденции следования моде в вопросе номинативного выбора, жители приграничья стремятся обозначить этническую принадлежность своего ребенка с помощью личного имени, характерного, по их мнению, для национальной именованной системы.

Список литературы

1. Топоров, В.Н. Пространство культуры и встречи в нем / В. Н. Топоров // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1989. – С. 6–17.
2. Галковская, Ю.М. Национальные номинативные приоритеты жителей приграничья / Ю.М. Галковская // Слова ў мове, маўленні, тэксте : зб. навук. арт. / Брэст. дзярж. ун-т ; пад агул. рэд. Н.Р. Якубук. – Брэст, 2012. – С. 32–34.

АСТИОНИМИЯ РОССИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

*В.М. Генкин
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Реки, равно как и другие крупные или относительно крупные водные объекты, издревле были местами, возле которых селился человек. Достаточно даже беглого взгляда на карту, чтобы убедиться: именно по берегам рек наблюдается более высокая концентрация населенных пунктов. Следует отметить и еще один важный факт: на речных побережьях процент поселений городского типа заметно выше, чем на других территориях. Все областные и многие районные центры Беларуси могут служить иллюстрацией и подтверждением этого наблюдения. Естественно, что географическая близость и жизненная взаимообусловленность реки и города не могли не отразиться в астионимии.

Хотя астионимия относится к числу наиболее изученных разрядов топонимии, остается ряд вопросов, которые еще требуют своей детальной проработки или доработки. Это, в частности, касается этимологизации отдельных названий, выявления специфики региональных топонимических систем и др. Однако актуальность данного исследования обусловлена не только и не столько теоретическими исследовательскими задачами, сколько практическими потребностями. В условиях активного развития регионального туризма явно будут востребованы топонимические исследования «маршрутного» характера, которые позволят в дальнейшем ярче, интереснее и более системно представить информацию о местных географических названиях. Без такой информации невозможно представить современный культурно-познавательный туризм.

Цель исследования состоит в выявлении специфики астионимии белорусского и российского побережья Западной Двины, установлении общих тенденций в номинации поселений городского типа.

Материал и методы. В качестве материала исследования выступают названия белорусских и российских городов, расположенных на Западной Двине. Источником сбора материала послужили географические карты Тверской и Смоленской областей Российской Федерации, Витебской области Республики Беларусь, привлекалась также карта Латвийской Республики. Всего на побережье насчитывается 23 поселения городского типа, из которых 3 (*Андреаполь, Западная Двина, Велиж*) располагаются на российской территории, 7 – на

белорусской (*Витебск, Бешенковичи, Полоцк, Новополоцк, Дисна, Верхнедвинск, Друя*) и 13 – на территории Латвии (*Краслава, Даугавпилс, Рига* и др.). Предметом нашего непосредственного внимания будут 11 ойконимов – десять ныне существующих и утраченный вследствие переименования астионим *Дрисса*.

В исследовании использовались этимологический, описательный, формантный и структурно-грамматический методы.

Результаты и их обсуждение. Из десяти современных астионимов семь имеют давнюю историю и сформировались естественным топонимическим путем. Название *Новополоцк* было дано новому промышленному городу, построенному в середине XX века вблизи Полоцка. Астионим *Верхнедвинск* является искусственным: в 1962 году город *Дрисса*, расположенный на месте впадения одноименной реки в Западную Двину, был переименован в *Верхнедвинск*. Принятие решения о переименовании тогда объяснили недостаточной благозвучностью прежнего названия, хотя оно до сих пор используется для именованя реки и озера. Этимология топонима однозначно не определена. В.А. Жучкевич выдвинул в качестве наиболее вероятной версию о том, что потамоним (и, следовательно, ойконим) *Дрисса* является балтийско-финским и происходит от основы *driksne* – река [1, 109]. Другие исследователи обнаруживают в названии финно-угорский элемент *др-*, имеющий значение «озеро», что позволяет трактовать потамоним как «озерная река» [2, 33-34]. Ойконим *Западная Двина* появился в 1900 году вместе с именуемым населенным пунктом.

Анализ структурно-грамматических особенностей астионимии показал следующее. Шесть названий имеют форму мужского рода. Это одна из особенностей, отделяющих астионимию от комонимии. В последней названия в форме мужского рода встречаются редко: например, в Витебской области на долю ойконимов мужского рода приходится около 3,5% процентов. Все астионимы женского рода, включая и ушедшее название *Дрисса*, являются безаффиксными и образовались путем трансонимизации потамонимов: *Дрисса* и *Дисна* – это, соответственно, правый и левый притоки Западной Двины; *Друя* – прежнее название реки *Друйки*. Районный центр Тверской области *Западная Двина* назван по имени главной реки региона. Единственный из рассматриваемых астионимов (*Бешенковичи*) имеет форму множественного числа. Он отличается как структурно-грамматически, так и с точки зрения этимологии. Происхождение названия *Бешенковичи* логично связать с антропонимом (фамилией), тогда как остальные астионимы имеют «водную» семантику.

По структуре 7 названий являются простыми (*Бешенковичи, Велиж, Витебск, Дисна, Дрисса, Друя, Полоцк*), три сложными (*Андреаполь, Верхнедвинск, Новополоцк*) и одно составным (*Западная Двина*). В словообразовательном отношении нужно особенно выделить формант *-ск*, который вообще в ойконимии явно не относится к числу продуктивных. Для сравнения: сегодня на Витебщине из более чем шести с половиной тысяч населенных пунктов только 27 имеют названия, оформленные данным суффиксом. Формант *-ск* в определенном смысле можно назвать «городским» и «речным»: выражая значение неличной принадлежности, он чаще всего используется для образования названий городов, расположенных на реках. Название *Бешенковичи* образовано при помощи форманта *-ичи (-овичи)*, который в ойконимии обычно присоединяется к антропонимным основам. Учитывая неоднозначность этимологии названия *Велиж* и непрозрачность его основы, считаем логичным отнести астионим к производным.

Сложные ойконимы образованы по стандартным для региона топонимическим моделям. Астионим *Андреаполь* образован на базе топонимического сочетания *Андреано Поле* (по имени владельца местности генерал-лейтенанта Андрея Кушелёва). Название *Верхнедвинск*, несмотря на его искусственность, не противоречит законам топонимического словообразования. Однако в нем нарушена номинативная логика, в результате чего астионим не вполне вписался в топонимическую систему: во-первых, город располагается в среднем течении, а не в верховье реки; во-вторых, астионим не полностью соотносится с потамонимом (река *Западная* – не *Верхняя* – *Двина*). Название *Новополоцк* в силу своей прозрачности не требует дополнительных комментариев.

Анализируя идею мотивации рассматриваемых названий, нужно отметить, что они, за исключением астионимов *Андреаполь* и *Бешенковичи*, указывают на местонахождение населенного пункта. Причем прослеживается следующая логика: в основах ойконимов (кроме

позднего названия *Западная Двина*) отражены названия притоков (города расположены на месте их впадения в Двину). Соответственно, можно предположить, что из нескольких версий происхождения названия *Велиж* больше вписывается в номинативную логику версия о его отгидронимном происхождении: город расположен там, где река Велижка впадает в Западную Двину.

Заключение. Астионимия побережья реки Западная Двина характеризуется рядом особенностей как структурно-грамматического, так и номинативного характера, что позволяет говорить о наличии в ней системных отношений.

Список литературы

1. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Издательство БГУ, 1974. – 448 с.
2. Аўчынінікава, Р.І. Тапанімія сярэдняга цячэння р. Заходняя Дзвіна / Р.І. Аўчынінікава // Чэрскі Іван Дзяменцэвіч (да 160-годдзя з дня нараджэння): зб. артыкулаў. Вып. 1. – Мінск: БДУ, 2005. – С. 33–34.

ВОБРАЗ А.МІЦКЕВІЧА Ў РАМАНЕ Я.Т. ПАПІ “ЦЯРНІСТЫМ ШЛЯХАМ”

Г.А. Гладкова
Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава

Раман польскай пісьменніцы, педагога, перакладчыцы Ядвігі Тэрэсы Папі (Jadwiga Teresa Papí) “Цярністым шляхам” (“Po ciernistej drodze”), выдадзены пад псеўданімам Я.Т. Gałczowska, прысвечаны асэнсаванню важнай гістарычнай падзеі першай трэці XIX стагоддзя ў гісторыі Польшчы і Беларусі – Лістападаўскаму паўстанню 1830-1831 гг. На старонках твора прасочаны шлях сталення будучых удзельнікаў узброенага выступлення ад моманту навучання ў гімназіі і да апошніх дзён паўстання, што ахоплівае больш чым дзесяцігадовы перыяд. Эпілог рамана прысвечаны апісанню далейшага лёсу герояў і адлюстраванню перспектывы змагання за свабоду. Асоба А.Міцкевіча – выбітнага паэта-рамантыка, класіка польскай літаратуры, ураджэнца беларускіх земляў – разглядаецца пісьменніцай у стасунках з польскай эміграцыяй.

Мэта даследавання – асэнсаванне вобраза А.Міцкевіча ў творах польскай літаратуры XIX стагоддзя, што дазваляе дапоўніць партрэт пісьменніка і патрыёта і паспрыяць далейшаму вывучэнню пытання ўдзелу Міцкевіча ў эміграцыйным руху.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання паслужыў раман Я.Т.Папі “Цярністым шляхам” (Кракаў, 1896). Былі выкарастаны наступныя метады даследавання: біяграфічны і культурна-гістарычны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Як вядома, Польскае паўстанне 1830-1831 гг. (у польскай гісторыяграфіі – Powstanie listopadowe), якое ахапіла расійскую частку тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай, было чарговай спробай змяніць палітычную сітуацыю і аднавіць былое дзяржаўнае ўтварэнне ў межах 1772 года. Т.Я.Папі на аснове гістарычнага матэрыялу стварыла своеасаблівы раман выхавання, адрасаваны маладому пакаленню канца XIX стагоддзя. Эпілог рамана адлюстроўвае лёс удзельнікаў паўстання пасля паражэння апошняга. У выніку захопу расійскімі войскамі Варшавы частка польскай інтэлігенцыі мела адзінае выратаванне – накіравацца ў эміграцыю, дзе сярод іншых краін “другой радзімай” для іх стала Францыя. Як адзначае В.Гарбачова, “Самай прывабнай для эмігрантаў стала Францыя. Што тычыцца колькасці эмігрантаў, якія апынуліся ў Францыі, то самі паўстанцы вызначалі яе лічбай у памерах 7–8 тыс. вайскоўцаў і цывільных асоб” [1, 106].

Менавіта ў Парыжы адбываюцца падзеі, прадстаўленыя ў эпілогу, задача якога – паказаць, што патрыятычныя сілы краю не вынішчаны канчаткова і Польшча мае надзею на адраджэнне незалежнасці ў будучым.

У доме доктара Юліўша Каньскага, які пакінуў Варшаву і пераехаў ў Францыю, чакаюць прыход на вячэру ідэйнага натхніцеля польскай эміграцыі – Адама Міцкевіча. Як вядома, паэт апынуўся ў Парыжы, пакінуўшы Дрэздэн, у 1832 годзе, дзе пачаў супрацоўнічаць з эміграцыйнымі дзеячамі, стаў лідарам эміграцыйнага руху. Я.Т.Папі ўвяла ў канву твора вобраз Міцкевіча невыпадкова: аўтарскі намер – паказаць, што “Польшча ў выгнанні” ацалела, ёсць сілы, кансалідуючыя нацыю, значыць, не будуць забытымі землякі, якія засталіся на радзіме ў неспрыяльных палітычных абставінах. Паказальна, што на вячэру ў доме Каньскіх гатуюцца

стравы літоўскай кухні (litewskie potrawy) – калдуны, зразы, боршч і кісель – што падкрэслівае літвінскае паходжанне А. Міцкевіча.

Пісьменніца акцэнтуюе ўвагу на партрэтных дэталях: выразны твар, буйная швэлюра валасоў, адкінутая з ілба, мяккі погляд вачэй. Паэт павітаў кожнага, быў уважлівы і прыязны да сяброў. Падчас вячэры польскія эмігранты прыгадвалі важныя бітвы мінулага (пад Сточакам, Астраленкай, Ваўрам, абарону аднаго з апорных пунктаў польскай сталіцы, легендарнага рэдуга “Воля” і г.д.). “*Прарок слухаў, апусціўшы галаву на далонь, задуменна, было відаць, што думкамі ён быў далёка і ў вачах яго гарэў нейкі дзіўны агонь, усе прыціхлі і глядзелі на яго...*” (пераклад – Г.Г.) [2, 301].

Наступны фрагмент тэкста ўяўляе сабой урывак з паэмы А. Міцкевіча “Рэдут Ардона”, які паэт дэкламуе падчас вячэры. Гэта частка твора прысвечана апісанню подзвіга Юльяна Канстанты Ордана, які ўзарваў рэдут пры падыходзе расійскіх войскаў. Такі выбар бачыцца невыпадковым, урывак надзелены глыбокай партрыятычнай ідэяй, ён гучыць паэтычным заклікам змагарам за волю Айчыны быць роўнымі славутаму герою паўстання. Адпаведны гераічны настрой яднае прысутных і знаходзіць выяўленне ў ідэйна важнай размове пра адсутнасць згоды сярод палякаў-эмігрантаў.

Падчас сустрэчы прадстаўнікі польскага эміграцыйнага руху абмяркоўваюць стварэнне камітэта польскай эміграцыі пад кіраўніцтвам дзяржаўнага дзеяча, пісьменніка Б. Немаеўскага. Гаспадар дома Каньскі так ацэньвае праблему слабага адзінства ў камітэце эмігрантаў: “... нязгода, як хвароба, падточвае бедную нашу Польшчу...” [2, 298]. Як вынікае з маналогу героя, дзейнасць патрыятычнага камітэта мела на мэце адкрыццё польскай школы, стварэнне прытулку для эмігрантаў і тых, хто не можа працаваць, аднак, непаразуменні сярод членаў аб’яднання не спрыяюць вырашэнню праблем адаптацыі ў новых абставінах. Такая нязгода суайчыннікаў засмучае паэта, ахоплены клопатам пра стан палякаў у выгнанні, ён не выключае магчымасці, што, на жаль, “слова можа не перайці ў справу”.

Заканчваецца вячэра на высокай патрыятычнай ноце, калі ў адказ на сумныя весткі з радзімы, якія датычуць становішча палякаў пад уладай Расійскай імперыі, Міцкевіч сцвярджае: “*Кажу вам, сябры, мы прарокі народа, не дазволім памерці Польшчы. Адсюль будзем умацоўваць братаў нашых, якіх прыгнёт пазбавіць сілы духу, гэта і ёсць наша мэта*” [2, 305].

Заклучэнне. Айчыннае і замежнае міцкевічазнаўства працягвае асэнсаванне феномену асобы А. Міцкевіча як паэта-рамантыка, дзеяча нацыянальна-вызваленчага руху, лідара эміграцыйных колаў польскага грамадства. Як адзначаў Т. Бой-Жэлінскі, “*А. Міцкевіча лічаць польскім патрыётам, але сам ён, як гэта не дзіўна, з’яўляўся носьбітам ідэалогіі “літвінскага патрыятызму”*” [3, 154]. Нагадаем, што літвінскае паходжанне паэта падкрэслена і ў рамане Я. Т. Папі “Цярністым шляхам”.

З улікам ідэйна-мастацкага аналізу твора можна сцвярджаць, што раман польскай пісьменніцы дапаўняе факталагічны матэрыял па гісторыі Лістападаўскага паўстання шляхам мастацкай рэканструкцыі падзей. На старонках твора дзейнічаюць героі, народжаныя аўтарскай фантазіяй, так і рэальныя гістарычныя асобы, сярод якіх значнасцю вылучаецца А. Міцкевіч. Ствараючы рэалістычную панараму падзей, аўтарка, тым не менш, не пазбягае ідэалізацыі вобраза польскага паэта-рамантыка. На гэта працуюць усе мастацкія сродкі стварэння вобраза: партрэтная характарыстыка, асаблівасці паводзін героя (ветлівасць, далікатнасць, шляхетнасць), раскрыццё яго палымянай натуры ў сцэне чытання паэмы, фінальны эпізод развітання з сябрамі. Думаецца, створаны вобраз прарока нацыі ў асобе А. Міцкевіча неабходны для выражэння аўтарскага погляду на сутнасць эміграцыі, задача якой – з’яднацца насуперак любым неспрыяльным абставінам і падтрымліваць дух суайчыннікаў, якія засталіся пад уладай Расійскай імперыі.

Спіс літаратуры

1. Гарбачова, В.В. Беларусь і “Вялікая эміграцыя” (1830-1860-я гг.) / В.В. Гарбачова // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал. У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] – Мн: БДУ, 2007. – С. 106–109.
2. Gałęzowska, J.T. Po ciernistej drodze: powieść historyczna z dziejów powstania 1830 roku dla młodzieży / J.T. Gałęzowska. – Kraków: Drukarnia Narodowa F.K. Pobudkiewicza, 1896. – 312 s.
3. Żeliński-Boy, T. Bronzownicy / T. Żeliński-Boy. – Warszawa: Roj, 1930. – 270 s.

СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В «МАЛОЙ» ПРОЗЕ Л. АНДРЕЕВА

Л.Я. Глазман
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Леонида Андреева чаще всего интересовал человек вообще, проблема его сущности, его места в мире, безотносительно к тому, к какой национальной, а в более позднем творчестве и социальной категории он принадлежит. Между тем, национальная проблематика, нашедшая отражение хоть и в немногих текстах автора, а потому недостаточно изученная, занимает важное место в его творчестве, чем и определяется актуальность исследования.

Цель – выявить художественные формы проявления национального сознания в «малой» прозе Л. Андреева.

Материал и методы. События эпохи заставили писателя обратиться к национальному аспекту в рамках военной проблематики во время Первой мировой войны, однако нашел он выражение, в основном, в публицистике (циклы статей «*В сей грозный час*» (1914), «*Перед задачами времени*» (1916)). Среди художественных текстов, отражающих подобную проблему, выделяются рассказы «*Иностранец*» (1902) и «*Ночной разговор*» (1915). При исследовании данной проблемы используется культурно-исторический метод.

Результаты и их обсуждение. В раннем андреевском рассказе «*Иностранец*» звучит мотив обретения родины. Студент Чистяков, страдая от неустроенности, бестолковости жизни, мечтает о переезде в благородную Германию. Россия, в его представлении, это 64-й номер общежития, где собирались и кутили Ванька Костюрин, Панов, грубый силач Толкачев, высокомерный Каруев и серб Райко Вукич. Главный герой противопоставляет себя, человека со строго определенной целью в жизни, бестолковой, пьяной компании товарищей. Он, чувствуя себя нездешним и нося прозвище «*Иностранец*», начинает и вести себя как чужой. Пораженный несправедливостью к нему товарищей, за одного из которых персонаж вступился в драке с Толкачевым, Чистяков еще больше мечтает уехать в «цивилизованный мир». Однако, глядя на безграничную любовь к Сербии Райко, чувствует, что забывает взять в дорогу что-то очень важное. В финале рассказа Чистяков остается, понимая, что, утратив родину, он не сможет быть счастливым.

В данном рассказе и «русскими» персонажами (Костюрин, Каруев, Толкачев), и «иностранцами» (Райко, Чистяков) утрачена родина. Ваньку Костюрина, всячески подчеркивающего свою «русскость», Райко справедливо называет обманщиком. Ведь человек, уважающий свою страну, никогда не станет так презрительно и цинично оскорблять патриотические чувства товарища. У него переживания Райко о смерти серба вызывают иронию. Позиционирование себя как русского до мозга костей человека в данном случае следует расценивать как позерство. Райко оторван от своей родины, и Чистяков с ужасом понимает, что в еще худшем положении мог оказаться он, не осознающий утраты. Видя тоску по родине серба, главный герой вовремя чувствует, что и ему, почти уже уехавшему, хочется петь о своей земле. И хотя не находятся нужные слова, он обретает свое место в той стране, в которой родился и которой созвучны его душевные устремления. Писатель, демонстрируя с помощью своих персонажей различные человеческие заблуждения, приводит к простой истине: глупо думать о том, что можно убежать от проблем в другое место. Еще сложнее построить что-то свое в чужом краю, чем на том месте, где ты родился. В рассказе прослеживается мысль, которая впоследствии отчетливее звучит в публицистических статьях Андреева. Это противопоставление русской жизни с ее хаотичностью и распущенностью и западной упорядоченности и строгой определенности. Причем если в рассказе оно носит преимущественно характер констатирующий (как то, что необходимо принять), то в военных статьях оппозиция «Россия – Германия»¹ приобретает дополнительную коннотацию.

Действие рассказа «*Ночной разговор*» охватывает августовские события первых дней вторжения германской армии в Бельгию. После двух дней штурма Вильгельм II в поисках спасения от бессонницы приказывает привести к нему одного из пленных на ночной разговор, чтобы «очаровать его, непривычного к разговору с царями» [2], потешив свое самодержавное самолюбие.

¹ Л. Н. Андреев воспринимал Германию как воплощение империализма и деспотии Запада.

Андреев сохраняет в рассказе свойственную ему экспрессионистически эмоциональную манеру повествования. Традиционное для писателя изображение войны как сумасшествия и всеобщего разрушающего хаоса, ярко представленное в рассказе «Красный смех» (1904), сохраняется и в «Ночном разговоре». Но повествовательный фон с его экспрессионистской нагрузкой на детали в изображении «болевого центра» [2] с «массами бледных людей в остроконечных касках» [2], «безграничной усталостью» [2] и «запахом крови» [2] составляет общечеловеческий план восприятия войны наряду с идеологическим, на который переключает внимание писатель, вводя в художественную организацию рассказа двух персонажей: кайзера Вильгельма II и бельгийского профессора, волонтера. Бельгийский волонтер оказывается бежавшим в Бельгию от смертной казни русским революционером. Можно сказать, что у Андреева, занявшего в первые годы войны активную гражданскую позицию и отошедшего на время от художественного творчества, этот рассказ по своей идее также носит ярко выраженный публицистический характер. И в нем, кроме политического аспекта и философского осмысления сущности Первой мировой войны, ее значения для мира и каждого отдельного человека, поднимается еще и проблема национального самосознания.

С одной стороны, получается так, что именно в руках русского революционера на время оказывается жизнь германского императора и именно русский предрекает в финале поражение немцам. Это, в целом, соотносится с теми мессианскими идеями писателя по поводу «освободительницы угнетенных народов» [1, 87] России, которые он активно развивал в публицистике. С другой стороны, автор вступает в полемику с некоторыми бытовавшими в то время мнениями, в том числе, о сущности русского национального сознания и характера. Вильгельм II упрекает русских в излишней эмоциональности и отсутствии рациональной составляющей. Однако по ходу развития действия становится очевидно, что вся практичность и разумность немецкой нации сводится к механизации насилия и смерти, к «моторным плугам, роющим могилы» [2]. Андреев, вопреки устоявшемуся в культурно-философской среде мнению² о губительности преобладающего в русском человеке женского начала, последовательно проводит мысль о том, что именно эмоциональность и женственность характера русской нации является показателем его сильного духа и потому поможет одержать победу над Германией.

Заключение. Л. Андреев, в тех немногих художественных текстах, которые затрагивают вопросы национального характера, делает попытку осмысления особенностей русского сознания, которому, с одной стороны присущи неупорядоченность и чрезмерный, губительный стыд, а с другой – тоже не свойственные западному миру братолюбие и способность сопереживать. Писатель ищет пути национального возрождения, а потому пытается донести до русского общества важность уверенности в могуществе Российской державы и необходимость быть сопричастным всему происходящему, чего невозможно, по мысли автора, сделать без трезвого осмысления особенностей своего менталитета, его достоинств и недостатков.

Список литературы

1. Андреев, Л. Н. В сей грозный час. Статьи / Л. Н. Андреев. – Петроград: Прометей, 1915. – 110 с.
2. Андреев, Л. Н. Ночной разговор / Л. Н. Андреев // Lib.Ru: Классика [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0539.shtml. – Дата доступа: 11.04.2014.

ФУНКЦИИ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

*Н.В. Голубович
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Библейские мотивы, литературные реминисценции в «Белой гвардии» М.А. Булгакова – отсылки к «Капитанской дочке», «Пиковой даме» А.С. Пушкина, «Войне и миру» Л.Н. Толстого, «Ночи перед Рождеством» Н.В. Гоголя, «Бесам» Ф.М. Достоевского, «Господину из Сан-Франциско» И.А. Бунина, «Фаусту» И.В. Гете – рассматриваются нами как «пратексты» произведения.

² Наиболее последовательно данная мысль отразилась в статьях Н. А. Бердяева (Бердяев, Н. А. Судьба России: Книга статей / Н. А. Бердяев. – М.: «ЭКСМО», 2007. – 640 с.).

Цель исследования – выявление интертекстуальных связей в романе и определение их функциональной специфики.

Материал и методы. Материалом для исследования принципов моделирования М.А. Булгаковым художественной реальности являются реминисценции в романе писателя «Белая гвардия». Специальное внимание уделяется особенностям художественного мышления писателя. Методологию исследования определяет комплексный подход, сочетающий сопоставительно-типологический, культурно-исторический и текстологический методы.

Результаты и их обсуждение. Специфика художественной модели реальности в романе «Белая гвардия» и его социально-философская концепция выявляются в смыслопорождающем континууме реального и условно-метафорического планов.

Революционная Россия, как бунинская «Атлантида», несетя у Булгакова навстречу разверзшемуся аду гражданской войны: «Перед Еленой остывающая чашка и “Господин из Сан-Франциско”. Затуманенные глаза, не видя, глядят на слова: ... мрак, океан, вьюга» [2, 187]; «и глумятся «Бесы» отчаянными словами...» [2, 229].

Точкой отсчета идейной концепции «Белой гвардии» становится образ метели в эпиграфе к роману. Образы зимнего ненастья: «буран», «метель», «пурга», «вьюга» – символичны в русской литературе и традиционно связаны с выражением «душевной» или «духовной» непогоды, с социальными или историческими невзгодами. Эти символы имеют множество смысловых значений и индивидуально-авторских интерпретаций.

Особое место занимает «снежная» символика у русских символистов, на близость к которым М.А. Булгакова указали такие литературоведы, как М. Каганская, С. Шаргородский [4, 5, 7] и др. Непосредственное влияние поэмы А. Блока «Двенадцать» усматривает в «Белой гвардии» славист из США Эллендея Проффер: по ее мнению, снежный буран за окнами турбинской квартиры и тепло домашнего очага поляризованы в романе так, как в жизни противопоставлены хаос социальных бурь и благоустроенность цивилизации [6, 95].

Принимая во внимание мнение авторитетных ученых, мы тем не менее хотели бы отметить не переключки, сходства или аналогии с символистами в семантике «зимних» образов (которые, конечно, можно обнаружить в «Белой гвардии»), но именно несовпадения – и более того, указать на очевидные различия в генеалогии символа «метели» у М. Булгакова и А. Блока.

«Метельные» образы у А. Блока (“Завивает ветер/Белый снежок”, “Гуляет ветер,/порхает снег”, “Разыгралась чтой-то вьюга”, “ – Ох, пурга какая, спасе!”, “И вьюга пылит им в очи” и т.д.) – это символы революционной (разрушительной, но очищающей) стихии, сметающей старый мир, приговор которому звучит в начале поэмы «Двенадцать». Блоковское отношение к революции сложное, противоречивое, не сводящееся к какому-либо однозначному тезису. Но приятие революции Блоком очевидно. В статье «Интеллигенция и революция» А. Блок пишет: «России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и – по-новому – великой», «Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую немного равных себе по величию», «Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не все потеряет. Дворец разрушаемый – не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, – не кремль. Царь, сам свалившийся с престола, – не царь. Кремли у нас в сердце, цари – в голове» [1, 9-11]. Несмотря на метафоричность и экспрессивность блоковских высказываний, всеотрицающая революционная патетика А. Блока чужда булгаковскому «монархическому стоицизму» – даже когда речь идет о «буржуазных», по Блоку, – сугубо материальных символах старой России. Как не вспомнить в связи с этим известную булгаковскую «фотографию с моноклем».

В отличие от А. Блока, слушавшего революцию «всем телом, всем сердцем, всем сознанием» и призывающего «пальнуть в Святую Русь», М.А. Булгаков открыто заявил о своем принципиальном неприятии любых революционных изменений. Начиная с очерка «Грядущие перспективы» (1919) писатель будет неустанно напоминать о слепой жестокости революции и о неминуемой расплате: «Нужно будет платить за прошлое невероятным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном, и в буквальном смысле слова. Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станков для печатания денег... за все» [3, 110]. Вопреки блоковскому «мы бездомны, бессемейны <...> – что же нам терять?», булгаковским Турбиным есть что терять. Наперекор всем историческим «стихиям» Турбины будут оберегать непреходящие для них ценности «старого мира»: «бронзовую лампу под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей

Ростовой, Капитанской Дочкой...», – всё то, что воплощает и подразумевает для них дом, семью, честь офицера, преданность присяге, верность «богу на иконе» и «царю на троне».

Заключение. Не только эпиграф из «Капитанской дочки» подсказывает нам действительный источник «снежного» лейтмотива в булгаковском романе, но прежде всего пушкинский взгляд на русскую историю, на способы разрешения конфликта «между белой и черной костью» и, главное, абсолютное неприятие А.С. Пушкиным той «животной бодрости», которую приветствует Блок в революции. Строки из «Капитанской дочки» прочерчивают преемственную связь булгаковского романа с пушкинской темой трагической, метельной судьбы России, тревожных, «буранных» ее дорог.

Список литературы

1. Блок А.А. Интеллигенция и революция / А.А. Блок. Собрание сочинений. В 8 т. Т.6. – М.-Л.: Гос. издательство художественной литературы, 1962. – с. 9-20.
2. Булгаков, М.А. Собрание сочинений: в 5 т. / М.А. Булгаков; Редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; Вступ. статья В. Лакшина; Подгот. текста М. Чудаковой; Коммент. Я. Лурье, А. Рогинского («Белая гвардия»), М. Чудаковой. – М.: Худож. лит., 1992. – Т. 1: Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах. – 623 с.
3. Булгаков М.А. Морфий / Сост., предисл. и коммент. В. Казака. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 479 с.
4. Каганская, М. Мастер Гамбс и Маргарита / М. Каганская, З. Бар-Села. – Тель-Авив, 1984. – 272 с.
5. Каганская, М. Белое и красное / М. Каганская // Литературное обозрение. – 1991. – № 5. – С. 93 – 99.
6. Галинская И.Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях. Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии; Отв. ред. Скворцов Л.В. – М., 2003. – 132 с.
7. Шаргородский, С. Собачье сердце, или Чудовищная история / С. Шаргородский // Литературное обозрение. – 1991. – № 5. – С. 87 – 92.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В ТЕКСТЕ «ТЯЖЕЛАЯ ДОЛЯ. ОТРЫВКИ ИЗ “ДНЕВНИКА” СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ» (ВИТЕБСК, 1903)

В.В. Горнак

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

«Тяжелая доля...» – это литературно-художественное произведение, в основу которого положены дневниковые записи сельской учительницы – Веры Андреевны. В тексте достаточно подробно описывается быт сельской местности конца XIX века, значительное место в повествовании отводится внутреннему миру учительницы, ее взаимоотношениям с деревенскими жителями и школьниками, довольно широко представлена местная разговорная речь. Подлинное имя автора установить не удалось. Известны только его инициалы – В.К. Первый и единственный раз это произведение было опубликовано в 1903 году.

Цель исследования заключается в рассмотрении художественного времени как категории литературного текста.

Материал и методы. Материалом для научного исследования послужило произведение «Тяжелая доля. Отрывки из “Дневника” сельской учительницы» [1]. В процессе работы использовались следующие методы: описательный, лингвистическое комментирование, семантико-стилистический. Художественное время нами понимается как «форма бытия эстетической действительности, особый способ познания мира» [2, 44].

Результаты и их обсуждение. Художественное время в анализируемом тексте **многомерно**, так как оно состоит из времени автора (В.К.), времени предполагаемого читателя и субъективного времени главного персонажа – сельской учительницы Веры Андреевны.

Сюжетное время одновременно является и **биографическим**, так как в произведении описывается определенный жизненный этап главной героини – *годы ее учительства в сельской школе* [1, 3]. **Время автора** (В.К.) играет непосредственную роль в установлении границ всего текста (начало и конец), являясь своеобразным «каркасом», «оправой» для дневниковых записей Веры Андреевны.

Время в дневниковых отрывках **обратимо**, что объясняется принципом организации мемуарных произведений. В «Тяжелой доле ...» мы наблюдаем двойную ретроспекцию. Первую (начальную) линию представляет непосредственное ведение дневника, в котором фиксировались события и переживания молодой учительницы, происходившие в период ее работы в сельской школе. Перечитывание Верой Андреевной своих записей – это вторая ретроспективная линия: *Как все это было давно, но как свежо оно в памяти!* [1, 23]; *Буря ли навяла грустные воспоминания или роковая болезнь...* [1, 3].

О **продолжительности** художественного времени в «Тяжелой доле...» необходимо говорить, учитывая наличие двух темпоральных плоскостей. Во-первых, это три часа холодной ноябрьской ночи: *Часы глухо прогудели, отсчитывая одиннадцать ударов* [1, 3]. *На стене послышалось шипенье и затем пробило 2 часа ночи* [1, 41]. Во-вторых, Вера Андреевна, перелистывая дневник, вспоминает свое учительство с 26-го августа 1879 по ноябрь 1882 года.

События из «Дневника» Веры Андреевны преподносятся **прерывисто (дискретно)**. Читатель имеет возможность ознакомиться лишь с некоторыми фрагментами из воспоминаний, которые содержали в себе запись самых печальных событий ее жизни [1, 23]. Дискретность времени «сглаживается» через авторские вставки, заполняющие преднамеренные пробелы между событиями [1, 1–3, 17, 23, 32, 41, 42]: *Девушка пропустила несколько страниц своего “Дневника”* [1, 17]; *Девушка оставила чтение “Дневника”* [1, 23]. С помощью этих временных регистров читатель то погружается вслед за Верой Андреевной в чтение ее дневника, то вновь возвращается в относительное настоящее – *холодную ноябрьскую ночь*. Данное свойство событийного времени помогает писателю выделить крупным планом наиболее значимые моменты в жизни Веры Андреевны.

В целом же линия времени выстраивается **последовательно**, в хронологическом порядке, на что указывают конкретные даты ведения дневника: *4-е сентября 1879 года, 7 сентября, 15 сентября, 27 сентября, 28 сентября, 6 октября, 18 октября, 25 октября, 15 ноября, 27 ноября, 9-ое января 1882 года*.

В дневниковых записях Веры Андреевны изложены события ее учительства в А-ском училище, *вблизи П-каго почтового тракта* [1, 4]. Исторические события оказывают непосредственное влияние на профессиональное становление молодой сельской учительницы: плачевное состояние здания училища, отсутствие необходимых средств для организации учебного процесса, безграмотность крестьян, несправедливые замечания и придирки инспектора отдела образования. Таким образом, **закрытое биографическое время** учительницы существует в общем потоке **открытого исторического времени**. Однако биографическое время Веры Андреевны выдвигается на передний план, что обусловлено преобладанием личностно-субъективного начала над объективным.

Художественное время в «Тяжелой доле...» выступает как единство **конечного и бесконечного**. В потоке времени выделяется одно событие или их цепь, начало и конец которых обычно фиксируются. Финал же произведения – сигнал того, что временной отрезок, представленный читателю, завершился. В «Тяжелой доле...» особая роль принадлежит теме **конечности** человеческой жизни. В финале произведения Вера Андреевна умирает: *Девушка тяжело, удушливо закашлялась, схватилась за грудь и бессильно упала на жесткую, убогую кровать...* [1, 42].

В «Тяжелой доле...» время представлено не только событийно, но и **образно**. Так, В.К. использует в авторской речи **образ часов**, воплощающий неумолимую власть времени: *В комнате была бы полная тишина, если бы не однообразное тиканье старых запыленных часов* [1, 2]. *Часы глухо прогудели, отсчитывая одиннадцать ударов* [1, 3]. *На стене послышалось шипенье и затем пробило 2 часа ночи. Этот глухой звук среди завывания бури на дворе и ночной тишины в комнате как-то особенно болезненно отдался в душе* [1, 41]. Именно эти старые часы отсчитывают последние мгновения жизни молодой учительницы.

Образ огня лампы на столе Веры Андреевны олицетворяет угасающую жизнь молодой учительницы: *Тускло горит, слегка потрескивая, лампа на большом столе* [1, 1]. *Лампа слабо освещает бедную обстановку комнаты и изнуренное лицо учительницы, и дребезжит в ней какой-то страдальческий звук* [1, 3]. *Лампа все тускней и тускней мерцала, распространяя неприятный запах. Вот в последний раз вспыхнуло пламя – и все погрузилось во мрак* [1, 42].

Заключение. Таким образом, в «Тяжелой доле...» художественное время характеризуется повышенной субъективностью автора, что можно объяснить структурой данного произведения, организованного в виде дневниковых записей. Художественное время в рассмотренном тексте ретроспективно, чаще дискретно, может быть как последовательным, так и непоследовательным.

Список литературы

1. В.К. Тяжелая доля. Отрывки из «Дневника» сельской учительницы / В.К. – Витебск, 1903. – 42 с.
2. Николина, Н.А. Филологический анализ текста / Н.А.Николина. – М., 2003. – 256 с.

ЭКСПРЭСІЎНЫЯ НАЗВЫ АСОБ ПАВОДЛЕ ЗНЕСНІХ АСАБЛІВАСЦЕЙ І ФІЗІЧНАГА СТАНУ Ў ГАВОРКАХ ВІЦЕБШЧЫНЫ

Т.А. Грачыха
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава

У беларускай дыялектнай мове асобнае месца займае лексіка эмацыянальна-экспрэсіўнага характару, якой у літаратурнай мове звычайна адпавядаюць стылістычна нейтральныя словы. Такія лексемы часцей за ўсё адлюстроўваюць негатыўнае стаўленне жыхароў вёскі да адмоўных бакоў жыцця чалавека ў грамадстве, у тым ліку і ў адносінах да яго паводзін, знешніх і ўнутраных асаблівасцей. Пласт дыялектнай экспрэсіўнай лексікі недастаткова распрацаваны ў беларускім мовазнаўстве.

Мэта нашага даследавання – выявіць спецыфіку эмацыянальна-экспрэсіўных назваў асоб паводле фізічнага стану і знешніх асаблівасцей чалавека ў гаворках Віцебшчыны.

Матэрыял і метады. Крыніцай для даследавання дадзенага пласта дыялектнай лексікі Віцебшчыны паслужылі дыялектныя слоўнікі, на аснове якіх быў сабраны і прааналізаваны рэгіянальны матэрыял [1-4]. Метады даследавання – апісальны і параўнальна-супастаўляльны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Вызначаная лексіка-семантычная група экспрэсіўных назваў-характарыстык чалавека паводле знешніх асаблівасцей і фізічнага стану ў гаворках Віцебшчыны прадстаўлена лексічнымі адзінкамі, адрознымі паводле матывацыі: непрыгожы, брыдкі, з вялікімі вачамі, губамі, галавой, носам, крываногі, кульгавы, высокі, худы, тоўсты, мажны, моцны, здаровы, слабы, хваравіты, глухаваты.

У народзе заўсёды высока цанілі знешне прыгожых і фізічна здаровых людзей. У лексічных адзінках, занатаваных на тэрыторыі Віцебшчыны, выяўляюцца адмоўныя адносіны да чалавека, які не адпавядае народным уяўленням пра знешнюю і фізічную прыгажосць. Такія словы маюць прыкметы абразы, знявагі. Напрыклад, матывацыйная прыкмета ‘непрыгожы, брыдкі’ адлюстравана ў наступных лексемах: *гаўцька* ‘брыдкі з выгляду чалавек’: *Баба нічога сабе, а за гаўцьку выйшла.* (Замачак Чаш.) [1, 149]; *залупля* ‘непрыгожы чалавек’: *Бегайць к ей нейкі залупля.* (Ляхаўка Дубр.) [1, 202]; *кадзіла* ‘непрыгожая, знешне непрывабная жанчына’: *Не жонку выбраў, а кадзілу нейкую.* (Смалоўка Гар.) [1, 222]; *шалында* ‘непрыгожая, нязграбная дзяўчына’: *Верчына дачка такая ўжо шалында.* (Ахрэмаўцы Брасл.) [2, 339].

У лексіка-семантычную мікрагрупу экспрэсіўных назваў асоб паводле такіх вызначальных рыс адметнасцей твару, як вялікая галава, нос, вочы, губы, уваходзяць наступныя лексемы: *галавач* ‘чалавек з вялікай галавой’: *Нейкі галавач у мужыках у яе.* (Зайцава Арш.) [1, 138]; *насуль, насуля* ‘чалавек з вялікім носам’: *Такі насуль!* (Мілашова Міёр.); *Насулю такую ў жонкі ўзяў.* (Уна Лёзн.) [2, 53]; *вірлатка* ‘жанчына ці дзяўчына з вялікімі вачыма’: *Палюбіў прыгожую вірлатку.* (Доўгае Глыб.) [1, 121]; *вірлаты* ‘лупаты, зіркаты’: *У маладосці ў міне малец быў, такі вірлаты і высокі.* (Слабодка Брасл.) [1, 121]; *вылупаі* ‘вялікія вочы’: *У дзеўкі такія ўжо вылупаі. У каго толькі ўдалася!* (Ахрэмаўцы Брасл.) [1, 132]; *губэль, губздэр* ‘чалавек з вялікімі тоўстымі губамі’: *Які ты праціўны губэль!* (Гарбацэвічы Арш.) *Ён такі губздэр!* (Круткі Паст.) [1, 163]; *грыбаты, грыбасты* ‘губаты’: *Які гэты маліц некрасівы і дужа грыбаты.* (Сар’я В.-Дзв.); *Грыбастага гэтага мужыка царпець не магу.* (Мікіціха Шум.) [1, 160].

Лексіка-семантычную мікрагрупу назваў асоб з адмоўнай канатацыяй паводле фізічнага стану, адметнасцей канстытуцыі цела чалавека вызначаюць такія семы, як ‘вельмі высокі’, ‘высокі і худы’, ‘высокі і нязграбны’, ‘высокі і мажны’, ‘высокі, але неразумны’, ‘нізкі’. Так, яркая экспрэсія характэрна для наступных арыгінальных слоў: *байбас, байбіс* ‘байбус; высакарослы дарослы чалавек, які паводзіць сябе не па гадах па-дзіцячы’: *Такі байбас, а з рабятамі гуляць.* (Сасноўцы Шарк.); *Такі байбіс, а нідзе не працуе.* (Мікалаёва Міёр.) [1, 63]; *басіла* ‘мажны і высокі чалавек’: *Вымахаў басіла, а розуму – ні грама.* (Макаравічы Докш.) [1, 74]; *гаўбіца* ‘высокая дзяўчына’: *І ў каго яна такая гаўбіца?* (Мікіціха Шум.) [1, 149]; *голда* ‘бальшуха, дылда’: *Такая голда, а ў лялькі гуляе.* (Беразіно Докш.) [3, 461]; *жардагон* ‘высокі худы чалавек’: *Во жардагон вырас!* (Ноўка Гар.) [1, 188]; *жардзый* ‘вельмі высокі хлопец’: *Гэты жардзый расце не па днях, а па часах.* (Замхава Глыб.) [1, 188]; *калдамэй* ‘чалавек высокага росту’: *Гэтат калдамэй у дзверы не праходзіць.* (Антонаўка Арш.) [1, 228]; *боўдзіла* ‘высокі, хударлявы і нязграбны чалавек’: *Мужык ейный такі ўжо нялоўкі, якраз боўдзіла.*

(Надазер’е Глыб.) [1, 89]. Для абазначэння невысокага чалавека ў гаворках Віцебшчыны зафіксаваны прыметнік *карузлы* ‘нізкі, малога росту’: *Сашка табе не пара, куды ён табе, такі карузлы.* (Мікіціха Шум.) [1, 240].

Экспрэсіўнасць маўлення выяўляецца ў назвах-характарыстыках фізічна моцных і здаровых людзей: *ваган* ‘здоровы, мажны мужчына’: *Гэткі ваган, а лянціца робіць.* (Ясева Міёр.) [1, 107]; *гаголь* ‘чалавек моцнага целаскладу і вялікай фізічнай сілы; здаравяка’: *Ты б відзіла, які гаголь яе мужык стаў.* (Стар Арш.) [1, 136]; *граміра* ‘чалавек моцнага целаскладу і вялікай фізічнай сілы; здаравяка’: *Граміра ўсю работу за адзін міг зробіць.* (Галубава В.-Дзв.) [1, 158]; *загладуха* ‘крэпкая, здаровая жанчына’: *Жонка ў яго пекная, добрая загладуха.* (Макаравічы Докш.) [1, 197].

Матывацыйныя прыкметы ‘тоўсты, поўны’ адлюстраваны ў наступных лексемах з адмоўнай канатацыяй: *бамбіза* ‘тоўсты, поўны чалавек’: *Алена як пераехала ў горад, такая бамбіза стала.* (Дрыгучы Міёр.) [1, 68]; *бэбань* ‘тоўсты чалавек’: *Ён ужо стаў як бэбань.* (Жукоўшчына Шарк.) [1, 102]; *кадушка* ‘тоўстая дзяўчына ці жанчына’: *Ого, якую кадушку сабе ў жонкі ўзяў!* (Міхалінава Лёзн.) [1, 223].

У адносінах да людзей фізічна слабых, з пэўнымі недахопамі і праблемамі здароўя ў гаворках Віцебшчыны адзначаны эмацыянальна-ацэначныя формы са зніжанымі эмоцыямі: *гладаміра* ‘чалавек, які дрэнна есць’: *Так ніколі і не напавішся, гладаміра няшчасны.* (Выгада Сен.) [1, 152]; *кірхэкала* ‘хворае дзіця, якое кашляе’: *Куды мне ехаць у горад з гэтым кірхэкалам?* (Сабалі Чаш.) [1, 251]. Для намінацыі чалавека з дрэнным слыхам у гаворках Віцебшчыны выкарыстоўваюць экспрэсіўныя фанетычныя і словаўтваральныя супрацьстаўлення адрозненні: *глушак, глушман, глушмён, глушмань, глухамань, глушня, глухня, глухандзя* ‘глухі чалавек’: *Мой сусед Сцяпан – глушак.* (Задоры Леп.); *Той дзед – глушман, гавары грамчэй.* (Празарокі, Глыб.); *Глухамань ты! Як ні звалі, так і не пачуў.* (Буды Шарк.); *Дзед твой ні чуць – глушня.* (Белая Ліпа Сен.); *Ты глухандзя, колькі табе крычаць!* (Гваздова Пол.) [1, 153]. Адмоўную канатацыю набываюць словы з матывацыйнымі прыкметамі ‘крываногі’, ‘кульгавы’. Напрыклад, *кльшавень, кльшавы* ‘крываногі чалавек’: *Кльшавень ты! Кльшавы як ідзець – ногі ёлачкай.* (Кураполле Паст.) [4, 483]; *кывіндзя, кывуля, кльбуў, кльбаты* ‘кульгавы чалавек’: *Ён будзіць кывіндзя.* (Шарагі Міёр.); *Кывуляй ён стаў пасля ранення.* (Пераходцы Леп.) [1, 255]; *Вусцін, мой кльбуў, зноў недзе соўгаецца.* (Сабалі Чаш.); *Што ты хочаш, ён кльбаты чалавек.* Круткі Паст. [1, 264].

Заклучэнне. Такім чынам, даследаванне рэгіянальнага фактычнага матэрыялу гаворак Віцебшчыны дазволіла выявіць пласт самабытнай, арыгінальнай дыялектнай лексікі для абазначэння і характарыстыкі чалавека паводле яго знешніх асаблівасцей і фізічнага стану. Прааналізаваныя лексемы вызначаюцца разнастайнасцю эмацыянальна-ацэначных форм, эмацыянальнасцю, экспрэсіўнасцю маўлення, адмоўнай канатацыяй, што выяўляецца праз зневажальныя, неадабральныя адносіны да таго, каму яны адрасаваны.

Спіс літаратуры

1. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / Л.І. Злобін (рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2012. – Ч. 1. – 304 с.
2. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / А.С. Дзядова (рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2014. – Ч. 2. – 358 с.
3. Слоўнік беларускіх гаворк паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / Ю. Ф. Мацкевіч (рэд.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – Т. 2. – 728 с.
4. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / Ю. Ф. Мацкевіч (рэд.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – Т. 3. – 536 с.

РАМОЧНЫЙ ТЕКСТ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГАЗЕТЫ «ВИТЬБИЧИ»: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

А.Н. Деревяго
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Современный мир представляет собой непрерывную сферу коммуникации, которая складывается цепью коммуникативных актов большей и меньшей степени интенсивности. Передача информации и обмен ею, аксиологические поиски и эмотивное воздействие, осуществляемые коммуникантами, определяют в большинстве случаев эффективность общения и обеспечивают реализацию потребности социализации. Публицистический текст

функционирует в области массовой коммуникации и способствует организации канала передачи информации, тем самым реализуя первую функцию общения. При этом текст одновременно принадлежит двум сферам: как знаковая последовательность, организованная системно, демонстрирует свойства сферы языка; как хранилище и реорганизатор разнонаправленной информации, обеспечивающей устойчивость коммуникативного взаимодействия языковых личностей, относится к сфере речи.

Актуальная специфика газетной речи заключается в особой и намеренной ее выразительности, экспрессивности высказывания. Разнообразие применяемых приемов, стилистическое и жанровое многообразие отражают актуальные тенденции развития русского языка, когда активно смешиваются разные пласты лексической системы, осваиваются новые грамматические формы и применяются традиционные синтаксические конструкции в нетрадиционных коммуникативных условиях.

Публицистический текст априори диалогичен; восприятию речи говорящего адресатом способствует реплика; она же несет нагрузку первоначального впечатления, что предвещает постижение внутреннего смысла высказывания и коммуникативных намерений говорящего [1]. Апперцепция в публицистическом текстовом пространстве играет ведущую роль, подготавливая реализацию эмоционально-экспрессивной и побудительной функции текста. Особой экспрессией, а потому специфичностью в газете обладают заголовки, а также зачины текстов, в числе прочих элементов формирующие рамочный текстовый сегмент. Во многом от заголовка и зачина зависит, обратит ли читатель внимание на ту или иную публикацию. Таким образом, языковая структура публицистических материалов, ориентированных на передачу информации и на воздействие, оказываемое этой информацией, актуализирует свои семантические возможности и лексико-стилистические ресурсы на уровне текста через первичный его элемент.

Цель данного исследования – выявление специфики семантико-функциональных типов заголовков как константных элементов рамочного текста.

Материал и методы. В качестве материала исследования нами были избраны тексты газеты «Витьбичи» как одного из характерных представителей периодической печати Витебского региона. Ведущим методом исследования является описательный как триединство приемов наблюдения, анализа и систематизации результатов.

Результаты и их обсуждение. Регулярным элементом рамочного текста белорусской региональной периодической печати является заголовок. Он занимает сильную смысловую позицию, реализуя функции презентации и прогнозирования. Так, заголовок газетного текста выполняет информативную, коммуникативную, рекламно-экспрессивную, графически-выделительную, распределительную, соединительную функции [2].

Основная функция заголовка семантико-структурного пространства газеты «Витьбичи» состоит в организации начала коммуникации, привлечении читателя к опосредованному диалогу путем называния факта или информирования о его свершении. Номинативно—информативная функция как функция сообщения реализована в большинстве исследованных газетных заголовков (89 %) – И у нас есть бизнес-класс («Витьбичи», 13 декабря 2016 г.), Две пятерки лучших («Витьбичи», 13 октября 2016 г.), Центризберком регистрирует парламентариев («Витьбичи», 20 сентября 2016 г.), Дедушкина медаль («Витьбичи», 17 декабря 2016 г.), В дружном тандеме («Витьбичи», 17 декабря 2016 г.) и т.д.

С информативной функцией тесно связана и контактная, или рекламно-экспрессивная функция заголовка, реализация которой обусловлена задачей заинтересовать читателя – В большой семье всем от любви светло! («Витьбичи», 13 октября 2016 г.), Нарушают ИП, нарушают ... («Витьбичи», 13 октября 2016 г.), А морковку убираем ловко! («Витьбичи», 6 октября 2016 г.), А почему бы не сразу? («Витьбичи», 8 октября 2016 г.) и т.д.

Заголовочные номинации материалов газеты «Витьбичи» преимущественно предикативны. Доминирующую роль играют заголовки, представленные односоставными инфинитивными предложениями, функциональная прагматика которых состоит в выражении модальных значений. В исследованном материале обнаружены примеры инфинитивных предложений, в которых наблюдается синкретизм значений инфинитивных структур – выражение категории залога (активность) и выражение объективной модальности (побуждение) – Рационально использовать каждый рубль («Витьбичи», 17 декабря 2016 г.), Непрочный лед. Подумать и выжить! («Витьбичи», 17 декабря 2016 г.), Чувствовать пульс

жизни города («Витьбичи», 13 ноября 2016 г.), Знать свою музыку («Витьбичи», 13 декабря 2016 г.), Создать будущее («Витьбичи», 10 декабря 2016 г.), Повысить исполнительскую дисциплину («Витьбичи», 29 декабря 2016 г.) и т.д.

Наибольшую прагматическую смысловую нагрузку имеют заголовки, соотносящиеся с культурно-значимым или личностно актуальным претекстом. В ситуации газетного семантического пространства более продуктивны конструкты первого типа, к которым можно отнести единицы Как деревню назовешь... («Витьбичи», 17 декабря 2016 г.), Не боги горшки обжигали («Витьбичи», 31 декабря 2016 г.), Как встретишь, так и проведешь... («Витьбичи», 31 декабря 2016 г.), Дела давно минувших дней... («Витьбичи», 1 декабря 2016 г.) и т.д.

Заключение. Рамочный текст материалов газеты «Витьбичи» регулярно представлен заголовочными номинациями, которые соотносятся с ограниченным числом смысловых и функциональных типов. Анализ материала показал, что авторская модальность, которая традиционно выражается и в манере озаглавливания, и в способе подачи материала, однообразна и не выражена в достаточной мере, чтобы демонстрировать все смысловые и стилистические возможности публицистического дискурса.

Список литературы

1. Хао, Ван Особенности структуры русских газетных текстов [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: [http:// cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-struktury-russkih-gazetnyh-tekstov](http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-struktury-russkih-gazetnyh-tekstov). – Дата доступа: 29.12.2016.
2. Некрасова, М.С. О стилистической принадлежности газетного текста [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: [http:// cyberleninka.ru/article/n/o-stilisticheskoy-prinadlezhnosti-gazetnogo-teksta](http://cyberleninka.ru/article/n/o-stilisticheskoy-prinadlezhnosti-gazetnogo-teksta). – Дата доступа: 05.01.2017.
3. Витьбичи: архив номеров [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: [http:// vitbichi.by](http://vitbichi.by). – Дата доступа: 03.12.2016 – 05.01.2017.

МЕТАФАРА ЯК КРЫНІЦА ЛІНГВАКРАІНАЗНАЎЧАЙ ІНФАРМАЦЫІ ПРА БЕЛАРУСКІ НАРОД У МОВЕ ПАЭЗІІ РЫГОРА БАРАДУЛІНА

А.С. Дзядова
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава

Да сённяшняга часу ў айчынным мовазнаўстве адсутнічаюць сур’ёзныя навуковыя напрацоўкі па пытаннях даследавання мовы мастацкіх твораў у лінгвакраіназнаўчым аспекце. Між тым, мастацкія тэксты выступаюць адным са шляхоў спасціжэння нацыянальна-культурнай і сацыяльна-гістарычнай адметнасці пэўнага народа. У святле сказанага тэма навуковага артыкула з’яўляецца дастаткова актуальнай.

Мэта артыкула – выявіць лінгвакраіназнаўчую інфармацыю, заключаную ў структуры метафар, праз якія ў мове паэтычных твораў Р. Барадуліна рэпрэзентуецца беларускі народ як самастойны этнас.

Матэрыял і медады. Матэрыялам даследавання з’яўляюцца паэтычныя зборнікі Р.Барадуліна розных гадоў. Асноўнымі метадамі выступаюць апісальны метады і метады навуковага назірання.

Вынікі і іх абмеркаванне. У свядомасці Р. Барадуліна народ выступае як неад’емная частка Радзімы. Паэт у пэўнай ступені збліжае сэнс паняццяў “Радзіма” і “народ”, паказваючы іх непарыўнае адзінства: *Без радзімы народа няма, / Без народа няма радзімы* [1, 41]. Нягледзячы на шматлікія перашкоды і выпрабаванні, якія на працягу гісторыі выпалі на лёс нашага народа, беларусы як нацыя захавалі сябе. Аптымістычны настрой аўтара адчуваецца ў наступным метафарычным выразе: *У дзяжы гісторыі вякі / Пакідаюць на завод рашчыну / Нацыі* [2, 85].

У барадулінскіх паэтычных творах за кошт выкарыстання яркіх і трапных метафарычных выразаў вельмі дакладна апісваюцца асаблівасці менталітэту беларусаў, іх паводзіны і рысы характару. Так, адной з вызначальных рыс нашага народа з’яўляецца працавітасць. Уменне і жаданне працаваць, адказнасць за вынікі сваёй працы ва ўсе часы высока цаніліся ў беларусаў. Пацверджаннем гэтага з’яўляецца метафара *з сёмым потам кнігу ворыва гарталі*, у структуры якой паэт трапна і семантычна ёміста называе ворную зямлю *кнігай ворыва: Я – арыец, / Гэта значыць з аратаяў. / На зямлі жылі не для харчоў, / З сёмым потам кнігу ворыва гарталі* [3, 108]. У значэнні прыведзенай метафары рэпрэзентуецца думка пра тое, што паэт паходзіць з працоўнай сялянскай сям’і і вельмі ганарыцца гэтым. Сцвярджаецца таксама, што беларусы,

якія са старажытных часоў займаліся пераважна земляробствам, спасцігалі “філасофію жыцця” менавіта праз авалоданне гэтай сялянскай справай.

З мэтай паказу працавітасці беларускага народа Р. Барадулін выкарыстоўвае і іншыя метафарычныя выразы, у структуры якіх утрымліваюцца лексічныя адзінкі-рэпрэзентанты *пług, ток, цэп, снап, хлеб* і інш., якія семантызуюць асноўныя віды і прылады сельскагаспадарчай працы беларусаў, што адлюстравана ў наступных паэтычных радках: *Ад пługоў, а не ад мечоў мазалі* [4, 55], дзе выяўляецца не толькі працавітасць, але і міралюбівы характар беларусаў; *На таку свой лоб не кволіць цэп* [4, 10]; *Сноп засватаў ніву* [4, 10]; *Надзеяй жыве земляроб, хлебароб, / У рабстве надзённага хлеба* [4, 43]. Паэт зазначае, што толькі дурныя – не аруць, не сеюць [4, 32], і раіць кожнаму, хто хоча ўбачыць плён сваёй працы, шчыраваць на зямлі кожны дзень: *Адай усё, што ёсць у цябе, / Раллі – субботы, гоням – нядзелі. / Старайся раницай у сяўбе* [4, 41].

У мове Р. Барадуліна адзначаюцца прыклады ўвядзення вобразных асабовых найменняў, якія нясуць у сабе пэўную лінгвакраізнаўчую інфармацыю. Для стварэння сацыяльнага партрэта нашага народа ён выбірае гаваркое прозвішча *Селянінавічы*, якое характарызуе беларусаў як працавітую сялянскую нацыю: *Шукалі работы самай цяжкай / Ільновалосыя Селянінавічы* [5, 3, 321]. Яшчэ адно трапінае гаваркое найменне ў дачыненні да характарыстыкі беларусаў паэт выкарыстаў у вершы “Бульбяная балада”, дзе назваў беларусаў *бульбянікамі*: *Мы – бульбянікі, / Не абраза / Гэта фраза. / Апошняю кропкаю / У канцы жыццёвага сказа / Стане некалі бульба сопкая...* [6, 291].

У моўнай тканіне паэтычных твораў Р. Барадуліна сустракаецца метафара, якая сваім зместам семантызуе генезіс беларускага народа і вытокі такой вызначальнай рысы большасці нашых землякоў, як цярпліваць: *Род наш / Радавод вядзе / З таго, калі Гасподзь яшчэ ў лагодзе / Прымеркаваў, каго сяліць і дзе, / Суцешыў крывічоў: / Трывай, Народзе!* [4, 85]. Цярпліваць беларусаў семантызуецца таксама праз метафарычную мову верша “Дык як?”: *Плечы горбілі нам / Абраз хатулі, / Гнеў свой насілі мы / У рэзгінах ды ў бярэмцах. / Мы былі, мы жылі / Пры паляках, расейцах, / Пры немцах. / Маўчалі ў кулак* [4, 77]. У прыведзеным паэтычным кантэксце аўтар згадвае складанае гістарычнае мінулае нашага народа ва ўмовах польскага, рускага ды нямецкага засілля. Выкарыстаныя Р. Барадуліным такія размоўныя словы з побытавай семантыкай, як *хатуль* ‘вялікі клунак рэчаў, звязаных у хустку ці поцілку, які звычайна носяць за спінай’, *рэзгіны* ‘прыстасаванне насіць сена, салому, зробленае з вяровачнай сеткі, нацягнутай на сагнутыя пруткі або дужкі’ ўзмацняюць семантычны змест паэтычнага выразу, падкрэсліваючы сялянскае паходжанне і беднасць занядбанага беларускага народа.

Не засталася па-за ўвагай паэта і сучасная сацыялагічная праблема – праблема ўрбанізацыі і міграцыі вясковага насельніцтва ў горад, а таксама, як вынік гэтага працэсу, “выміранне” вёскі. Р. Барадулін востра адчувае гэтую праблему і рэагуе на яе, бо менавіта вясковае насельніцтва ва ўсе часы з’яўлялася захавальнікам адметных рыс беларускага этнасу, яго мовы і традыцыйнай народнай культуры. Аўтарская думка выяўляецца праз наступную метафару: *А лясныя галубы / У гарады пераліцелі...*[7, 25], дзе *галубы* – гэта вясковыя жыхары. Але вясковых, чыстых думкамі і памкненнямі беларусаў горад *рассяленіў, разгалубіў: Рассяленыя яны – / Разгалублены* [7, 25]. Асноўную сэнсавую нагрузку выконвае тут ужыты паэтам неалагізм *рассяленіць* ‘перастаць быць сялянамі’. Разам з тым у метафарычнай форме паэт зазначае, што старэйшае пакаленне беларусаў, якое мае сялянскія карані, не зможа прыжыцца ў горадзе: *Старыя яблыні, / Іх карані / Не прыжываюцца на асфальце* [4, 13]. Р.Барадуліна, як карэннага вясковага жыхара, засмучае з’ява “наступлення” горада на вёску, што рэпрэзентуецца ў яго мове праз наступныя метафарычныя вобразы: *Пад жалезнай пятою, / Як пад магільнай плітою, / Трава ў абразе не ўстае* [7, 105]; *Горад рос, як горб, / Заплеччу вёскі / І, нарэшце, вёску перарос* [4, 230]. *У рукавах драўляных вулак / І снегавіцей, і цішэй* [8, 144], дзе метафара *рукавы драўляных вулак* семантызуе знаёмыя аўтару з дзяцінства вуліцы з драўлянымі хатамі. Заняпад, запусценне вёскі характарызуе наступны метафарычны выраз: *Лапяць дзіравы дах аблачыны, / І дзверы на ноч зачыняюць вятры* [9, 23].

Заклучэнне. Такім чынам, метафара ў мове твораў Р. Барадуліна з’яўляецца дастаткова змястоўным і цікавым носьбітам лінгвакраізнаўчай інфармацыі пра беларускі народ і сведчыць пра яго прыналежнасць да пэўнага этнакультурнага арэалу, геаграфічнай і сацыяльна-гістарычнай прасторы.

Спіс літаратуры

1. Барадулін, Р. Вечалле: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1980. – 336 с.
2. Барадулін, Р. Міласэрнасць плахі: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1992. – 302 с.
3. Барадулін, Р. Выбраныя творы / Р. Барадулін; Уклад., прадм., камент. М. Скоблы. – Мінск: Кнігазбор, 2008. – 600 с.
4. Барадулін, Р. Евангелле ад Мамы: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1995. – 462 с.
5. Барадулін, Р. Збор твораў: У 4 т. / Р. Барадулін; Прадм. Сёмуха В.С. – Мінск: Маст. літ., 1996. – 2002. – Т. I – III.
6. Барадулін, Р. Трэба дома бываць часцей...: Выбр. старонкі лірыкі / Р. Барадулін; прадм. В. Быкава. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 352 с.
7. Барадулін, Р. Міласэрнасць плахі: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1992. – 302 с.
8. Барадулін, Р. Маўчанне перуна: Новая кніга / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1986. – 302 с.
9. Барадулін, Р. Калі рукаюцца душы. Паэзія з прозай / Р. Барадулін, В. Быкаў. – Мінск: ГА БТ “Кніга”, 2003. – 344 с.

ЛАНДШАФТНЫЕ ВИКОНИМЫ НА КАРТЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

М.Л. Дорофеенко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Онимные единицы содержат информацию о географическом, социальном, историко-культурном пространствах региона. Каждая территория уникальна, поэтому системы имен собственных обладают своими номинативными особенностями, при выявлении которых эффективным представляется картографический метод.

Ландшафтные названия, являющиеся объектом настоящего исследования, отражают физико-географические особенности местности и образованы в соответствии с принципом номинации объекта по свойствам и качествам. Наряду с анализируемым типом наименований в рамках данного принципа функционируют *параметрические* и *квалитативные* онимы. Первые указывают на пространственные характеристики объекта, вторые – на его качества.

В урбанонимии Беларуси названия, транслирующие информацию о свойствах и качествах, в разное время составляли от 3,2% до 11,8% [2, 128]. Количественные показания в виконимии значительно выше и разнятся от 27,3% до 49,5%, при этом самое большое содержание подобных названий зарегистрировано в Витебской области.

Цель статьи – установить особенности распространения *ландшафтных* виконимов на территории Витебщины.

Предпринятое исследование представляется актуальным, поскольку рассмотрение территориальных особенностей локальных виконимных систем способствует выявлению общего и специфического в их функционировании, изучению условий и установлению законов общеполорусской системы внутрисельских названий. Кроме того, в настоящее время невелико общее количество работ, посвященных картографированию проприальной лексики, а особо разработанными в данном плане являются гидронимика и ойконимика.

Материал и методы. Материалом послужили виконимы Витебской области, отражающие физико-географические особенности местности, общим количеством 2261 единица, что составляет 25,8% от числа всех наименований региона. В ходе исследования использовались дескриптивный, сравнительно-сопоставительный, картографический методы, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Природа каждой страны уникальна. Территория Беларуси в основном равнинная, а ее северные территории считаются краем озер. Витебская область занимает первое место в республике по плотности этих водных объектов, которых насчитывается свыше 2 800 [1].

К *ландшафтным* виконимам, характеризующим физико-географические особенности местности, относятся *названия, описывающие формы локального рельефа*: Болотная ул. – дер. Жвиково Орш. р-на, *Криничная ул.* – дер. Алашки Большие Шарк. р-на, *Курганная ул.* – дер. Симохи Орш. р-на, *Овражная ул.* – аг. Николаево Мёр. р-на, *Прудовая ул.* – дер. Мацковичи Пост. р-на, *Ручейная ул.* – дер. Мосты Пост. р-на, *Ручьевая ул.* – аг. Сарья В.-дв. р-на, *Степная ул.* – дер. Юстияново В.-дв. р-на; *названия, отражающие флору региона*: *Жасминная ул.* – дер. Межево Рос. р-на, *Земляничная ул.* – дер. Пацково Сен. р-на, *Кедровая ул.* – аг. Друя Брасл. р-на; и *названия, указывающие на характер поверхности территории*: *Глиняная ул.* – дер. Отрадная Сен. р-на, *Гористая ул.* – дер. Горки Рос. р-на, *Песочная ул.* –

дер. Ажуройсти Пост. р-на, *Песчаная ул.* – дер. Дубники Сен. р-на, *Холмистая ул.* – дер. Нерейша Сен. р-на.

На основании количественного анализа мы выделили десять фреквентативно активных ландшафтных виконимов в Витебской области: *Садовая ул.* – 398 н.п., *Лесная ул.* – 372 н.п., *Полевая ул.* – 323 н.п., *Озёрная ул.* – 209 н.п., *Луговая ул.* – 202 н.п., *Цветочная ул.* – 81 н.п., *Парковая ул.* – 78 н.п., *Речная ул.* – 62 н.п., *Вишнёвая ул.* – 29 н.п., *Горная ул. / Горный пер.* – 23 н.п. Перечисленные они образованы на основе названий типов земельных и лесных угодий (5 единиц), гидрообъектов (2 единицы), растительности (2 единицы), возвышенностей (1 единица).

Лес, поле, сад, парк – важные элементы ландшафта, реализующие важные функции (экологические, хозяйственные, досуговые). По данным нашего исследования, наименования, образованные от перечисленных мотивирующих основ, входят в пятерку наиболее популярных онимов каждого региона. Распространенность виконимов, мотивированных названиями типов водных объектов, напрямую зависит от густоты гидрографической сети. Именно на территории Белорусского Поозерья зарегистрировано наибольшее количество виконимных единиц, восходящих к лексеме *озеро* (*Озёрная ул.*: Вт. обл. – 209 н.п., Мн. обл. – 134 н.п., Мг. обл. – 97 н.п., Гм. обл. – 44 н.п., Гр. обл. – 40 н.п., Бр. обл. – 38 н.п.).

Ландшафтным наименованиям присуща следующая характеристика: среди них содержится наибольшее количество единиц с высокими количественными показателями, а число мотивирующих виконимных основ при этом ограничено (они те же, что и в урбанонимии: по данным А.М. Мезенко, «*Озёрные, Речные, Овражные, Полевые, Лесные, Луговые ... улицы, переулки или проезды* есть во всех крупных городах республики» [2, 129]; и встречаются в системе внутрисельских названий России: по сведениям Р.В. Разумова, проанализировавшего виконимы четырех районов Ярославской области, онимы *Полевая ул., Лесная ул., Садовая ул., Луговая ул.* входят в группу частотных названий [3, 146]).

Ядро наибольшей концентрации ландшафтных виконимов находится на юго-западе (Глубокский, Поставский районы) и на востоке (Витебский район) региона, где зарегистрировано от 201 до 250 виконимных единиц анализируемой группы. Высокой концентрацией наименований (151–200 единиц) этого типа отмечена территория Городокского района. Далее следуют северный (Полоцкий, Россонский районы) и юго-восточный (Толочинский, Оршанский, Лёзненский районы) ареалы, в которых зарегистрировано от 101 до 150 единиц. От 51 до 100 единиц зафиксировано в центральной части Витебской области (Шарковщинский, Докшицкий, Лепельский, Ушачский, Шумилинский, Чашникский, Сенненский, Дубровенский районы) и в одном ее северном регионе – Верхнедвинском.

Заключение. Таким образом, ландшафтные виконимы образованы от относительно небольшого количества основ, однако обладают высокими количественными характеристиками. *Сад, лес, поле, озеро, луг* – наиболее популярные мотивирующие основы в Витебской области. По данным исследования, виконимы, отражающие физико-географические особенности территории, относительно плотно представлены на карте Витебщины. Четко выделяются три ареала с наибольшим содержанием единиц данного типа (один расположен на западе региона, два – на северо-востоке и востоке).

Виконимы, характеризующие рельеф и растительность местности, отличаются высокой информативностью, отражают особенности регионального сельского ландшафта, указывают на местоположение линейного объекта непосредственно вблизи соответствующих географических реалий.

Список литературы

1. Витебская область / Официальный сайт Республики Беларусь Belarus.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belarus.by/ru/about-belarus/geography/vitebsk-region>. – Дата доступа: 10.01.2017.
2. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.
3. Разумов, Р. В. Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области) / Р. В. Разумов // Ярослав. пед. вестн. – 2013. – Т. 1 (Гуманитарные науки), № 1. – С. 145–149.

Список принятых сокращений

Аг. – агрогородок, Брасл. – Браславский, В.-дв. – Верхнедвинский, дер. – деревня, Мёр. – Мёрский, н.п. – населенный пункт, Орш. – Оршанский, пер. – переулок, Пост. – Поставский, р-н – район, Сен. – Сенненский, ул. – улица, Шарк. – Шарковщинский.

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

*Н.Н. Дудкевич
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Вопрос повышения мотивации при изучении иностранного языка широко обсуждается в методической литературе последних лет. И практически во всех источниках отмечается ключевое значение в поддержании интереса к изучению иностранного языка элементов страноведения. Следствием этого стала активное использование в дидактической практике различных текстов страноведческого характера. Но их содержание призвано не только активизировать обучающихся к освоению дисциплины, но и иметь учебную значимость, содержать сведения, необходимые для дальнейшей коммуникативной практики. Эти заключения предопределили цель нашего исследования – выявить общие особенности лингвострановедческого учебного материала, предъявляемого к изучению студентам университета.

Материал и методы. В качестве практического материала исследования были использованы тексты, представленные в учебных пособиях, изданных в ВГУ имени П.М. Машерова. В методологический инструментарий работы входили методы сплошной выборки текстового материала, его анализ, систематизация, а также лингвокультурологический дискурс-анализ.

Результаты и их обсуждение. Лингвострановедческий материал является сильным рычагом для создания и поддержания интереса к изучению иностранных языков. Отсюда следует, что мотивация увеличится и станет прочнее, если мы будем вводить элементы лингвострановедческого характера.

Современное обучение иностранным языкам как в школе, так и в высших учебных заведениях, должно иметь ярко выраженную коммуникативную направленность. Почему же достигается столь желанное практическое овладение иностранным языком? Если мы хотим получить планируемый результат, то она должна выражаться в идеальном виде в цели обучения, точнее в комплексном подходе к обучению иностранным языкам, где преследуется комплексная реализация практической, воспитательной, образовательной и развивающей целей. Пренебрежение любым аспектом приводит к ощутимым потерям.

Положение о необходимости усвоения иностранного языка в тесной связи с культурой народа – носителя данного языка уже давно воспринимается в отечественной методике преподавания иностранных языков как аксиома. Известно, что использование страноведческой информации в учебном процессе обеспечивает повышение познавательной активности учеников, расширяет их коммуникативные возможности, благоприятствует созданию положительной мотивации на уроке, дает стимул к самостоятельной работе над языком, способствует решению воспитательных задач.

Иностранная культура как цель обучения имеет социальное, лингвострановедческое, педагогическое и психологическое содержание, которое соотносится со всеми аспектами обучения. На каждом занятии должно осваиваться определенное количество объектов социального, лингвострановедческого, педагогического и психологического содержания иноязычной культуры. Подобный подход способствует увеличению мотивации студентов, делает обучение управляемым и дает возможность овладеть иноязычной культурой. Как и любая другая, она состоит из четырех элементов содержания:

- 1) знания о функциях, культуре, способах овладения языком как средством общения;
- 2) учебные и речевые навыки – опыт использования знаний;
- 3) умение осуществлять все речевые функции;
- 4) мотивация – опыт, обращенный на систему ценностей личности.

Вопросом повышения мотивации, сохранения и развития у студентов интереса к предмету «иностранному языку» уделяется большое внимание как в психологии, так и в методике обучения этому предмету. Сложность и многогранность подчеркивают многие методисты и в соответствии с этим предлагают различные подходы к решению этой проблемы. Пути решения связываются с:

- 1) созданием специально разработанной системы упражнений, выполняя которые учащиеся ощущали бы результат своей деятельности;
- 2) вовлечением эмоциональной сферы в процесс обучения;
- 3) характером педагогических воздействий учителя, в частности наличием стимулов и подкреплений;

- 4) использованием на уроках аудиовизуальных средств;
- 5) использованием личностной индивидуализации;
- 6) разработкой системы внеклассных занятий, усиливающих мотивационную сторону изучения языка [1, с. 93].

Так же благодаря наблюдениям, можно сказать, что повышение мотивации идет через:

- 1) вовлечение студентов в самостоятельную работу на занятии;
- 2) проблемность заданий и ситуаций;
- 3) контроль знаний умений и навыков;
- 4) использование познавательных игр;
- 5) страноведческий материал и, конечно, доброжелательное отношение учащихся [2, с. 45].

Согласно психологическим исследованиям мотивации и интереса при обучении иностранному языку усилия преподавателя должны быть направлены на развитие внутренней мотивации учения студентов, которая исходит из самой деятельности и обладает наибольшей побудительной силой. Внутренняя мотивация определяет отношение студентов к предмету и обеспечивает продвижение в овладении иностранным языком. Если студентов побуждает заниматься сама деятельность, когда им нравится говорить, читать, воспринимать иностранную речь на слух, узнавать новое, тогда можно сказать, что у них есть интерес к предмету «иностранному языку» и обеспечены условия для достижения определенных успехов.

Заключение. Стремление к коммуникативной компетенции, как к конечному результату обучения, предполагает не только владение соответствующей иноязычной техникой (т.е. языковую компетенцию студентов), но и усвоение колоссальной неязыковой информации, необходимой для адекватного обучения и взаимопонимания, потому что последнее недостижимо без относительного равенства основных сведений общающихся об окружающей действительности. Заметное различие в запасе этих сведений у носителей разных языков в основном определяется различными материальными и духовными условиями существования соответствующих народов и стран, особенностями их истории, культуры, общественно-политического строя, политической системы и т.п. Таким образом, общепризнанным стал вывод о необходимости глубоко знать специфику страны (стран) изучаемого языка и тем самым о необходимости страноведческого подхода как одного из главных принципов обучения иностранным языкам.

Список литературы

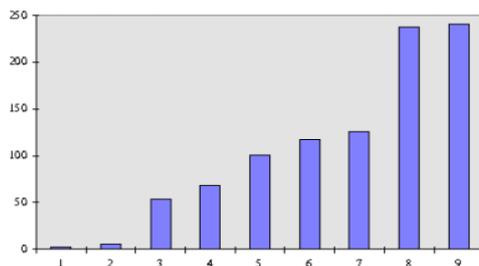
1. Плотичина, Н.В. Лингвострановедение : язык в соприкосновении культур : учеб. пособие / Н.В. Плотичина. – М. : Просвещение, 2012. – 190 с.
2. Фатихов, Д.Ф. Лингвострановедение, страноведение и иноязычная культура : учеб. пособие / Д.Ф. Фатихов. – Академия, 2014. – 180 с.

ПРА ДЫСТАНЦЫЙНАЕ ВЫКЛАДАННЕ АСОБНАЙ ДЫСЦЫПЛІНЫ

В.Э. Зіманскі

Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава

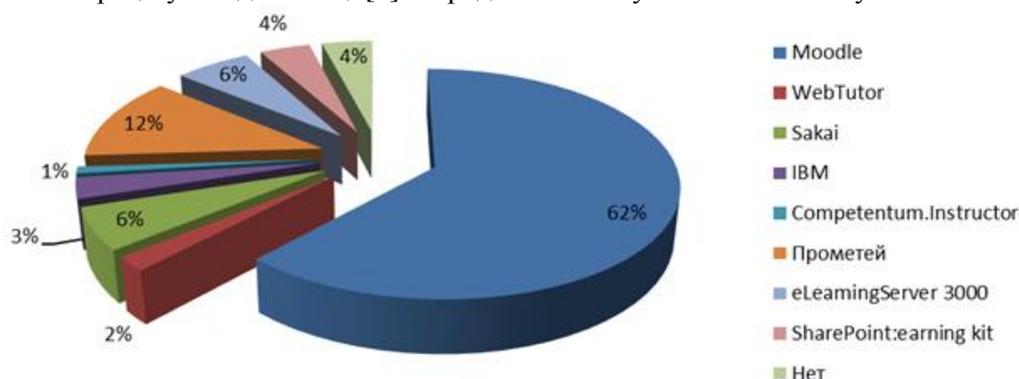
Дыстанцыйнае навучанне, ідэя якога становіцца ўсё больш папулярнай у Беларусі, не новая форма адукацыйнай практыкі: узнікшы ўпершыню яшчэ ў XVIII ст. [1], у маштабах планеты яна пачала заваёўваць адукацыйную прастору яшчэ ў мінулым стагоддзі. На сённяшні дзень тэхналогіі дыстанцыйнага навучання выкарыстоўваюцца ў розных частках свету ў такіх суадносінах:

- (1 – Бліжні Усход, 2 – Цэнтральная Амерыка, 3 – Лацінская Амерыка, 4 – Аўстралія, 5 – Азія, 6 – Расія, 7 – Афрыка, 8 – Паўночная Амерыка, 9 – Еўропа).

Нашы ўсходнія суседзі даволі актыўна выкарыстоўваюць дыстанцыйныя формы навучання як у адукацыйным, так і ў карпаратыўным сектары. Сярод найбольш значных праектаў назавём: e-college.ru – праект Маскоўскага інстытута эканомікі, менеджменту і права; Адзіная сістэма дыстанцыйнага навучання (АСДН) – віртуальнае адукацыйнае асяроддзе для ўсіх каледжаў г. Масква; Symedu – сервісы дыстанцыйнага навучання для розных катэгорый навучэнцаў (модулі дыстанцыйнага навучання па Рызыка-менеджменце, Мікраэканоміцы, Матэматычным аналізе, Элементарнай матэматыцы); www.ido.edu.ru - Інстытут дыстанцыйнага навучання Расійскага ўніверсітэта дружбы народаў; www.ido.tsu.ru – Інстытут дыстанцыйнага навучання Томскага дзяржаўнага ўніверсітэта; www.openet.ru – Расійскі дзяржаўны інстытут адкрытага навучання і інш (усяго там зараз актыўна дзейнічаюць да 70 цэнтраў дыстанцыйнага навучання).

З развіццём камп’ютарных тэхналогій пашырэнню гэтай формы адукацыі спрыяе павелічэнне колькасці разнастайных сістэм дыстанцыйнага навучання. У суседняй Расіі, напрыклад, існуе вялікая колькасць праграмных прадуктаў для забеспячэння якаснага навучальнага працэсу на адлегласці [2]. Сярод найбольш ужывальных наступныя:

Такім чынам, дыстанцыйнае навучанне ўсё больш упэўнена ўкараняецца ў сучасны навучальны працэс, таму асаблівасці яго выкарыстання ў не толькі пры выкладанні дакладных, прыродазнаўчых, але і гуманітарных дысцыплін з’яўляецца надзвычай актуальным.

Галоўная мэта артыкула – паказаць, як дыстанцыйныя метады працы могуць быць прыменены пры выкладанні любой дысцыпліны. Асноўнымі задачамі з’яўляюцца наступныя: 1) распрацаваць этапы падрыхтоўкі выкладчыка да дыстанцыйнага выкладання курса; 2) вызначыць абавязковыя структурныя элементы арганізацыі працы з праграмным матэрыялам; 3) акрэсліць формы кантактавання навучэнца з выкладчыкам.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі аўтарскія распрацоўкі дыстанцыйнага курса “Беларуская мова (прафесійная лексіка)”, прачытанага студэнтам гістарычнага факультэта і факультэта сацыяльнай педагогікі і псіхалогіі 2014 і 2015 гг. набору (10 чалавек); былі выкарыстаны параўнальны метады, метады кампанентнага аналізу, метады структурнага аналізу, сінтэтычны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Любы навучальны курс неабходна падрыхтаваць да абранай формы выкладання, выпрацаваць стратэгію працы і алгарытм падачы. У нашым выпадку бачыцца неабходным пачаць з падрыхтоўкі:

1. Метадычнага забеспячэння (рэйтывг-план, інфармацыя пра бонусныя і штрафныя балы за якасць і своечасоваць выканання працы, тэматычны модульны план, літаратура, слоўнік (гласарый), спіс літаратуры). Асобна рэкамендуецца падрыхтаваць памятку па вивучэнні дысцыпліны, у якой выкладчык патрабаванні па выкарыстанні прапанаванага дыдактычнага матэрыялу, тэрміны выканання заданняў, форму кантакту з выкладчыкам, магчымасць атрымання кансультацый, парадак адсылкі заданняў на праверку і парадак дапрацоўкі незалічаных заданняў.

2. Матэрыялаў для тэарэтычнай падрыхтоўкі (электронныя – абавязковыя, папяровыя – пры неабходнасці). Гэта могуць быць курсы лекцый (у тым ліку інтэрактыўныя), тэарэтычныя дапаможнікі, спасылкі на інтэрнэт-рэсурсы і г.д.

3. Матэрыялаў для практычнай працы: электронныя заданні (у тым ліку і ў межах рэсурса Moodle), практыкаванні, тэмы рэфератаў, дакладаў.

4. Матэрыялаў для прамеркавага і вынікавага кантролю (тэсты, кантрольныя працы, заданні).

Пасля гэтага важна вызначыць: 1. Які рэзерв часу маецца (на які тэрмін разлічаны курс); на колькі модуляў падзелены курс; як размеркаваць модулі курса па тэрмінах выканання. 2. Які аб'ём матэрыялу выдзеліць для online, offline заняткаў і які – для самастойнага вывучэння. 3. Якія спосабы праверкі ведаў, уменняў і навыкаў прадугледзець пасля вывучэння кожнага модуля (або пасля кожных заняткаў). 4. Што і ў якой форме будзе правярацца на выніковым кантролі. 5. У якой форме будзе праведзены залік (экзамен); патрабаванні да заліку (экзамену).

Гэту інфармацыю часткова неабходна адлюстравіць у рэйтынг-плане і ў памятцы.

Online-заняткі пры дыстанцыйнай форме навучання мяркуецца праводзіць у выглядзе відэаканферэнцый ці вэбінараў; пры адсутнасці тэхнічнай магчымасці можна прымяніць перапіску праз электронную пошту, у тым ліку і ў межах абранай адукацыйнай сістэмы. (Падрабязней гл.: [3, с. 22–38]).

Заклучэнне. Такім чынам, дыстанцыйная форма навучання ў сучасных умовах здольна забяспечваць якаснае засваенне не толькі дакладных, але і гуманітарных дысцыплін – пры ўмове скрупулёзнага падыходу да ўсебаковай падрыхтоўкі самога працэсу навучання як з боку выкладчыка, так і з боку навучэнца (для якога не апошняю ролю адыгрывае тэхнічная магчымасць удзелу ў адукацыйным працэсе). Асобна адзначым, што дыстанцыйная форма працы можа прымяняцца як у ходзе вывучэння асобнай дысцыпліны ў цэлым, так і ў якасці элемента курса (як кампанент вучэбнай дзейнасці) – пры такіх відах вучэбнай работы, як дадатковая (паглыбленая) падрыхтоўка па асноўных тэмах курса; кіруемая самастойная работа; самакантроль; падрыхтоўка да экзаменаў і залікаў; адпрацоўка прапушчаных заняткаў.

Спіс літаратуры

1. Батаев, А.В. Анализ российского рынка дистанционного образования / А.В. Батаев. // Молодой ученый, 2015. – №21. – С. 350-353.
2. Батаев, А. В. Обзор рынка систем дистанционного обучения в России и мире / А.В. Батаев. // Молодой ученый, 2015.– №17. – С. 433-436.
3. Зиманский, В.Э. Теория и практика организации и проведения дистанционного обучения: методические рекомендации / сост.: В.Э.Зиманский, В.А.Жизневский, М.И.Трофимова. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. – 47 с.

РОЛЬ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ В МЕЖДУНАРОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ

*В.М. Коврыга, А.Н. Костючков
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Актуальность работы заключается в том, что в настоящее время возрастает роль коммуникации в жизни современного общества, которая является инструментом консолидации общества на основе определенных идей и принципов. Именно в процессе общения происходит формирование личности (в общении с природой, в процессе познания ее законов, общении с другими людьми). На основе общения, коммуникативных связей и отношений с другими людьми сформировался язык, т. е. система знаков (слов устной речи и предложений письменной речи, жестов, телодвижений и др.).

Цель работы – изучить роль языков международного общения в процессе межкультурной коммуникации.

Материал и методы. Материалом исследования служат знаковые системы (мировые, международные, формализованные языки), используемые в процессах международной коммуникации. В ходе работы используются эмпирический и сравнительный методы.

Результаты и их обсуждение. Одной из сторон коммуникации выступают процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы [1, с. 14]. Большинство процессов, объединяющих людей между собой, функционируют и развиваются благодаря коммуникации. Эффективность коммуникации между людьми зависит от уровня взаимопонимания между ними. Роль языка в современном мире, а также его распространенность за пределами этнической территории дают основания выделять языки межнационального общения и мировые языки. Грамотное использование языков чрезвычайно важно для работы, поскольку оно обеспечивает точные и понятные коммуникацию и понимание в вопросах глобального значения.

Мировыми языками считаются те, которые используются в сфере официальных международных отношений. Традиционно к ним относят рабочие языки ООН: английский, русский, французский, китайский, испанский и арабский [2, с. 271]. На этих языках издаются все основные документы и резолюции ООН. Язык становится средством международного общения, только в том случае когда, его особая роль признается многими странами и народами. Так английский язык признается в качестве официального государственного языка более чем в 100 странах мира. Он становится в приоритете на всех ступенях получения образования, начиная с младших дошкольных учреждений и заканчивая аспирантурой.

В качестве международных языков выступают языки, которые используются для общения большим количеством людей во всем мире. Ученые выделяют от 7 до 10 языков международного общения, к которым относят китайский, английский, испанский, русский, арабский, португальский и французский языки. Статус международного языка непостоянен. Со временем одни языки могут терять статус международных в силу различных демографических, культурных и экономических обстоятельств, а другие, наоборот, приобретать его.

Также существуют искусственные (плановые) языки, которые были разработаны специально для воплощения каких-либо целей. Таких языков в современном мире насчитывается около тысячи. Однако широкое распространение и известность получил лишь один из них – эсперанто. Со временем любой живой язык меняется и развивается. Если у искусственного языка появляется много носителей, он так же начинает меняться, соответственно, теряет статус искусственного.

Формализованные языки тоже могут рассматриваться в качестве международных. Формализованный язык – это язык, представляющий собой знаковую систему, созданную для представления какой-либо теории. Он может характеризоваться простым перечнем слов, некоторой формальной грамматикой. Так, например, формальными являются языки химии, математики, логики, программирования. Азбука Брайля и азбука Морзе также являются воплощением формализованного языка. Например, азбука Брайля представляет собой рельефный тактильный алфавит, предназначенный для восприятия плохо видящими людьми посредством осязания. Азбука Морзе является совокупностью букв алфавита, цифр, знаков препинания и других символов, которые представлены последовательностью длинных и коротких сигналов.

Также важным коммуникационным взаимодействием между людьми является невербальное общение, при котором обмен информацией происходит через жесты, мимику и пантомимику.

Средством общения и обмена информацией служат знаки. Так, например, в картографии используются условные знаки, в правилах дорожного движения – дорожные знаки.

Массовые информационно-коммуникационные процессы играют важную роль в политике. Наличие различных целей и методов, структур и участников политических процессов обуславливает сложную, многомерную структуру информационно-коммуникативного обмена между людьми. Русский культуролог и семиотик Ю. Лотман отмечал, что даже стандартный процесс коммуникации проходит в ситуации частичного несовпадения кодов, именно в этом он видел творческий характер общения, возможность возникновения новой информации [1, с. 567].

Заключение. Таким образом, языки международного общения связаны с базовой потребностью людей в коммуникации, которая обусловлена и биологически, и социально. Они включают в себя стремление человека обогатить свой жизненный опыт, расширить горизонты познания. В процессе международной коммуникации людьми используются различные знаковые системы в зависимости от возможностей и целей тех, кто включён в этот процесс.

Список литературы

1. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер» 2001. – 656 с.
2. Гируцкий, А.А., Введение в языкознание: Учеб. пособие /А.А. Гируцкий. – Мн.: «ТетраСистемс», 2001. – 288 с.

**«РУСКА-БЕЛАРУСКІ ТЛУМАЧАЛЬНЫ СЛОЎНІК ТЭРМІНАЎ
ПЕДАГОГІКІ, ПСІХАЛОГІІ, ДЭФЕКТАЛОГІІ»:
СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ АСПЕКТНОГО СЛОВАРЯ**

*В.Н. Корчагина, А.Е. Оксенчук
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Нами был создан «Руска-беларускі тлумачальны слоўнік тэрмінаў педагогікі, псіхалогіі, дэфекталогіі» для студентов, обучающихся различным педагогическим специальностям. Словарь объединяет минимально необходимую специализированную профессиональную лексику и ориентирован на использование в образовательном процессе учебных учреждений по дисциплинам педагогического цикла. Результаты, полученные в ходе констатирующего этапа эксперимента, показали, что студенты педагогических специальностей недостаточно хорошо владеют профессиональной лексикой в рамках своей специализации.

Актуальность настоящего краткого профессионального словаря обусловлена отсутствием в современной лексикографии двуязычного (русско-белорусского) словаря подобного типа.

Цель статьи – представить типологию профессионального краткого словаря «Руска-беларускага тлумачальнага слоўніка тэрмінаў педагогікі, псіхалогіі, дэфекталогіі».

Материал и методы. Словарь включает 400 словарных статей, описывающих понятийный аппарат педагогической коррекции, детской психологии и педагогики. Основным методом является «метод толкования понятий». Словарные статьи ранжированы с учетом частотности профессионального термина и являются двуязычными. Словарная статья построена следующим образом: заголовочное слово на русском языке, переводной эквивалент и дефиниция.

Результаты и их обсуждение. Принципы, которых мы придерживались при создании словаря: единообразии содержания; адекватность перевода с русского языка на белорусский педагогических понятий и терминов; принцип единства (для удобства пользования в практической переводческой деятельности принцип единства применен нами во всех случаях, когда нет соответствия в белорусском языке).

Исходя из опыта и традиций лексикографической деятельности и учебного характера разработанного словаря, мы определили место нашего словаря среди лексикографических аналогов. Типология «Руска-беларускага тлумачальнага слоўніка тэрмінаў педагогікі, псіхалогіі, дэфекталогіі» может быть описана следующим образом; по принципу определения значения словника – энциклопедический; по отношению к типу языкового общения – узкоспециальный; по значению – учебный, справочный, информационно-поисковой; по отношению к языковой норме – нормативный; по способу представления лексического значения слова – двуязычный; по типу носителя – книгопечатный; по способу организации лексики – алфавитный.

Заключение. Практическая перспективность исследования заключается в возможности дополнения «Руска-беларускага тлумачальнага слоўніка тэрмінаў педагогікі, псіхалогіі, дэфекталогіі», а также усовершенствовании разработанного словаря, опираясь на появление новых профессиональных понятий. Основная трудность, с которой пришлось столкнуться в работе над словарем, заключалась в том, что существующие переводные словари далеки от единообразия в толковании и переводах многих педагогических терминов и понятий. Причем амплитуда разночтений, методик и принципов – будь то транслитерации, транскрипции, орфоэпии, понятийного аппарата и т. п. – довольно велика. Попытка же обратиться к энциклопедическим и толковым словарям лишь увеличила количество противоречий. Предлагаемый «Руска-беларускі тлумачальны слоўнік тэрмінаў педагогікі, псіхалогіі, дэфекталогіі» адресован преподавателям и студентам педагогических специальностей. Кроме того, результаты исследования могут стать основанием для создания и разработки нового направления педагогики – билингвальной педагогической лексикографии.

ДИСКУРС КАК КАТЕГОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Е.А. Красина
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Термин «дискурс» ввел в лингвистический обиход бельгийский лингвист Э. Бюиссанс, исходя из сосюрювского представления соотношения «языка – речи – речевой деятельности». Фактически дискурс предстал как промежуточное звено в цепочке «langue-discourse-parole», где langue – система, некая отвлеченная умственная конструкция, discourse – комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка (то есть сема), и parole – механизм, позволяющий осуществлять эти комбинации (семический акт)» [1, с. 454]. Иными словами, дискурс – это «речевое произведение, которое возникает каждый раз, когда мы говорим», при этом «нельзя упускать из вида своеобразный статус высказывания: нашим объектом является самый акт производства высказывания, а не текст высказанного» [2, с. 311]. Противопоставив дискурс, или «речь, присваиваемую говорящим», так называемому «объективному повествованию» – «discourse vs. recit» – Э. Бенвенист создал предпосылки для распространения понятия дискурса на «все виды прагматически обусловленной и различающейся по своим целеустановкам речи» [4, с. 412], ср.: устный и письменный дискурс Т.А. ван Дейка; разговорный дискурс Е.В. Падучевой, включая режимы речевой и нарративной интерпретации и др. Все вышесказанное обусловило цель данной работы – изучить различные аспекты понимания категории дискурса как семиотического и коммуникативного процесс.

Материал и методы. Рассматривая аспекты понимания категории дискурса как семиотического и коммуникативного процесса в качестве материала исследования были использованы «классические» научные теории дискурса. В методологию работы были включены сравнительно-исторический и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Современная теория дискурса восходит к макросинтаксическим исследованиям 60-70-х гг. XX в., когда объектами лингвистики становятся текст, диалог, повествование и др., т.е. единицы, выходящие за пределы привычных предложения и словосочетания. И если в это время дискурс определяется как «связная последовательность предложений или речевых актов» (по Ю.Н. Караулову), то позднее, в 80-е гг. он уже рассматривается как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста», то есть дискурс как сложная система иерархии знаний. Дискурс осознается и как важный компонент социокультурного взаимодействия, он предстает как «сложное единство языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью коммуникативного события или акта» (по Т.А. ван Дейку). В этой связи возникают трактовки дискурса то как «текста, взятого в событийном аспекте», то как «речи, погруженной в жизнь» [4, с. 137].

Обозначенные широкие подходы позволяют утверждать, что дискурс одной своей стороной обращен к ментальной, сознательной деятельности, и в этой сфере он отчасти выступает аналогом когнитивной модели, исходящей из категориальной ситуации, которая «представляет собой понятие, производное от общего (не ориентированного на определенную семантическую категорию) понятия сигнификативной ситуации. Спецификация, «фокусированность» категориальной ситуации заключается в том, что в передаваемой в высказывании общей ситуации вычленяются отдельные аспекты, выделяемые на базе той или иной семантической категории» [5, с. 20]; ср.: философский дискурс, политический дискурс, литературный дискурс и др., а также разговорное употребление «Мы с Вами находимся в разных дискурсах». С другой стороны, дискурс обращен к речевой деятельности, принадлежит ей, хотя бы потому, что манифестируется в текстах, обеспечивается актом высказывания, оформляется лексически и грамматически. В единстве неязыкового и языкового, когнитивного и языкового дискурса предстает как «тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт; <...> анализируя дискурсы, мы видим, как разжимаются жесткие сочленения слов и вещей и высвобождаются совокупности правил, обуславливающих дискурсивную практику <...>, практику, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят» [6, с. 49–50].

Поскольку теория дискурса и дискурсивный анализ разрабатывались прежде всего французскими и английскими семиологами и лингвистами, полагаем уместным и оправданным обратиться к анализу концепции А.Ж. Греймаса и Ж. Курте, выделивших основные аспекты дискурса как семиотического процесса [Семиотика, 1983, с. 488-493].

Наиболее лаконично исходный принцип, очевидно, был сформулирован М. Фуко: «Дискурс – событие знака, но то, что он делает, есть нечто *большее*, нежели просто использование знаков для обозначения вещей. Именно это «нечто большее» и позволяет ему быть несводимым к языку и речи» [6, с. 50].

Обнаруживая сложную природу, дискурс предстает как *семиотический процесс*, реализующийся на синтагматической оси языка, и в этом смысле он принадлежит семиотике «мира слов» естественного языка. В этом аспекте дискурс обсуждается как объект дискурсивной лингвистики, базирующейся на исследовании текста как речевого произведения, а термины «дискурс» и «текст», благодаря постулату о синтагматике, становятся отчасти синонимичными, ср.: *linguistique discursive ~ linguistique textuelle*.

Ключевым элементом структуры и основы дискурса выступает высказывание – *énoncé*, если рассматривать дискурс как результат связывания фраз; если же исходить из понимания дискурса как целого, то высказывания будут только его сегментами, или фрагментами. Отношения «дискурс – высказывания» позволяют моделировать индукции и дедукции фразовых грамматик, по З. Хэррису, вводящие ряд приемов-правил описания поверхностных и глубинных, грамматических и семантических параметров высказываний, типа правил построения абзаца, сверхфразового единства и т.п.

В общей теории языка семиотическая природа дискурса выявляет противопоставление «дискурс – нарратив», аналогичное антиномиями «язык-речь», «компетенция – перформация», которое формирует дискурсивную компетенцию в синтагматике и семиотико-нарративную компетенцию – в парадигматике. При этом дискурс, создаваемый актом высказывания – *l'énonciation*, по Э. Бенвенисту, оказывается результатом семантических членений и трансформаций и ограничено включается в коммуникацию. Иными словами, по завершении акта высказывания возникает высказывание-дискурс как коммуникативная структура, одновременно и лингвистическая, и экстралингвистическая.

Заключение. Таким образом, понятие дискурса становится одним из ключевых семиотических концептов: если в языке дискурс объективируется как речевое произведение, как отдельный акт речевой деятельности, наконец, как акт высказывания («перевод языка в дискурс»), то в сфере семиотики и коммуникации дискурс выступает как одна из моделирующих систем, как когнитивная структура, стремящаяся к автономии.

Список литературы

1. Словарь терминов французского структурализма / сост. И.П. Ильин // Структурализм : «за и «против». – М. : Просвещение, 1975 – с. 450–461.
2. Бенвенист, Э. Формальный аппарат высказывания // Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Просвещение, 1974. – С. 311–319.
3. Бенвенист, Э. Соссюр полвека спустя // Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Просвещение, 1974. – С. 47–89.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
5. Бондаренко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондаренко. Л. : Культпросвет. – 174 с.
6. Фуко, М. археология знаний / пер. с фр. Бр. Левченко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.

БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНАЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

*А.А. Лавицкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Республика Беларусь является сегодня единственной страной бывшего Советского Союза, где конституционно с 1996 года закреплено государственное белорусско-русское двуязычие. Оба языка равноправны в их использовании во всех сферах: законотворчества, официально-деловой коммуникации, публицистической деятельности, межличностном общении и т.д. Однако наши наблюдения показывают, что языковой паритет в стране отсутствует: русский язык как средство коммуникации на всех уровнях используется активнее. С одной стороны, это вполне закономерно и исторически объяснимо, так как, во-первых, для большинства стран бывшего СССР «<...> речь идет об особом типе би(поли)лингвизме, при

котором доминирующую роль объективно играет русский язык как язык, подтвердивший свою государствообразующую роль, роль мирового языка, посредством которого мир «узнал» о существовании больших и малых этносов и этнических групп, населяющих евразийское пространство» [1, с. 46], а также о культуре, самобытности этих народов и отношений. Во-вторых, законодательно разрешенный в контексте белорусской языковой политики выбор языка общения как одно из важнейших гражданских прав и свобод позволило белорусам сохранить гражданское единство, не допустить дискриминаций на национальном и языковом уровнях, что неоднократно наблюдалось и наблюдается в некоторых бывших союзных республиках.

Однако, несмотря на приведенные мнения, статистические данные последней переписи населения (2009 г.) констатируют, что за период 1999–2009 годов доля этнических белорусов, для которых родным был белорусский язык, сократилась с 85,6% до 60,8%. Такие цифры заставляют задуматься о дальнейшем развитии языковой ситуации в стране. С этой целью мы провели экспериментальное исследование, в ходе которого попытались выяснить, какой из двух государственных языков молодые белорусы считают своим родным, а также насколько хорошо они владеют белорусским языком и могут объяснить значение безэквивалентных лексических единиц.

Материал и методы. Материалом исследования послужили результаты экспериментального анкетирования для подготовки которого был использован «Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні)». В качестве методов исследования были использованы 1) общенаучный метод анкетирования, 2) математические методы обработки и систематизации данных, а также 3) лингвистические методы дискурс- и контекстанализа.

Результаты и их обсуждение. По мнению Н.Б. Мечковской основной слой безэквивалентной лексики в языке формируют слова обозначающие прежде всего специфические предметы и явления жизни отдельной культурной общности [2, с. 85]. Таким образом, безэквивалентная лексика не только отражает лексическую специфику всего языкового фонда, имеет особое значение для переводчиков, но и играет ведущую роль «в создании национального «лица» языка» [с. 4].

Таким образом, выбор в качестве предмета исследования безэквивалентной лексики неслучаен: мы полагаем, что понимание такого рода лексических единиц на уровне языкового сознания характеризует личность не только с точки зрения ее образования, классовой общественной принадлежности и других социальных характеристик, но и национально-этнической принадлежности. Иными словами, языковое сознание способно отражать национальную самоидентификацию. В случае с безэквивалентной лексикой выдвигаемая гипотеза звучит следующим образом: *до тех пор, пока безэквивалентная лексика отражает в языковом сознании часть личного мировосприятия, национальная самоидентификация личности будет связана с национально-языковой принадлежностью данной лексики.*

Для верификации предположенной идеи нами была разработана специальная анкета, в которой опрашиваемым предлагалось перевести с белорусского языка на русский следующие слова:

- 1) абшыванка – выдолбленная из ствола дерева лодка с нашитыми для большей устойчивости бортами из досок;
- 2) знічка – падающая звезда;
- 3) бярозавік – напиток из березового сока;
- 4) здор – нутряной свиной жир;
- 5) кватэрка – мера объема или бутылка объемом в четверть квартиры;
- 6) мур – каменная или кирпичная стена;
- 7) прышпар – а) время самой напряженной работы в сельском хозяйстве, б) самое горячее время дня или года;
- 8) пячонік – картофелина, запеченная на огне;

В качестве словарного источника мы использовали «Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні)» (Словарь белорусской безэквивалентной лексики (в русскоязычном отношении)). Выбор конкретных лексических единиц был обусловлен их буквенно-звуковой схожестью с некоторыми русскоязычными словами. Например, абшыванка – вышиванка (современное разговорное название традиционной вышитой рубахи); знічка – ресничка; бярозавік –

подберезовик; здор – вздор; кватэрка – квартирка; мур – амур, муравей, муровать; прыпар – препарат, припаривать; пячонік – печь, печенка.

Анкетирование было анонимным и проводилось среди студентов филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. В опросе приняли участие 121 человек в возрасте от 17 до 23 лет. Для чистоты эксперимента нами был соблюден половой паритет его участников (54 мужчины и 67 женщин). Интересным нам представляется также и тот факт, что родным русский язык назвали 86 респондентов (71,1%), белорусский – 25 человек (20,6%), для 10 студентов оба языка являются родными (8,3). Полученные результаты перевода отражены в таблице:

Количество правильных переводов (%)	<i>Безэквивалентные лексические единицы</i>							
	<i>абшыванка</i>	<i>знічка</i>	<i>бярозавік</i>	<i>здор</i>	<i>кватэрка</i>	<i>мур</i>	<i>прыпар</i>	<i>пячонік</i>
	21,49	42,98	23,97	1,65	0,00	12,4	12,4	6,61

Заклучение. Таким образом, данные проведенного эксперимента показывают, что только около 15,2% переводов студентов были правильными. Однако нам не встретилось ни одной анкеты с полностью правильным переводом. А число правильно выполненных переводов безэквивалентных слов не зависело от того, какой язык респондент считает своим родным. Анализ неправильных ответов показывает, что большинство из них как раз и связан с тесным буквенно-звуковым сходством выбранных нами слов. Безусловно, полученные результаты нельзя назвать абсолютными для всей Беларуси, однако, они дают достаточную почву не только для дискуссий относительно статуса и перспектив развития государственных языков в нашей стране, но и указывают на необходимость дальнейшего законодательного совершенствования отдельных аспектов языковой политики, которая неразрывна связана с вопросами государственности, национально-этническим самоопределением и т.д.

Список литературы

1. Бахтиреева У.М. Теория билингвизма в русском языкознании // Лингвистика XXI века : сб. науч. ст. к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой / соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2014. с. 45–56.
2. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособ. для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская – 2-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
3. Шкраба, І.Ш. Самабытнае слова : слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні) / І.Ш. Шкраба. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 1994. – 223 с.

КАНЦЭПЦЫЯ АСОБЫ ЁЎ ЛІРЫЦЫ 60-х ГАДОЎ ХХ СТАГОДДЗЯ

*В.В. Лапацінская
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

Кожны этап развіцця грамадства характарызуецца сваімі істотнымі асаблівасцямі, якія вызначаюць спецыфіку культурнага і літаратурнага модусу. 60-я гады ХХ стагоддзя – гэта своеасаблівы перыяд у гісторыі і этап літаратурнага працэсу. Час паставіў на парадак дня праблему актывізацыі ролі чалавека ў жыцці, адлюстравання багацця яго ўнутранага свету, “узвышэння простага чалавека” [5, 72], – так характарызуе М.Мішчанчук эпоху, якую мы аналізуем. Мэта даследавання – раскрыць асаблівасці стварэння канцэпцыі асобы ёў лірыцы 60-х гадоў ХХ стагоддзя.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання стала паэзія перыяду “адлігі”. Метады даследавання: функцыянальна-гістарычны, тыпалагічны, герменеўтычны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Пацяпленне палітычнага клімату і паслабленне кніжнай цензуры выклікалі ажыўленне грамадскага і культурнага жыцця. Людзі паступова пачынаюць усведамляць сваю асабістую значнасць і адказнасць за тое, што робіцца ў грамадстве, а пісьменнікі, у сваю чаргу, праяўляць вострую зацікаўленасць жыццём “прыватнай асобы”. “Узвышэнне чалавека” [6] па ўсіх пазіцыях становіцца тэндэнцыяй часу: “Паэтаў захапіла ўжо сама магчымасць грамадска актыўнага служэння, сцвярджэння чалавечага права на ўласнае выказванне, свой погляд, думку, сваё права на ўдзел у вырашэнні набалелых праблем часу. Захапіла пропаведзь вяртання чалавеку яго элементарных, адабраных культураўскім дыктатам, дэмакратычных правоў і свабод”, – чытаем у артыкуле вядомага даследчыка М.Ароцкі [1, 235].

Перыяд 60-х гадоў XX стагоддзя быў пазначаны выразным рухам грамадскай свядомасці па шляху адмаўлення ад масавасці як прынцыпу духоўнага жыцця да прызнання прыярытэтнай вартасці індывідуума ў ім. Але з гэтым індывідуалізмам вялася жорсткая барацьба, напрыклад, творы Аксёнава, Гладзіліна, Кузняцова крытыкаваліся менавіта за такі “рух”.

На думку значнай часткі даследчыкаў, асоба, якая ўдзельнічае ў выпрацоўцы грамадскай свядомасці, у актуалізацыі тых ці іншых каштоўнасцей, з’яўляецца універсальным фактарам многіх літаратурных тэндэнцый, вызначае шмат якія заканамернасці, з’яўляецца своеасаблівай крыніцай дынамікі развіцця слоўнага мастацтва. Адметнасць кожнай літаратуры вызначаецца, перш за ўсё, канцэпцыяй навакольнага свету і асобы, менавіта яна і знаходзіцца ў яе аснове.

Зыходным момантам у стварэнні канцэпцыі асобы ў літаратуры 60-х гадоў стала пераасэнсаванне характару “сярэдняга чалавека”, наданне яму гуманістычнай значнасці. Менавіта пафас гуманізму з’яўляецца вызначальнаю рысаю ў творах многіх паэтаў гэтага перыяду.

Адказ на пытанне “Што такое Чалавечнасць і Чалавек?” імкнецца даць, напрыклад, Анатоль Вяцінскі. Філасофскай глыбінёй характарызуецца яго вершы, што склалі зборнікі “Тры цішыні” (1965), “Чалавечы знак” (1969). Паэт займае актыўную пазіцыю непрымірымасці да фальшу, стварае вобраз чалавека – вечнага вандроўніка і шукальніка высокіх ідэалаў. Ва унісон з нашым паэтам выказваецца і рускі крытык А.Урбан: “Узвышэнне чалавека – не эпізод літаратурнага жыцця, не індывідуальная прыхільнасць некалькіх мастакоў, а агульны клопат, выкліканы глыбокай увагай да людзей, думкай пра іх будучыню, пра лёс краіны і Сусвету” [6, 248].

Ідэйнай жа асновай творчасці мастакоў слова 60-х гадоў XX стагоддзя стала філасофская канцэпцыя Чалавека, пачатак якой быў у многім пакладзены такімі кнігамі, як зборнік вершаў “Чалавек” літоўскага паэта Э.Межэлайціса, паэмы А. Твардоўскага “За даллю – даль”, А. Куляшова “Цунамі”. Паўнацэнным працягам адзначанай тэндэнцыі “ўзвышэння чалавека” сталі пошукі актыўнага героя многімі іншымі паэтамі.

Ідэйна-эстэтычная вартасць мастацкіх твораў 60-х гадоў пра чалавека вызначалася перамяшчэннем у маральна-этычны, філасофскі план размовы пра духоўны свет асобы, яе ўзаемаадносіны з гісторыяй, з сучаснасцю і будучыняй. Падобная творчая ўстаноўка фарміравала ў мастакоў слова якасна новыя прынцыпы творчасці ў цэлым, імкненне вылучыць у характарах людзей тыя рысы, што працуюць на перабудову светапогляду асобы ў святле, як тады здавалася, вечных камуністычных ідэалаў. Гэта быў час “трыумфу чалавечнасці і гуманізму” [5, 8].

У 1960-м годзе рускі паэт Яўген Вінакураў выпусціў зборнік лірыкі з характэрнай назвай “Твар чалавечы” і ў адным з праграмных вершаў “Як добра твар свой мець...” выказаў сваё разуменне задач літаратуры пераломнага перыяду жыцця: “Страшымся мы, как видно, неспроста // Быть, как искринки, схожи меж собою” [2, 123]. Праз год ім жа быў напісаны другі верш – “Разнообразие” – пра сэнс жыцця, прызначэнне чалавека на зямлі быць своеасаблівай індывідуальнасцю: “Разнообразье – принцип, // Лежащий в основе жизни” [2, 155]. “Мы” складаецца з “я” – вось пафас яго ж верша з лаканічным загаловам “Я”. “У перыяд дынамічнага абнаўлення жыцця і росту самасвядомасці < ... > праблема чалавек і маса, асоба і калектыў была адной з галоўных, калі не галоўнай, у маральным жыцці грамадства” [4, 25], – піша Уладзімір Конан. Так адмаўлялася мастацтва 50 – 60-х гадоў XX стагоддзя ад формулы, абвешчанай некалі У. Маякоўскім: “Единица – вздор, единица – ноль”, і шукала шляхі паяднання адзінкавага і агульнага, лучнасці “Я” і “Мы”.

Вызначальным для рамантычна настроенай паэзіі сярэдзіны 50 – 60-х гадоў быў і матыў свабоды. Перш за ўсё паэты мелі на ўвазе свабоду выбару, народжанага канфліктаў паміж чалавекам і сацыюмам. Герой-рамантык звычайна адзінокі, узвышаецца над грамадствам, не прыняты, “пагарджаны” ім (Купалава вызначэнне). “Вот стою я на Тверском бульваре, Миру непонятный человек” [3, 12], – заяўляе пра сябе лірычны герой Я. Вінакурава. Яшчэ больш шырока разгорнуты гэты тэзіс у вершы гэтага ж аўтара “Дэман”, напісаным у лермантаўскім рамантычным ключы.

Беларуская рамантычна настроеная паэзія акрэсленага перыяду таксама не пазбегла лермантаўскага матыву незадаволенасці існымі станам рэчаў і экзістэнцыяльнай бунтоўнасці супраць любых праяў сацыяльнай несправядлівасці, яскравым прыкладам арыгінальнай інтэрпрэтацыі якога якраз і з’яўляецца лірыка Анатоля Сербантовіча.

Заклучэнне. Гуманістычны пафас паэзіі 60-х гадоў XX стагоддзя выклікае “ўзвышэнне асобы”, пошукі актыўнага героя, паказ сучаснасці ў кантэксце мінулага і будучыні, а таксама

абумоўлівае фактар вяртання літаратуры да вечных чалавечых каштоўнасцей, да адраджэння маральнасці асноў жыцця ў духу нашаніўскага перыяду. Паэты стварылі канцэпцыю чалавека, згодна якой асоба аказалася здольнай пераадолець усе перашкоды на сваім шляху, аднак такі чалавек змог дзейнічаць толькі ў межах адведзенага яму тэксту, на ўмоўнай і зададзенай у многім тэрыторыі.

Спіс літаратуры

1. Арочка, М. Беларуская савецкая паэма. / М. Арочка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – 335 с.
2. Винокуров, Е. Избранные произведения: В 2 т. / Е. Винокуров. – М.: Художеств. лит., 1976. – Т. 1: Стихотворения. – 544 с.
3. Винокуров Е. Контрасты. / Е. Винокуров. – М.: Совет. писатель, 1975. – 127 с.
4. Конан У. Ля вытокаў самапазнання: Станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору. / У. Конан. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 238 с.
5. Мішчанчук М. Літаратура, народжаная Кастрычнікам. / М.І. Мішчанчук. – Мінск: Нар. асвета, 1983. – 107 с.
6. Урбан А. Возвышение человека. Заметки о современной поэзии. / А.Урбан. – Л.: Художеств. лит. Ленингр. отд-ние, 1968. – 248 с.

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА В РАССКАЗЕ В. БЫКОВА «В ПЕРВОМ БОЮ»: ОПЫТ ТОЛСТОВСКОЙ ТРАДИЦИИ

*С.В. Ланунов
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Среди исследований по истории русско-белорусских литературных связей, достаточно широко представлены работы, посвященные проблеме освоения белорусской литературой художественных достижений русской военной прозы второй половины XIX века. Наиболее разработанный в белорусском литературоведении аспект указанной проблемы – влияние на белорусскую военную прозу XX века художественного опыта Л.Н. Толстого. Следует отметить, что объектами большинства исследований избирались крупные эпические произведения (повести, романы, романтические циклы), тогда как «малым» жанрам белорусской военной прозы уделено недостаточно внимания.

Цель исследования – выявить взаимосвязь художественных решений в дебютном военном рассказе В.Быкова с опытом классика русской военной прозы XIX столетия – в связи с изложенным выше представляется нам закономерной.

Материал и методы. Указанное выше обстоятельство обусловило наше обращение к первому военному рассказу В. Быкова «В первом бою», (1949, впоследствии на белорусский язык автором не переведен). Выбор произведений обусловлен следующими причинами. Во-первых, как уже давно признано исследователями, традиция «лейтенантской прозы», представителем которой является Быков, восходит «к общему источнику – к Толстому» [1, с. 539]. Во-вторых, мы учитывали значение раннего периода для дальнейшего творчества писателя. Обращение к самым разным темам на раннем этапе творчества приводит к утверждению военной темы как основной в творчестве. В-третьих, сам Быков признавал ценность для него как для писателя толстовского художественного опыта и особую важность мысли, высказанной Толстым в финале второго севастопольского рассказа [2]. Для реализации поставленной цели выбраны аналитический и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Обращаясь к вопросу толстовского влияния на поэтику белорусской военной прозы, А.М. Адамович отмечал, что своими произведениями Толстой показал, «сколько в правде неожиданностей и поворотов» [1, с. 615]. Установка на изображение «неожиданностей и поворотов» войны стала ведущей в творчестве Быкова уже на раннем этапе творчества. Обращение к показу войны во всей ее сложности и противоречивости, интерес к внутренней жизни человека в экстремальных обстоятельствах обусловили обращение писателя к опыту классика русской военной прозы.

Наибольшее внимание в ранних военных рассказах Быкова проявлено к классической для военной прозы ситуации испытания первым боем – неслучайно дебютный военный рассказ писателя назван «В первом бою». Первое серьезное испытание, которое проходит герой рассказа, приобретает тот же смысл, что и в военной прозе Толстого: оно заставляет осознать подлинную сущность войны, избавляет от прежних иллюзий, открывает прежде недоступное сознанию. Уже в самом начале рассказа передано состояние напряженного ожидания первого боя, которое испытывает центральный герой произведения – недавно назначенный командиром

взвода 45-мм пушек молодой лейтенант Николай Бережной: «С каждым днем Николай все явственнее ощущал медленное, но неуклонное приближение к тому роковому часу, с которого начнется и его схватка с врагом. Энергичный и смелый, он с нетерпением ждал первого боя. Каков будет этот бой, как сложатся обстоятельства?» [3, с. 10]. Среди противоречивого переплетения мечтаний о героическом подвиге и пока еще нового для лейтенанта чувства ответственности за людей важное место занимает диалог Бережного с ездovým Гарпенко. На вопрос лейтенанта: «А страшно ли в первом бою?» [3, с. 11] воюющий с первых дней войны Гарпенко отвечает: «Оно, известно, спервоначалу не очень весело, но, знаете, на войне, как и на работе: задание или там приказ надо выполнять... Было страшно, да еще как...» [3, с. 12]. Далее ездовой вспоминает недавно погибшего прежнего командира взвода, во время боя вставшего во весь рост: «Гордый был, не хотел на виду у нас пулям кланяться» [6, с. 12]. И далее звучит важная для понимания центральной идеи произведения фраза: «Конечно, как говорится, на людях и смерть красна, но все же эта смерть никудышная» [3, с. 12]. Эта оценка явно созвучна с толстовским пониманием истинной и ложной храбрости, сформулированным в рассказе «Набег». В толстовском рассказе желание прапорщика Аланина выказать бесстрашие на виду у всех также оценивается старым опытным солдатом: «Ничего не боится: как же это можно!... Глуп еще – вот и поплатился.

– А ты разве боишься? – спросил я.

– А то нет!» [4, с. 31]».

Как и в рассказах Толстого, подлинную сущность войны главный герой рассказа постигает в столкновении с «неожиданностями и поворотами» войны. Внимание автора привлекают не столько сами события, сколько сложное переплетение мыслей, созвучное с толстовской «диалектикой души». В самый напряженный момент так ожидаемого первого боя лейтенант испытывает смешанное чувство обиды и отчаяния. Испытание первым боем происходит вопреки ожиданиям: в момент неожиданного появления вражеских танков лейтенант ранен в правую руку и остается один. За несколько мгновений в сознании Бережного вспыхивает досада «за короткую жизнь и такой неудачный преждевременный конец» [3, с. 16], вспоминается пословица Гарпенко и в последние мгновения жизни приходит осознание того, что подвиг – это не эффектная гибель «на миру» ради славы: «Один мертвый Юсуфов будет свидетелем его гибели» [3, с. 16].

Заключение. Таким образом, взаимосвязь художественных в дебютном военном рассказе В.Быкова с опытом классика русской военной прозы XIX столетия нам представляется закономерной. На этапе творческого самоопределения художественное освоение и осмысление Быковым художественных открытий, сделанных Л.Н.Толстым, стимулировало поиск новых художественных приемов изображения войны, прежде всего средств раскрытия «внутреннего мира в его неупорядоченной подвижности» [5, с. 114]. Творческое осмысление этой неупорядоченности, лежащей в основе толстовской «диалектики души», определило эволюцию военной прозы Быкова в сторону психологизации батального пространства.

Список литературы

1. Адамович, А.М. Взаимодействие белорусской и русской «военной прозы» с европейской литературной и гуманистической традицией / Адамович, А.М. Собр. соч. В 4-х т. Т.3. / А.М.Адамович – Мн.: Маст. літ, 1982. – 622с., 4 л. ил. – С.539 – 541.
2. Быков, В. Правду и всю правду. / Советская культура, 1987, 29 октября. – С.4.
3. Быкаў, В. Поўны збор твораў. У 14 т. Т.7. Апавяданні./ В.Быкаў – Мн.: Саюз беларускіх пісьменнікаў; Масква, ТАА «Выдавецтва «Время»» 2009. – 480 с.
4. Толстой, Л.Н. Собр. соч.: В 22-х т. Т.2. Повести и рассказы 1852 – 1856. / Л.Н.Толстой – М.: Худож. лит., 1979. – 422 с.
5. Есин, А.Б. Психологизм русской классической литературы. / А.Б.Есин – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.

ЗООНИМИКОН БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ В АСПЕКТЕ СТРУКТУРЫ И МОТИВАЦИИ

А.С. Марудова

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Белорусское Поозерье представляет собой уникальный природный регион, который занимает северную часть Республики Беларусь и ограничивается с юга линией, примерно проходящей по населённым пунктам Островец–Сморгонь–Вилейка–Докшицы–Псуя–Лепель–Новолукомль–Толочин–Осинторф.

В административном отношении Белорусское Поозерье охватывает почти всю Витебскую область, северо-западную часть Минской и северо-восточную Гродненской областей. В лингвистических исследованиях территория данного региона ограничивается пределами Витебской области.

Как отмечают исследователи, Белорусское Поозерье – это весьма интересное явление в лингвистическом плане, поскольку данный регион имеет богатую историю письменности, отражает дославянские явления в ономастике, даёт возможность изучить на диалектном уровне особенности не только белорусского языка, но и островных русских и польских говоров [1, 3].

Языковые особенности Белорусского Поозерья, а также все важнейшие этапы, события в жизни жителей данного региона нашли своё отражение не только в названиях улиц, населённых пунктов и т.д., но и кличках домашних животных, в связи с чем зоонимы вызывают огромный интерес как в качестве культурологического, так и лингвистического материала.

Именования домашних животных традиционно представляют околоядерное пространство ономастической системы, но в силу своей номинационной специфики редко попадают в центр проблемного поля ономастической науки.

Актуальность данного исследования заключается в том, что был осуществлён подробный анализ структуры и мотивации зоонимов исследуемого региона, с установлением основных способов образования зоонимных единиц, определением продуктивных словообразовательных моделей, выявлением особенностей мотивации и источников номинации животных жителями Белорусского Поозерья.

Цель данного исследования – выявление особенностей структуры и мотивации зоонимикона исследуемого региона.

Материал и методы. Материалом исследования послужили клички домашних животных (1876) домашних животных, функционирующих на территории Белорусского Поозерья, которые были собраны в результате опроса жителей исследуемого региона разного возраста, социального статуса, с различными увлечениями и предпочтениями.

Для анализа полученных результатов были использованы описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный методы, а также элементы количественной интерпретации полученных данных.

Результаты и их обсуждение. Анализ имеющегося материала позволил выявить ряд структурных типов кличек домашних животных исследуемого региона.

К первому структурному типу относятся однословные однокорневые зоонимы, которые подразделяются на *аффиксальные* и *безаффиксные*. *Аффиксальный способ* является достаточно распространённым. Структура кличек характеризуется отсутствием префиксального способа словообразования. При образовании кличек домашних животных Белорусского Поозерья самым продуктивным является финаль **-к(а)** и ряд других, включающих **-к(а)** элемент. При помощи данного морфа чаще всего образуются зоонимы от антропонимов, представляющих русский национальный именник (**кобыла** – *Машка* ← Маша ← Мария, **кот** – *Филька* ← *Филя* ← *Филипп* и т.д.). Менее распространены клички домашних животных, образованные с помощью суффикса **-ик** и **-ок/-ёк** (**декоративный кролик** *Тарасик* ← Тарас, **волнистый попугай** – *Огонёк* ← огонь, **кот** – *Дымок* ← дым и т.д.). Другие форманты при образовании кличек домашних животных непродуктивны: **-ун** (от основ прилагательных и глаголов): **кот** – *Толстун* ← толстый, **волнистый попугай** – *Крикун* ← кричать; **-ан/-ян** (**корова** – *Беляна* ← белая, **конь** – *Великан* ← великий); **-ас** (**собака** – *Мордас* ← морда, **волнистый попугай** – *Ригас* ← Рига) и др. *Безаффиксным способом* зоонимы образуются от основ: *существительных* (**кот** – *Котя* ← кот, **кошка** – *Гнома* ← гном); *прилагательных* (**кот** – *Перс* ← персидский, **собака** – *Звона* ← звонкая); *глаголов* (**собаки** – *Обжора* ← обжираться, *Тяпа* ← тяпнуть).

Второй структурный тип формируют двукорневые или многоосновные единицы, которые могут быть собственно композитами, аффиксальными композитами или аббревиатурами. В зоонимиконе Белорусского Поозерья имеются клички, образованные *основосложением в сочетании с нулевой суффиксацией* (**собака** – *Синеглазый* ← синие глаза); *основосложением с суффиксацией второй части* (**собака** – *Чёрнолапка* ← чёрная лапа, **корова** *Черногрудка* ← чёрная грудь); *аббревиацией* (**собаки** – *Грин* ← Григорий+Инна).

Третий структурный тип представлен дву- и многословными кличками домашних животных. Среди них встречаются зоонимы-словосочетания: **собака** *Милая Кроха*, **корова** *Чёрная Магия*, **шиншилла** *Зимняя Сказка* и т.д.

По грамматической форме зоонимы являются существительными, хотя нередко встречаются и *субстантивированные глаголы* (**бык** *Забегай*, **собака** *Хватай*), *прилагательные* (**кошка** *Сладкая*, *Великий*).

С точки зрения семантики наиболее распространённым способом мотивации кличек домашних животных является номинация по внешнему признаку, здесь работает как прямая номинация, так и метафорическая (отмечена кличка *Берёза* для **коров** чёрно-белой масти и кличка *Рыжик* – для **собак** и **котов** рыжей масти). Зафиксированные способы номинации: 1) по цвету шерсти животного или цвету отдельных частей тела (**собака** *Черноух*, **волнистый попугай** *Желтоклюв* и т.д.); 2) по форме тела или отдельных его частей (**корова** *Пузыня*, **хомяк** *Носик*, **дегу** *Круглик*, **собака** *Бусинка* и т.д.); 3) по росту (**конь** *Вавилон*, **декоративный кролик** *Кнопочка* и т.д.); 4) по поведению и повадкам (**кот** *Жулик*, **корова** *Брыкуха* и др.); 5) по времени рождения животного (**кот** *Мартик*; **корова** *Декабринка* и др.); 6) по особенностям нрава и «умственным способностям» животного (**собака** *Тревога*, **бык** *Лютый* и т.д.).

Особое место занимают зоонимы по названиям сопутствующих приобретению животного событий, явлений, фактов и т.п.: **собаки** *Дарина* и *Подарок* (подарили на день рождения хозяек). Имеется группа кличек, отражающих увлечения хозяев: клички **попугая** *Эльзе*, **котов** *Минор* и *Мажор* связаны с музыкальными пристрастиями хозяев, а кличка **морской свинки** *Васаби* – с интересом хозяина к восточной кухне и т.д.

Закключение. Большую часть кличек домашних животных Белорусского Поозерья составляют зоонимы, относящиеся к структурному типу однословных однокоренных аффиксальных образований. В качестве кличек могут использоваться субстантивированные прилагательные и глаголы, создаваться «искусственные» зоонимы, функционировать официальные (паспортные) имена, так и их упрощённые (трансформированные) варианты.

Способы номинации кличек домашних животных различны, в процессе мотивационного анализа было установлено, что зоонимической универсалией является именование по внешним признакам.

Работа выполнялась при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

Список литературы

1. Белорусское Поозерье: язык и духовная культура / А.М. Мезенко [и др.]; под ред. А.М. Мезенко, А.В. Русецкого. – Мн.: Беларус. навука, 2001. – 214 с.

ТРАНСФЕР: ОТ СЛОВА И ТЕРМИНА К НОВОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ

В.А. Маслова

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Тенденция к взаимопроникновению различных отраслей научного знания – одна из определяющих характеристик всей науки XXI века. В сфере гуманитарных дисциплин выражением стремления к синтезу стал процесс транстерминологизации, по А.В. Суперанской. Мы исследуем термин трансфер, который в высшей степени отражает сравнительно новое для науки мировоззрение – синтезирующий, интегративный, синергетический подход.

Актуальность продиктована наступлением времени цельного знания, которое влечет за собой изменение параметров научного мышления – стремление к синтезу, интегрированию. Это предвидел В.И. Вернадский, один из основоположников антропокосмизма, в своей работе «Научная мысль как планетарное явление».

Цель данной статьи – проследить путь превращения слова «трансфер» в термин, а потом к созданию нового мировоззрения в науке, вбирающего в себя многообразие всей деятельности человека и ее определенных результатов.

Материал и методы. Теоретической базой нашего исследования являются основополагающие работы о трансфере (М.Эспаня, А.Рут, В.З.Демьянкова, С.Г.Проскураина, В.И.Постоваловой и др.), а также положения о динамике терминологий, разрабатываемых

В.А.Ступиным, Н.П.Глинской, В.М. Лейчиком, П.Фабер и др. В качестве методов исследования нами был взят философский анализ как общенаучный метод и поисковый метод.

Результаты и их обсуждение. В связи развитием синтезирующих подходов в науке важной в научно-культурном пространстве становится общегуманитарная теория «культурного трансфера», которая была разработана в 80-е годы французскими историками и литературоведами М.Эспанем и М. Вернером. Сейчас данный термин получил широкое распространение в таких областях научных знаний, как теория перевода, психология, история, лингвистика, банковское дело, туризм, экономика, образовательная среда, политика, менеджмент и т.д.

Специфика семантики термина особенно чётко проявляется при сопоставлении его со словом, не используемым как термин. В этом случае Н. З. Котелова выделяет три варианта такого соотношения: 1) тождество значения слова в терминологическом и нетерминологическом употреблении; 2) более широкое или, чаще узкое значение термина по сравнению со значением общеупотребительного слова; 3) терминологическое значение не принадлежит литературному языку [1, с. 105]. Термин трансфер по этой классификации относится ко второму типу, слово *транс-* обозначает движение через какое-то пространство, пересечение его. В данном случае – это движение из одного научного пространства в другие, а полностью трансфер в переводе с французского означает «переносить, переводить».

В качестве термина мы берем *культурный трансфер*, под которым понимается процесс переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами [3, с.5]. Проблема конвертируемости знаний между нами возникает в связи с синтезом знаний, их взаимопроникновением. Еще в середине прошлого века Э. Сепир писал следующее: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [2, с. 237–238].

Известно, что в составе терминологии выделяются различные разряды: в зависимости от степени терминологизации это *терминоиды, предтермины, квазитермины* (В.М.Лейчик), *прототермины, псевдотермины, терминологизмы* (С.Д. Шеллов, *авторские термины* (В.Д.Табонакова) и др. Анализируемый нами термин трансфер уже перешел из разряда предтерминов в состав терминов и теперь отражают определенное «научное мировоззрение», по О.С. Ахмановой, - формируют язык междисциплинарного познания.

Термин *трансфер* пришел в лингвистику из психологии, когда, еще в 1905 году, З.Фрейд описал явление, которое назвал *Ubertragung*, в переводе на английский и французский оно получило звучание – трансфер. Польско-американский лингвист У.Вайнрайх использовал его в своей работе «Языковые контакты» (1953). М.Эспань рассматривает русских ученых Веселовского, Г.Шпета, И.А.Бодуэта де Куртэне как проводников культурного трансфера [4]. Он анализирует случаи, когда немецкая интеллектуальная мысль проникала в Россию. К тому времени в Германии она почти потеряла свою значимость, а в России все более набирала популярность, в дальнейшем уже из России эти идеи реэкспортировались в Европу. Идеи трансфера оказались соответствующими духу времени: назрела необходимость создания интегративного направления, объединяющего методы и положения ряда междисциплинарных наук, затрагивающих проблемы человека и его сознания в языке, языка в человеке, культуре, обществе и им подобные.

Мы будем говорить о трансфере терминов, в понятийный аппарат лингвокультурологии. Дело в том, что интенсивный трансфер знаний между разными науками привел к пластичности терминологических единиц, которые взаимно трансформируются при интеракции.

Работы по проблеме трансфера появились в России недавно: **Культурные трансферы: проблемы кодов.** Коллект. моногр./ под ред. С.Г.Проскурина. Новосибирск, М., 2015; **Лингвистика и семиотика культурных трансферов. Методы, принципы, технологии.** М.: Культурная революция, 2016. – 500 с. и др. Понимание трансфера в них – это не простой перенос термина, здесь речь идет о циркуляции и преобразении культурных ценностей в результате их интерпретации в новых областях знаний, о поиске интегральных знаний. Поэтому трансфер позволяет говорить о разнонаправленном взаимодействии человека и его сознания, языков и культур, их инкрустациях, причем с непредсказуемыми результатами, когда может восстановиться утраченная цельность человеческой мысли и духа.

Если встать на позиции культурного трансфера, то статус лингвокультурологии существенно измениться, т.к. новый интегративный подход, реализованный трансфером знаний через важнейшие понятия, способен творчески синтезировать современные в разных областях науки о человеке, его языке и культуре и создать новую интегральную метапарадигму знания о языковой личности в культуре.

Заключение. Анализ данного термина показал, что трансферизация – один из наиболее продуктивных способов создания терминосистемы лингвокультурологии. В результате этого вытекает важная научная идея о целостной рефлексии, рождаемой интегрированным знанием о взаимодействии человека, его сознания, культуры и языка.

Список литературы

1. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в лингвистике). – Л., 1975.
2. Сепир Э. Язык. // В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. – Т.1. – М., 1964.
3. Фещенко В.В., Бочавер С.Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов. Методы, принципы, технологии. – М.: Культурная революция, 2016. – С.5–35.
4. Espagne M. Introduction // Transferts culturels et comparatisme en Russie. Slavica Occitania, 2010. –P. 30.

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ АПТЕК В ВИТЕБСКЕ И СМОЛЕНСКЕ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА «ЛЕЧЕНИЕ»

*А.М. Мезенко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Современное состояние изучения названий аптек пока может быть охарактеризовано как начальное, требующее к себе более пристального внимания ономастологов. Исследование названий аптек отдельных территорий, отражающих современные номинативные и языковые тенденции, имеет важное значение для выявления номинативных параллелей, языковых особенностей и общих закономерностей.

Актуальность такого исследования объясняется тем, что как в белорусской, так и в русской ономастике названия аптек до сих пор не были самостоятельным предметом исследования. Изучение их особенностей только на уровне одного языка позволяет удовлетворительно описать конкретный ономастикон, но не позволяет установить законы ономастических систем. Выход за рамки одной языковой системы дает возможность увидеть в языковых формах единство и своеобразие ономастического мышления социума и его конкретно-языковое выражение.

Цель исследования состоит в установлении групп названий семантической зоны «лечение» и специфики их использования в сопоставляемых ономастиконах Витебска и Смоленска.

Материал и методы. Материалом для работы послужили данные интернет-справочников: Адреса и телефоны аптек Витебска: gorodvitebsk.by/katalog/apteki и Аптеки в Смоленске, адреса и телефоны: orenvis.ru>smolensk/beauty-health/apteki. Используются дескриптивный, сопоставительный, ареальный методы, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Аптека – это учреждение здравоохранения, деятельность которого связана с оказанием фармацевтической помощи населению, имеющей своей целью в первую очередь определение наиболее эффективного, безопасного и экономически оправданного курса лечения. Неслучайно поэтому очень популярны их названия, в состав которых входит корень «лек-/леч-».

В целом семантические группы этой лексики, участвующие в образовании наименований аптек, могут быть разделены на три зоны – «система», «лечение» и «здоровье».

Зона «лечение» включает 5 семантических групп: «специалисты», «имена», «лекарства», «травы», «эффект» (см. Таблицу 1).

Таблица 1 Семантические группы названий аптек, входящих в зону «лечение»

№ п/п	Семантическая группа	Витебск	Смоленск
1.	«специалисты»	<i>Доктор Время</i>	<i>Аптекарь, Знахарь, Лекарь, Чудо-лекарь</i>

2.	«имена»	<i>Аптека № 5 Алена, Айболит</i>	<i>Авиценна, Аптека Фарм Анна, Айболит, Теремок, Медея-Фарм</i>
3.	«лекарства»	<i>Добрыя леки, Тэрралек</i>	
4.	«травы»	<i>Зялёная крама, Зелёный лист, Зелёная лавка, Рамонак, Эдельвейс Фарм, Натур-Продукт</i>	<i>Ромашка, Панацея Крокус, Фауна</i>
5.	«эффект»	<i>36,6</i>	

Семантическая группа «специалисты» состоит из единиц, содержащих в своем составе названия специалистов в области лекарств, а также лекарей, применяющих травы, заговоры, массажирование, водолечение и другое в сочетании с различными ритуалами. Сопоставление единиц данной группы показывает, что в белорусском городе задействовано только одно название, проприальная часть которого представляет собой словосочетание, опорным компонентом которого является «специалист с высшим медицинским образованием, имеющий право заниматься лечебно-профилактической деятельностью», с метафорическим созначением «время лечит». Наименования же смоленских учреждений здравоохранения фиксируют информацию о том, что смоляне в вопросах улучшения состояния доверяют не только специалистам в области лекарств, но и людям, связанным с медициной лишь частично.

Семантическую группу «имена» формируют названия, содержащие имена владельцев торговых сетей аптек, выдающихся врачей, персонажей литературных произведений, имевших отношение к медицине. Сопоставляя витебские и смоленские названия, следует подчеркнуть, что у смолян задействован более широкий спектр онимов.

Что касается третьей семантической группы, то из двух сопоставляемых городов она репрезентирована только в Витебске небольшим числом названий. Отсутствующие в смоленском ономастиконе наименования аптек этой группы находим в других русских городах, в частности в Астрахани (ср.: *Аспирин, Таблетка* [1, с. 371]).

Единицы, использующие названия растений с лечебными свойствами, востребованы как в белорусском, так и российском городе. При этом если смоляне из всего многообразия трав и шире растений по лечебным свойствам выделяют панацею, ромашку и крокус, то витебляне – травы и растения вообще (ср.: *Зялёная крама, Зелёный лист, Зелёная лавка*), почему-то эдельвейс и также ромашку.

Еще одна семантическая группа «эффект», широко представленная в российских городах, только начинает формироваться в сопоставляемых ономастиконах. В настоящее время зарегистрировано только одно название в Витебске (*аптека 36,6*).

Заключение. Анализ наименований аптек в Витебске и Смоленске свидетельствует, что выявленные семантические группы – «специалисты», «имена», «лекарства», «травы», «эффект» – не выходят за пределы семантической зоны «лечение». Из общих для названий аптек двух городов черт обращает внимание низкий процент использования латинских и греческих слов и морфем, характерных для медицинской лексики в целом. Наоборот, предпочтительное по отношению к другим семантическим группам обращение к единицам, связанным с наименованиями трав и растений.

Среди отличий отметим отсутствие в смоленском ономастиконе названий аптек, которые бы включали наименования препаратов и видов предлагаемых лекарств; и преобладание в витебском ономастиконе единиц, включающих наименования трав и растений, что неслучайно: мир трав и растений разносторонне отражается в сознании белорусов, сказывается на всей их жизни, в мифологическом творчестве и магически-ритуальной деятельности.

Список литературы

1. Томасик С. Мотивационные аспекты в названиях аптек городов Астрахани и Быдгоща // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13-15 сентября 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. – С.370–373.

ЦЕННОСТЬ РОДИНА В ТВОРЧЕСТВЕ ВИТЕБСКИХ ПОЭТОВ

Е.Ю. Муратова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Ценность *Родина* представляет собой одну из важнейших культурных, ментальных, языковых пространственных констант национальной картины мира. Как этическая категория родина регулирует отношение человека к месту рождения и проживания, родителям и детям, предкам и потомкам, государству и народу. Родина занимает важное место в мировоззрении человека, представляя собой безусловную жизненную ценность. Являясь ментальным образованием, понятие *Родина* включает в себя как аксиологическую оценку, так и эмоциональную, проявляющуюся в форме радости, гордости, благодарности или разочарования и т.д. Человек соотносит себя с родиной, пытается выстроить отношения с ней, в результате получая набор некоторых эмоций, ценностный и значимостный компоненты. Семантически близки к словам *Родина* и *Отечество* слова *Страна* и *Государство*, но это не синонимы.

Цель исследования – выявление образа Родины как духовной ценности в творчестве витебских поэтов.

Материал и методы. Материалом исследования послужили стихи витебских поэтов Л. Матюхина, А. Бесперстых, Д. Симановича, Б. Бележенко, М. Боборико. При анализе материала использовались основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации. Методологическое значение также имеет «композиция научного задания» (термин М. Бахтина), необходимая для объединения рассматриваемых поэтических текстов единой интерпретационной основой.

Результаты и их обсуждение. Как писал Н. Бердяев, «Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин... Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» [1, 107]. Любовь к родине означает любовь ко всему, что связано с ней: к природе, родным людям, родному дому. Красота родины, как отражается это в содержании текстов поэтов Витебска, – это в первую очередь красота родной природы. Любовь к родине на подсознательном уровне восходит к образу своей земли: к ее восходам и закатам, к ее горизонтам и дорогам, к ее рекам и песням, к ее безбрежным долинам и горным цепям, к ее древним городам и тихим деревням, к запахам ее лесов и полей:

*Сказ берез. / Дубов былины. / Рожь. / Над рожью – провода. / Дух смолы. / и куст малины.
/ И тропинка в никуда / В кружевах твое окошко. / Весь в делах пчелиный рой. / Песен полное
лушко / в роще сказок -- / за горой... / Так любим! / Так знакомо! / Так надежно: Беларусь!
/... А вдали раскаты грома -- / только я их не боюсь! (Л. Матюхин).*

*Всем хорошим, / Что есть во мне, – / Я обязан певучей весне, / И серебряным летним
дождям, / И пахучим осенним грибам, / И искристой снегов белизне, / И звенящей ночной
тишине, / Птичьим крикам в саду по утрам / Да рябин негасимым кострам. / Всем хорошим, /
Что есть во мне, – / Я обязан родной стороне (А. Бесперстых).*

*Карнавал огоньков над рекою, / ранних паводков дрожь по Двине, / и девчонка машет
рукою / Не на этой – на той стороне! (Л. Матюхин).*

А вот наш родной Витебск, как его описывает известный витебский поэт Давид Симанович:

*По Витебску осеннему брожу, / Двину перехожу, как бы между, что на две части город
разделяла... / Весь город будто устремлен в зенит.*

*Высотная гостиница глядит / на мир многоокоными глазами. / А камни прошлого
покрыла мгла, / где церковь Благовещенья была. / А мы не сберегли столетий память.*

Родина – это народные, из глубины веков идущие традиции, национальная культура быта, это специфика труда, этнографические особенности народа – все, что «впитывается с молоком матери», что воспринимается на подсознательном уровне, а потом остается на всю жизнь и опять передается новым поколениям. Реалии белорусского быта, специфика труда белорусского народа, еда, одежда, праздники – все, хотя в разной степени, находит отражение в стихах витебских поэтов:

Бабушка белила на лугу холсты. / В бочки наносила из ручья воды... (Б. Бележенко).

На примусе разбулькалаь картошка, / Под серой пеной доживая срок. / А примус пел, как самолетик-крошка, / Пытаясь улететь под потолок (М. Боборико).

Сито растревоженного неба / Сеет мелкий дождик без причин. / Поле кажется горбушкой хлеба, / Только вынутого из печи... (М. Боборико).

В исторической памяти любого народа хранятся не только картины природы, народного быта и обихода, но и образы великих исторических событий и созданной народом культуры: его искусства, философии, мудрости и веры. История и культура Беларуси и, в частности, Витебска проявляется в поэзии Витебщины (помимо многого другого) через собственные имена ее великих деятелей, оставивших свой след не только в истории Беларуси, но и во всем мире: гениальный художник Марк Шагал, музыковед, театральный и музыкальный критик Иван Солллертинский, Янка Купала, Якуб Колас и т.д.:

Брыля добрые советы / Или строгий приговор. / Там, за полувеком где-то / Мележ пишет новый твор... / Мудро через стекла окон / Смотрит коласовский век (М. Боборико).

Дышим воздухом Купалы, / Слышим клетот родниковый... / Смотрит с берега Купала, / Слово отворяет двери / В мир, где от недоли к счастью / Перекинуты мосты (Б. Боборико).

Домик Шагала – / небесное семя – / время шатало, как землетрясенье. / Не расшатало / силой бесовской / домик Шагала / на старой Покровской (Д. Симанович).

Сам М. Шагал позже писал: «Я всегда помню о Витебске и очень люблю его: у меня нет ни одной картины, на которой Вы не увидите фрагменты моей Покровской улицы» [2, с. 656].

Ценность *Родина* представляет собой одну из важнейших культурных, ментальных, языковых пространственных констант национальной картины мира. Семантически близки к словам *Родина* и *Отечество* слова *Страна* и *Государство*, но это не синонимы.

Основные реализации понятия «Родина» свидетельствуют о существовании пяти признаков исследуемого ментального образования: любовь к родине, красота родины, преданность родине, защита родины, деятельность на благо родины.

Заключение. В творчестве витебских поэтов отображены все составляющие понятия *Родина*: ее культура, картины природы, народные традиции, этнографические особенности, «малая Родина», имена великих деятелей Витебщины, образы исторических событий.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Национальность и человечество / Н.А. Бердяев // Судьба России. Кризис искусства. – М., 2004. – С. 101–109.
2. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. – М.: Вагриус, 2006.

МАСТАЦКІ ПСІХАЛАГІЗМ У РАМАНЕ ВІКТАРА КАЗЬКО

*Г.В. Навасельцава
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

Як вядома, дамінантная эстэтычная прыкмета твора абумоўлівае яго прыналежнасць да пэўнай жанравай разнавіднасці. У прыватнасці, псіхалагічны раман раскрывае характары персанажаў, а сюжэт падначалены таму, каб даць мажлівасць героям выявіць свой адметны ўнутраны свет. Паглыблена ілюструе партрэтныя характарыстыкі Віктар Казько, што абумоўлівае мэту даследавання: раскрыць мастацкі псіхалагізм у творчасці пісьменніка на прыкладзе раманаў «Неруш», «Бунт незапатрабаванага праху».

Матэрыял і метады. Для вывучэння раманаў «Неруш», «Бунт незапатрабаванага праху» выкарыстаны культурна-гістарычны, структурна-тыпалагічны метады з элементамі кампаратыўнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. У рамане «Неруш» (1981) пісьменнік звяртаецца да актуальнай у 80-ыя гады мінулага стагоддзя экалагічнай тэмы – увасабляе Палессе, яго непаўторную прыроду, знітаванага з прыродай адметнага чалавека – палешука, які заўсёды вызначаўся сваім характарам. Віктар Казько малое мастацкі патрэт палешука як негаваркога ціхмянага чалавека, чым працягвае літаратурную традыцыю Івана Мележа. Пісьменнік стварае псіхалагічна пераканаўчыя партрэты герояў, праз унутраныя маналогі раскрывае матывацыю той ці іншай асобы. Улюбёны ў палескія балоты стары Махахей, шчыры і сумленны працаўнік, які ўсё жыццё вызнае народную філасофію: усё жывое на зямлі – радня чалавеку. Праз яго ўспрыманне свету пісьменнік асэнсоўвае мелярацыю не толькі як знішчальную прыродную з’яву, але і як пачатак знішчэння чалавекам самога сябе. Так, асушэнне балот у ваколіцах

палескай вёскі Княжбор мае трагічныя наступствы, якія не адразу ўсведамляюцца героямі рамана. Адным з першых сутыкаецца з гэтым Махахей, калі ён, заўзяты палескі рыбак, не можа паймаць у адзіным ацалелым каля вёскі возеры ніводнай рыбіны. Пазней герой убачыць, як людзі, намагаючыся здабыць як болей, губляюць чалавечае аблічча: «І людзі былі ўжо распалены сутаргавай безразважнасцю пагоні, палявання, бы пугамі, сцябалі ваду, і ляшчоў, і сябе, азарт свой. <...> А тыя, у каго рукі задубелі ўжо зусім і не здольныя былі ўхапіць і ўтрымаць жывое і слізкае цела рыбіны, здабывалі гэтую рыбіну зубамі. Зубамі працаваў здаравіла, каля якога спыніўся Махахей, малады хлопец з рукамі каваля ці механізатара <...> І хлопец толькі падцягваў да пелькі ляшча, падцягваў, шчэрыў зубы, падаў перад ім на колэнцы і, баючыся, што не ўтрымае рыбы, дапамагаў сабе зубамі» [1, с. 260]. Як далей пераканаўча паказвае пісьменнік, для тых, хто не беражэ жывое, вартасці пазбаўляецца і чалавечае жыццё.

Імкнецца вызначыць маральныя прыярытэты, разабрацца ва ўласным жыцці і Мацвей Роўда, паляшук, карані якога ў той жа вёсцы Княжбор, а цяпер прадстаўнік улады, што праводзіць меліярацыю. Пісьменнік акцэнтуюе сваю ўвагу на гэтым вобразе, паслядоўна прасочвае яго ўзаемадзеянне з іншымі героямі. Мацвей адчувае маральны ўплыў свайго дзеда Дзям'яна, палешука, які ваяваў у грамадзянскую і Першую сусветную войны, партызанію ў Вялікую Айчынную, мудрага і спагадлівага чалавека. Дзед Дзям'ян выхоўваў унука, які рана застаўся без бацькоў, перадаў яму чуйнае стаўленне да акаляючага свету. Разам з тым Мацвей перакананы, што павінен палепшыць жыццё аднавяскоўцаў, і гэта не мажліва зрабіць без тэхнічных пераўтварэнняў, у ліку якіх – меліярацыйная работа. Гэтаму вучыць старэйшы таварыш і ў нейкай меры жыццёвы настаўнік Роўды – Шахрай, які зневажальна адносіцца да прыроднага асяроддзя палескіх балот, ставіцца да зямлі найперш як крыніцы матэрыяльнага ўзбагачэння. Узаемастанкі галоўнага героя з гэтымі палярнымі вобразамі прадвызначаюць дваіснасць яго светапогляду, што абумоўлівае ўнутраны канфлікт і драматызацыю раманага дзеяння.

У рамане «Бунт незапатрабаванага праху» (2001) Віктара Казько ў значнай меры працягвае традыцыю псіхалагічнай прозы, паказвае шматгранны малюнак савецкай і постсавецкай эпох, стварае партрэт галоўнага героя, за якім угадваецца вобраз цэлага пакалення. Лёс пакалення, якое нарадзілася ў Вялікую Айчынную вайну, жыло пры савецкім ладзе, а напрыканцы жыцця зведала яго разбурэнне, і выступае прадметам паглыбленага псіхалагічнага асэнсавання. Говар і яго знаёмыя паказваюцца пісьменнікам не без іроніі. Так, яны хадзілі па планеце толькі галопам, заўсёды ў першых шарэнгах і на пярэднім краі вялікай хіміі, энергетыкі, вугалю і руды. Гісторыю рабілі самі з дапамогаю пяцігодак, на якія і было размеркавана іх прыватнае і грамадскае жыццё. Пасля палёту Гагарына планета і ўвогуле сусвет у разуменні тыповага чалавека-працаўніка пачалі імкліва зважвацца: «Космас быў побач. Космас можна было паляпаць па плячы, памацаць іхнімі не вельмі чыстымі рукамі, знявечанымі драпінамі і маразам. Памацаць, а калі нехта не даглядзіць, штосьці і адламаць, адрэзаць, адкусіць, як пайку казённага хлеба» [2, с. 33]. Асваенне космасу асэнсоўваецца ў творы як варыянт мажлівай будучыні чалавецтва, тыповыя прадстаўнікі якога не задумваюцца над сваёй сучаснасцю і не памятаюць мінулага. Невыпадкова сам Говар лічыць сябе сапраўдным монстрам, пачварай дваццатага стагоддзя, што ўмудрыўся без каранёў з'явіцца на зямлі і нідзе не ўкараніцца.

Разам з тым герой чуйна прыслухоўваецца да акаляючага свету і людзей. А пасля трыццаці трох гадоў, што выступае па-хрысціянску сімвалічнай датай, ён пераасэнсоўвае ранейшае жыццё, усвядомлена вядзе пошук сваіх каранёў. У прыватнасці, Говар даведваецца, што з'яўляецца не родным, а прыёмным сынам у сваіх бацькоў. Да яго мінулага прычынілася Вялікая Айчынная вайна ў большай меры, чым думалася раней: з-за трагічных абставін памірае родная маці, а хлопчыка выпадкова ратуе партызан, які ўцякае ад паліцаяў. Пакінула свой след і сацыяльная неўпарадкаванасць пасляваеннага часу: роднага бацьку, які ледзь паспеў пабачыць сына, арыштоўваюць і адпраўляюць у сібірскі лагер, дзе ён праз нейкі час памірае. Знакава, што Германн Говар у час усесаюзнай камсамольскай ударнай будоўлі ўзводзіць у той сібірскай мясцовасці гігант айчыннай індустрыі. Мажліва, што ён жыў у тым самым бараку, дзе памёр бацька, наведваў могількі, дзе той пахаваны, але тады яшчэ не ведаў пра гэта.

Вобраз вялізных могілак Сіблага раскрываецца ў творы на ідэйным узроўні. Пісьменнік такім чынам мэтаскіравана выяўляе пратэст: маладыя людзі, якія працуюць на будоўлі, не любяць глядзець у вочы сваёй будучыні, адмаўляюць мінулае, жывуць толькі сённяшнім і тое па прымаўцы «жыць – як набяжыць». Могількі Сіблага асацыятыўна супастаўляюцца з

Чарнобыльскай катастрофай, наступствы якой закрунулі і малую радзіму галоўнага героя: яна стала, паводле слоў самога аўтара, зонай адчужэння, чорнай зонай, зонай за калючым дротам, дзе пануе цішыня, нібы на могілках апоўначы. Могілкі выступаюць паказальным вымяральнікам маральна-этычных прынцыпаў грамадства і чалавека, што раскрывае Віктар Казько праз апісанне вясковага пахавання. Былога паліцая, які ў вайну служыў немцам, хаваюць па-за могілкамі, за іх агароджаю. У гэтым пераконвае аднавяскоўцаў Сцяпан Говар, прыёмны бацька галоўнага героя, які кажа, што людзі павінны быць з людзьмі. Сцяпан папрарочы прадказвае будучую Чарнобыльскую трагедыю, калі гаворыць, што чалавеку суджана баяцца роднай зямлі, «баяцца ягады і яблыка, ліста лазовага і ігліцы...» [2, с. 81]. Але самае страшнае ў прадказанні тое, што чалавек будзе сцерагчыся чалавека. Такім чынам тэхнагенная катастрофа атаясамліваецца з трагедыяй бездухоўнасці, што адмаўляе эвалюцыю чалавека ў цэлым, таму што без маральных каштоўнасцяў не можа існаваць і матэрыяльных.

Віктар Казько спалучае ў адзінае цэлае часавыя пласты мінулага, сучаснага і будучага, што належыць не толькі Говару, але і ўсяму чалавецтву дзякуючы паскоранаму тэхнічнаму прагрэсу і асванню касмічнай прасторы. Захаваць у гэтых умовах чалавечае аблічча нашаму сучасніку мажліва толькі праз радаводную традыцыю, памяць пра тых, хто жыў на роднай зямлі раней. Нягледзячы на ўсе намаганні герояў жыць сучасным, яны ўсё ж не могуць пазбегнуць зваротаў да мінулага. Невыпадкова ўжо ў сталым узросце Говар разам з Надзеяй вяртаецца да сялянскай працы, успамінае спадчыннае ганчарнае рамяство, а фінал рамана набывае сімвалічнае гучанне: «На старажытнай слынным зямлі Турава-Пінскага княства ўжо ўбіралася ў сілу трэцяе тысячагоддзе ад Нараджэння Хрыстова. Была Вербная нядзеля, а праз тыдзень – Вялікдзень» [2, с. 287].

Заклучэнне. Письменнік, такім чынам, пераканаўча даводзіць, што далейшае жыццё не мажлівае без духоўнага адраджэння чалавека. У цэлым Віктар Казько адлюстроўвае не столькі падзеі, колькі характар галоўнага героя, тыповага прадстаўніка сваёй эпохі, паказвае актуальныя праблемы часу праз рэцэпцыю ўнутранага свету асобы, што дазваляе вызначыць творы «Неруш», «Бунт незапатрабаванага праху» як псіхалагічныя раманы, створаныя ў рэчышчы класічнай традыцыі беларускай прозы.

Спіс літаратуры

1. Казько, В. Выбраныя творы : у 2 т. / В. Казько. – Мінск : Маст. літ., 1990. – Т. 1. Неруш : раман, апавяданні. – 479 с.
2. Казько, В.А. Бунт незапатрабаванага праху : раман / В.А. Казько. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 287 с.

АДЦЯГНЕННЫЯ НАЗОЎНІКІ З ФАРМАНТАМ -АСЦЬ / -ОСЦЬ У КІТАБЕ XIX ст.

*В.І. Несцяровіч
Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава*

У шматлікіх тэкстах, з якіх сфарміраваны Кітаб А. Хасяневіча (1832), адцягненая / абстрактная лексіка перадае змест самых значных паняццяў у духоўнай, інтэлектуальнай і эмацыянальнай абласцях. Да цяперашняга часу гэтая лексіка яшчэ не ахопленая і не асэнсаваная як адзіны пласт не толькі з пазіцыі філасофіі і светаўспрымання вернікамі маральна-этычных нормаў ісламу, але і з філалагічнай: пакуль не створаны рэестр абстрактных лексем кітаба, не выяўлены асноўныя тэматычныя разрады, іх колькаснае напаўненне, семантычнае развіццё адцягненай лексікі ў гістарычнай перспектыве ды інш. Паколькі ў рамках аднаго артыкула няма магчымасці абмеркаваць усе пытанні, то тут будуць разгледжаны толькі некаторыя з іх у лінгвістычным, дакладней, у семасіялагічным аспекце. Зусім не выклікае сумнення той факт, што адцягненая лексіка ў кітабе – выразны лінгвістычны паказчык гэтага жанру арабскаграфічнага пісьменства і надзейны сродак, які можа быць прыняты пад увагу пры вырашэнні многіх праблем беларусістыкі.

Мэтай даследавання з'яўляецца аналіз адцягненай лексікі з фармантам *-асць / -осць* у кітабе XIX ст., асаблівасцей яе гістарычнага функцыянавання і семантычнага развіцця.

Актуальнасць даследавання вызначаецца выкарыстаннем вывадаў, якія прыводзяцца ў публікацыі, пры вырашэнні праблемы пераемнасці ў беларускай мове, выяўленні руху слоўнікавага складу беларускай мовы і лексічнай адметнасці арабскаграфічнага рукапісу XIX ст.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужыў Кітаб А. Хасяневіча (1832). Для аналізу лексікі з адцягненым значэннем выкарыстоўваліся метады словаўтваральнага і лексікаграфічнага апісання, дыстрыбутыўны і статыстычны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. У манускрыпце выяўлены 82 лексемы з суфіксам *-асць / -осць*. Яны складаюць каля 15% ва ўсёй колькасці абстрактных назоўнікаў, а сярод утвораных шляхам афіксацыі, займаюць 2-е месца пасля назоўнікаў з фармантам *-н-е (-нн-е, -нй-е)* (*пашанаванне, панаванне, стараніе*).

Усе словы на *-асць / -осць* утвораны ад прыметнікаў: *васолосц* ‘весьлялоць’, *великасц* 1. ‘магутнасць’; 2. ‘велічыня’; 3. ‘даўжыня’, *вернасц*, *высокасц* ‘вышыня’, *гарачасц* ‘гарачыня’, *гойнасц* ‘шчодрасць’, *добросц* 1. ‘дабрата’; 2. ‘добры ўчынак’, *запалчывасц*, *йаснасц* 1. ‘ясната, востры зрок’; 2. ‘святло’; 3. ‘светласць’, *павіннасц* 1. ‘абавязак’; 2. ‘рытуальны абавязак’, *пристойнасц*, *радасц* 1. ‘задавальненне, добры настрой’; 2. ‘райская радасць’, *удзачнасц* ‘удзачнасць’, *шчодрасц*). Часцей яны афармляюцца з суфіксам *-асць* (графічны варыянт – *-есць*) і радзей – з *-осць*, а невялікая частка назоўнікаў запісваецца то з адным суфіксам, то з другім, аднак суадносіны ў іх ужыванні застаюцца тымі самымі. Напісанні з суфіксам *-осць*, напр. *вмейентносц* ‘умеласць’, *зуфалосц* ‘смеласць’, *лакомосц* ‘прагнасць’, *литосц* ‘літасць, міласць’, *мондросц* ‘мудрасць’, сустракаюцца, як правіла, у кантэкстах, якія адчулі польскі ўплыў або яны з’яўляюцца польскімі па паходжанні.

Усе назоўнікі з адцягненым значэннем на *-асць / -осць* у манускрыпце абазначаюць адцягненую якасць, уласцівасць або стан. Імі называюцца:

якасці, уласцівыя Богу, – *великасц* 1. ‘веліч, вялікасць’; 2. ‘моц, магутнасць’, *милосц* 1. любоў, вялікадушнасць; 2. ‘ласка’; 3. ‘міласэрнасць’, *добросц* ‘дабрата’, напр.: *и боже високи йа хелоп той ‘у грешнайе мора ‘утанув ти мене великасцей и добрасцей виправац из грехов* (36618-20) [О, Божа высокі, я раб той, які ў грэшным моры патануў, ты мяне магутнасцю і дабратай сваёй вызвалі ад грахоў];

станоўчыя маральна-этычныя якасці, якія ўхваляюцца і якімі павінны валодаць вернікі, – *абачносц* ‘спагада’ *вернасц*, *мондросц*, *паважнасц* ‘павага’, *правдзивасц / правдзивосц*, *пристойнасц*, *справедливосц / справедливесц*, *стидливосц* ‘сорам’, *удзачнасц*, *цярпывасц / цярпывосц*;

адмоўныя якасці, якія, наадварот, асуджаюцца ісламскай верай, – *аплоиннасц* ‘памылка’, *гардасц* ‘пыха, фанабэрыя’, *заздросц / зайздросц*, *запалчывасц*, *злосц*, *лакомосц*, *невернасц* 1. ‘непрыняцце веры ў адзінага Бога (Алаха)’; 2. ‘бязбожніцтва’, *невмейентнасц / неумейентносц* ‘недасведчанасць, неадукаванасць’, *пажадливосц* ‘прагнасць’, *схвапывосц* ‘паспешлінасць’, *скупасц*, *хитросц*, *цёмнасц / цёмносц* 1. ‘цёмната, адсутнасць святла’; 2. ‘неадукаванасць’;

якасць-стан чалавека – *васолосц*, *горкасц*, *жалосц*, *нездоровасц*, *прикрасц* ‘непрыемнасць’, *радасц*, *труднасц / трудносц* 1. ‘цяжкія жыццёвыя і матэрыяльныя абставіны’; 2. ‘перашкода’, *чутасц* ‘здольнасць чуць, успрымаць гукі’;

якасці-велічыні – *великасц* ‘велічыня’, *высокасц* ‘вышыня’, *глубокасц* ‘глыбіня’, *грубасц* ‘таўшчыня’, *широкасц* ‘шырыня’.

Назвы на *-асць / -осць* перадаюць таксама колеравыя адценні (*светласц* ‘святло’, *йасносц* ‘святло’, ‘светласць’, *цёмнасц* ‘цёмната, адсутнасць святла’), агульную назву разнастайных абавязкаў (*павіннасц*), узроставыя якасці чалавека (*молодосц*, *старасц*), назву знешнасці (Бога) (*абличнасц* ‘воблік’), ахайнасць (*чистасц / чистосц*), якасць-стан прыроды (*зимнасц* ‘холад’) ды інш.

Разгледжаны разрад адцягненых назоўнікаў у напрамку да нашага часу перажыў дастаткова прыкметныя змены. У слоўніку сучаснай літаратурнай мовы з выяўленай у кітабе абстрактнай лексікі з суфіксам *-асць / -осць* замацавалася крыху больш за палову лексічных адзінак. Яшчэ невялікая колькасць слоў з гэтага разраду адзначаецца ў дыялектных крыніцах XX–XXI стст. У агульным колькасным выражэнні захаваная лексіка складае каля 70%.

Не замацаваліся словы, якія паходзяць з польскай мовы: *вентосц* ‘кволасць’, *свентаблывесц* ‘набожнасць’, *беглосц* ‘умельства’, *векойистасц* ‘вечнасць’, *вентпывосц* ‘сумненне’, *зверхнасц* ‘улада, панаванне’, *умейентносц* ‘уменне, веданне’ ды інш., а таксама тыя, якія ўтвараліся на беларускай моўнай глебе, але не выйшлі за рамкі дыялектнага бытавання (*абачносц* ‘спагада’, *абмилносц* ‘памылка’ ды інш.).

У некаторых словах страціліся асобныя значэнні. Напр., лексема *належнасц* у кітабе ўжываецца з двума значэннямі, адно з якіх адцягненае – ‘абавязак’: *два реке’ети.. суннет то належнасц* (82а9) [Два ракааты – сунна, гэта значыць абавязак]. Але якраз з гэтым значэннем яна і не фіксуецца зараз, а толькі са значэннем ‘прыналежнасць’.

Увогуле назоўнікі з фармантам *-асць / -осць* у некаторых семантычных групах адчулі ўплыў з боку аналагічных аднакаранёвых назоўнікаў з іншымі фармантамі, асабліва з фармантамі *-ін-я / -ын-я, -ат-а, -ств-а*, што і прывяло або да поўнага іх выцяснення або да істотнага звужэння ў літаратурнай мове. Шэраг адцягненых назваў, якія абазначалі якасці-велічыні (*великасць, високасць, глыбокасць, грубасць, шырокасць*), выцесніліся больш распаўсюджанымі назвамі з больш прадуктыўным фармантам (*велічыня, вышыня, глыбіня, таўшчыня, шырыня*). Параўн. таксама: *чистасць / чистосць* і *чыстата, чысціня; гарачасць* і *гарачыня; добрасць* і *дабрата, дабрыня*. Адною з прычын такой замены магло быць узмацненне ў беларускай мове назоўнікаў з “народнымі” фармантамі, якімі і былі *-ін-я / -ын-я, -ат-а* ў процілегласць кніжнаму *-асць / -осць*.

Заклучэнне. Большая частка адцягненай лексікі (каля 70%) з фармантам *-асць / -осць*, выяўленай у кітабе XIX ст., замацавалася ў слоўніку галоўным чынам сучаснай беларускай літаратурнай і часткова – народна-дыялектнай мовы.

Рух слоўнікавага складу адцягненых назваў на момант стварэння кітаба быў абумоўлены найперш пранікненнем дастаткова вялікай групы паланізмаў і ў меншай ступені выкарыстаннем беларускіх новаўтварэнняў.

Змяненне слоўнікавага складу ў напрамку да нашых дзён звязана як са стратай польскіх запазычанняў і вузкадыялектных лексем, так і са зменамі ў структуры семантыкі адцягненых назоўнікаў, у прыватнасці з архаізацыяй аднаго ці некалькіх значэнняў мнагазначнага слова.

Разрад адцягненых назоўнікаў з фармантам *-асць / -осць* скараціўся пад уплывам аналагічнай (аднакаранёвай) лексікі з іншымі, больш прадуктыўнымі фармантамі.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ТЕНДЕНЦИИ ДВИЖЕНИЯ К АНАЛИТИЗМУ В РУССКОЙ УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

*Л.П. Новикова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Изучение норм в отдельных разновидностях и подсистемах литературного языка, соотношения в речевой практике узуса и кодифицированной нормы остается перспективным в современной русистике. К числу важнейших, но малоисследованных в Беларуси относится проблема нормативности русской устной публичной речи, занимающей важнейшее место в современном коммуникативном пространстве и являющейся в настоящее время нормообразующей основой литературного языка.

Как подчеркивает О.А. Лаптева, «кодифицированная норма находится в условиях устной речи в колебательном состоянии», что и является основой языковой эволюции [1, 58]. При распространении в устной публичной речи образованных слоев общества нормативные нарушения, в большинстве случаев не влияя на адекватное восприятие смысла, ведут к складыванию определенных тенденций, расшатывающих действующую систему кодифицированных норм, а также служат образцом речевого выражения для всего народа.

Цель нашего исследования – выявление языковых тенденций в русской устной публичной речи жителей г. Витебска.

Материал и методы. Материалом исследования послужили сделанные нами записи фрагментов интервью жителей г. Витебска с высшим образованием в региональных выпусках новостей (телеканалы «Скиф», «Беларусь-1», «Беларусь 2») и на различных собраниях, конференциях и заседаниях. В целом в ходе исследования проанализированы фрагменты русской устной публичной речи 153 респондентов. Общий объем фактического материала составляет 14 109 знаменательных и служебных слов. Основными методами исследования являются метод анализа персонифицированных текстов, метод лингвистического описания, а также количественный метод.

Результаты и их обсуждение. Следует отметить, что в условиях фразы клитики (предлоги, союзы, частицы и т. д.) в случае семантической маркированности, возникающей при эмфатическом, контрастивном или сопоставительном выделении, могут получать ударение, что часто используется именно в публичной речи как риторический прием.

Просодическая сторона речи представлена в исследовании главным образом словесным ударением. В нашей транскрипции материала исследования служебные слова, характеризующиеся отчетливой ударностью, оформлены как отдельные фонетические слова. Как отмечает М.Л. Каленчук, звуковое оформление русских предлогов во многом обусловлено «их стремлением быть оформленными как самостоятельное фонетическое слово», что связано с тенденцией, отмечаемой в русском языке на современном этапе, – движение к аналитизму в морфологии [2, 230].

Приведем примеры ударных служебных слов, выявленные в процессе анализа материала: *обращаться за медицинской помощью* [ʌбрʌш: 'ац:ъ зă м'эд'ици́нскъй пómъш: 'йу] (главный врач, 12.01.12, «Скиф»), *сократилось на четыре тысячи триста человек* [с'ькрʌт'и́льс' нă чыты́р'ь т'ыш:ы тр'истъ ч'ъл'в'эк] (служащий в облисполкоме, 26.01.12, «Беларусь 1»), *составления акта о причинах залития* [с'ьст'вл'эн'ийь а́ктъ о: пр'ич'инъх з'л'ит'ийь] (главный инженер, 18.10.12, «Беларусь 2»), *по инициативе учреждения образования* [пo ин'ици'ит'ив'ь уч'р'ижд'эн'ийь ʌбр'эз'вл'ан'ийь] (начальник отдела призыва, 12.03.12, «Скиф»), *у двухсот девяноста граждан* [у́ двухсoт д'эв'ино́сть грăжд'эн] (служащий в налоговой службе, 21.03.12, Беларусь-1) и т.д. Как видно из представленных примеров, ударными могут становиться различные предлоги.

В целом служебные слова обладают регулярной ударностью у 87% респондентов, что обусловлено тенденцией движения к аналитизму, которую отмечают на морфологическом уровне исследователи русской устной публичной речи на территории России.

Заключение. Таким образом, русская устная публичная речь в близкородственной двуязычной среде г. Витебска характеризуется той же тенденцией, что и указанная речь в монолингвальном русскоязычном социуме: движение к аналитизму.

Список литературы

1. Лаптева, О. А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О. А. Лаптева. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 520 с.
2. Каленчук, М. Л. Особенности произношения русских предлогов / М. Л. Каленчук // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина: сб. ст. / под ред. Е. А. Земской, М. Л. Каленчук. – М., 2007. – С. 224–230.

ПРАБЛЕМА ГЕРОЯ НОВАГА ЧАСУ Ў БЕЛАРУСКАЙ ДРАМЕ КАНЦА 1940-х ГАДОЎ

В.Ф. Падстаўленка
Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава

На кожным этапе літаратурнага развіцця адбываецца пошук новых ідэйна-мастацкіх каардынат, і адну з цэнтральных пазіцый у гэтым працэсе займае стварэнне канцэпцыі “героя новага часу”. Сам канцэпт *героя* і паняцце *гераічнага*, захоўваючы канстантнасць, канкрэтна мадэліруюцца ў адпаведнасці з пэўнай эпохай ці агульназначнай для сусветнай супольнасці падзей. Прыкладам апошняй для беларускіх твораў ХХ стагоддзя сталі акалічнасці Вялікай Айчыннай вайны.

Мэта артыкула – на прыкладзе п’есы “Канстанцін Заслонаў” А. Маўзона выявіць ідэйна-мастацкую спецыфіку раскрыцця праблемы *героя новага часу* ў нацыянальнай драматургіі канца 1940-х гадоў.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання ў артыкуле з’яўляецца твор “Канстанцін Заслонаў” названага беларускага пісьменніка. Асноўнымі для навуковага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, структурна-тыпалагічнага і дэстрыптыўнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. У сістэме айчыннай драматургіі сярэдзіны 1940-х – пачатку 1950-х гадоў сярод розных жанравых мадыфікацый (сатырычная камедыя, лірычная камедыя, вытворчая п’еса і інш.) дамінуе гераічная драма. Дадзеная з’ява была дэтрмінавана неабходнасцю фактуальна ўзважанага падыходу да вышэйадзначаных падзей нядаўняй гісторыі з захаваннем іх выразнай ідэалагічнай маркіроўкі і апалагетычнага стаўлення да савецкай рэчаіснасці. Актуалізацыя гераічнай драмы акрэслілася і ў выніку ўласналітаратурных імператываў. Маючы свой папярэдні досвед практычнага партыкулярнага выяўлення і атрымаўшы глабальны факт для мастацкага асэнсавання, жанравая мадыфікацыя гераічнай драмы прагрэсіруе, прэзентуючы поліварыянтныя фармавыя мадэлі.

Згадаем, што дзейнасць Аршанскага падполля пад кіраўніцтвам К.С.Заслонава заслужана стала адным з самых папулярных аб'ектаў у творчым асяродку прыхільнікаў мастацкай герменеўтыкі ваенных падзей. Найлепшы вынік адпаведных гістарычных інтэрпрэтацый традыцыйна звязваюць з драмай А.Маўзона “Канстанцін Заслонаў”.

Як вядома, названая п'еса карысталася выключным прызнаннем сярод гледачоў і крытыкаў, больш таго, у 1948 годзе яна была адзначана Дзяржаўнай прэміяй СССР. Але, як паказвае практыка, высокі статус асобных узораў мастацтва не заўсёды пацвярджаецца ў храналагічна аддаленых ацэнках літаратуразнаўцаў. Таму ёсць відавочная неабходнасць у сучаснай навуковай рэцэпцыі дадзенай гераічнай драмы А.Маўзона.

Так, найперш варта адзначыць характэрнасць твора і вялікую ступень яго гістарычнай і мастацка-культурнай рэпрэзентатывнасці, што ў пэўнай ступені звязана з асобай аўтара, тыповага носьбіта тагачаснага генерацыйнага мыслення, з перыядам працы над п'есай і момантам яе з'яўленнем (1946–1947 гг.). З гэтага вынікае, што апісаная ў драме карціна падаюцца з мінімальным часавым дыстанцыраваннем (з усімі ідэйна-мастацкімі выдаткамі і перавагамі такой адметнасці).

Прадметам пісьменніцкай увагі ў драме сталі канцэптэуальныя пытанні *героя і антыгероя ў кардынальна зменлівы час, вытокі гераізму і патрыятызму ў асобе*. Заканамерна, што канфліктны базіс п'есы ўтварае процідзеянне варагуючых бакоў: фашыстаў, іх паслугачоў – аршанскіх падпольшчыкаў. Пры гэтым А.Маўзонам удала будуюцца рознаўзроўневы канфлікт. Калі першы яго ўзровень – *персанажна пазіцыянаваны* – канкрэтна візуалізуецца і “празрыста” акрэсліваецца на сцэне, то другі ўзровень – *ідэйна канцэптэуальны* – канчаткова раскрываецца ў падтэксце твора пасля аналітычнага ўзважвання рэплік персанажаў-апалагетаў жыцця ці смерці, носьбітаў сапраўдных гуманістычных альбо мізантрапічных светапоглядных перакананняў.

Напрыклад, жыццесцвярдзальную ідэю развіваюць у п'есе вобразы Заслонава, Аксаніча, Ані. Доказам таму могуць паслужыць словы Канстанціна Заслонава з маналога пра ўласны лёс: “*І перад ім новае, шырокае жыццё адкрылася. І палюбіў ён яго так, што кожны дзень прачынаўся разам з сонцам, каб больш бачыць. Засынаў позна ноччу, бо хацеў як мага больш уведаць*” [1, 613].

У драме супрацьлеглыя – дэструктыўныя – уяўленні ўласцівы для прадстаўнікоў нямецкай акупацыйнай улады, што паказальна дэманструюць словы маёра гестапа Нейгауза: “*У маім евангеллі першая заповедзь – забі кожнага рускага і тады...*” [1, 667]. Жахлівасць дадзенага скарэктаванага фашысцкай ідэалогіяй імператыву ўзмацняецца за кошт яго папярэдзальнага змрочна-іранічнага тону і свядомай (фактычна, сатанінскай) прафанацыі біблейскіх ісцін.

Увогуле, канцэпт *жыццё* раскрываецца ў драме амбівалентна. Развіваючы высокую рамантычную і звыштрагічную ідэю апалогіі жыцця ў абставінах перманентнай магчымасці смерці, аўтар вылучае два палярныя варыянты: *барацьба за жыццё дзеля сябе* (вобразы фашыстаў, здраднікаў Смалягі і Бураўчыка) і *барацьба за жыццё дзеля іншых* (вобразы Заслонава, падпольшчыкаў).

Асобны аспект даследавання ваеннай рэчаіснасці вымагаў ад драматурга стварэння сацыяльна і псіхалагічна пераканаўчых партрэтаў сучаснікаў, перадусім, К.Заслонава. У п'есе практыкуецца агульны прынцып монадзеяння, паслядоўнага падзейна акрэсленага вобразнага акцэнтавання. Пры напісанні гераічнай драмы такі падыход поўнасцю апраўданы па розных прычынах, сярод якіх і той факт, што Канстанцін Заслонаў – гэта значная канкрэтная асоба, якая спрычынілася да пазітыўнага вырашэння гістарычных драматычных канфліктаў, маштабных падзей грамадска-палітычнага кшталту (у дадзеным выпадку, ваенных супярэчнасцей).

Разважаючы далей пра мастацкі тыпаж вобраза Заслонава можна адзначыць, што ён таксама ўяўляе сабой трансфармаваны тып героя-адзіночкі з частковай часовай адрынутасцю ад свайго асяроддзя. Гэты момант таленавіта развіты ў п'есе ў магістральнай інтрызе пад умоўнай назвай “*свой сярод чужых – чужы сярод сваіх*”. Дэманстратыўныя ці ролявыя паводзіны Заслонава ствараюць звыштэатральную рэчаіснасць на сцэне, а цэнтральныя сюжэтныя калізіі ўспрымаюцца як адмысловая трагігульнёвая сітуацыя. Дынамічнасці сюжэтнага дзеяння ў п'есе спрыяюць як псіхалагічныя, так і дэтэктывныя мастацкія прыёмы.

Калі выкарыстаныя дэтэктывныя элементы (градацыя сюжэтнай напружанасці, падзейная выверанасць, адсутнасць сюжэтных выпадковасцей, адметныя дэталі- доказы і г.д.) падкрэсліваюць аўтарскую арыентацыю на адпаведную жанравую традыцыю, то праправы

мастацкага псіхалагізму адлюстроўваюць творчую інтэнцыю да жанрава-стылёвага эксперыментатарства.

У п'есе А.Маўзона разам з узмацненнем падзейнага драматызму прагрэсіруе і псіхалагізм характараў. А з улікам спецыфікі сцэнічных твораў з усёй размаітай сістэмы сродкаў мастацкага псіхалагізму асабліва значнасць надаецца розным формам апавядальнай (наратыўнай) структуры: непасрэдным і апасродкаваным дыялогам (напрыклад, “размова”-зварот Заслонава да забітага Аксаніча) і маналогам. Самыя цікавыя прыклады маналагічных наратываў ў аналізуемым творы таксама звязаны з вобразам Канстанціна Заслонава, што зноў жа заканамерна, бо маналог, з'яўляючыся структурнай прасторай аўтакамунікацыі, максімальна падкрэслівае крайні псіхічны стан персанажа.

Заклучэнне. Такім чынам, драматург творча пераадолеў біяграфізм прататыпнага матэрыялу, сінтэзаваў напружаны псіхалагізм падпольнай дзейнасці з сімволіка-легендарнымі элементамі, даказаў ідэю глыбокай маральнасці і народнай асновы патрыятызму і, у выніку, прэзентаваў на суд глядача арыгінальную мадыфікацыю гераічнай драмы.

Спіс літаратуры

1. Беларуская савецкая проза і драматургія / пад рэд. Я.Коласа і інш. – Мінск: Дзярж.выд-ва БССР, 1948. – 620 с.

ПЕРЕВОД ОБЩЕНАУЧНОЙ ЛЕКСИКИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ, ПЕРЕДАЧА КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ИЛИ НЕРЕШЕННАЯ ЗАДАЧА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

*Т.Н. Петрашко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В современном научном пространстве наблюдается тенденция интеграционного взаимодействия в различных сферах и областях фундаментальных и прикладных знаний. Английский язык играет в этом процессе первостепенную роль, так как негласно стал важнейшим коммуникативным инструментарием обмена данными, результатами различных исследований, а также проведения совместных научно-исследовательских и научно-технических мероприятий. При этом постоянно растущие требования к совершенствованию знаний иностранного языка являются для современного ученого понятными и неоспоримыми, перерастающими из веяний времени в личностно мотивированные потребности.

Цель – изучение особенностей перевода общенаучной терминологии и связанных с ней номинативных единиц с русского / белорусского языка на английский.

Материал и методы. Материалом проведенной нами исследовательской работы послужили словарные статьи, специальные тексты и глоссарии, представленные в различных учебных и учебно-методических изданиях, рекомендованных отдельными высшими учебными заведениями Беларуси и Российской Федерации. Нами также были использованы данные с официальных сайтов ведущих университетов указанных стран. В процессе работы были использованы такие общенаучные методы как сплошная выборка практического материала, его систематизация и сравнительно-сопоставительный анализ. Дополнительное качество результатов исследовательской работы обеспечило использование лингвистического метода лингвокультурологического дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение. Прежде чем представить результаты, полученные нами в процессе выполнения исследовательского задания, необходимо остановиться на вопросе определения объема анализируемых общенаучных терминов. Мы посчитали логичным обратиться к лексическим единицам (терминам, номинативным лексемам), активно используемыми в научных текстах различного тематического наполнения. Это, например, такие слова как диссертация, доктор наук, кандидат наук, реферат, статья, кандидатский экзамен и др., а также названия учреждений, обеспечивающих подготовку научных работников, специалистов в различных направлениях научной и научно-педагогической деятельности (университетов).

Собранный практический материал показывает, что для текстов различных учебников и учебных пособий, изданных для подготовки студентов второй ступени высшего образования

(магистрантов) и аспирантов к сдаче экзамена кандидатского минимума по английскому языку, характерна вариативность вербальной передачи с русского языка общенаучных терминов, не имеющих соответствующих эквивалентов в языке перевода. Так, само понятие кандидатского экзамена, понятное для любого специалиста высшей научной квалификации часто используя целый арсенал дополнительных научных пояснений: *qualifying examinations for the Candidate degree; qualifying exams for admission to postgraduate study; minimum requirements for a Candidate's degree* и т.д. С одной стороны, это вполне объяснимо, так как таким образом авторы перевода пытаются передать национальную специфику безэквивалентной языковой единицы. С другой стороны, представленные определения явно перегружают текст, запутывают адресата, а также совершенно не соответствуют лингвистическим нормам и принципам образования терминологических единиц в английском языке. Непонятным, в первую очередь, будет термин *Candidate*, так как услышав или прочитав его носитель языка задумается для какого кандидата этот экзамен: в президенты, депутаты? Конечно, эти переводы значительно лучше, нежели лаконичное, но абсолютно не понятное иностранцу *Candidate examinations*. На наш взгляд, большей нормативности отвечает простое *post-graduation examination* с указанием предмета или *Doktorexamination*.

Принимая точку зрения авторов приведенных примеров привычное нам понятие *кандидат наук* логично переводить дословно как *Candidate of Sciences*, тем самым отражая лингвокультурные реалии своей страны. Но этот прием корректнее, наверное, использовать при обучении русскому или белорусскому языку представителя западного общества, где даже *профессор* в языковом сознании чаще ассоциируют с работником медицинской отрасли, в отличие от *Ph.D (PhD)*, которое ясно будет отождествлять человека с такими регалиями как ученого.

Схожих примеров так называемого вольного перевода можно привести достаточно много, ведь даже в названиях учебных заведений, готовящих специалистов высшей научной квалификации, часто можно встретить использование дословных замен слов на иноязычные: *Brest State University named after A.S. Pushkin Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank*. Конечно, такие примера изначально не соответствуют принципам англоязычным принципам номинации, что подразумевает некую вариативную вольность. Однако среди отобранного материала нам встретились и вполне созвучные аутентичным языковым традициям вариации перевода: *Yanka Kupala State Universiyu of Grodno* и *Mogilev State A. Kuleshov University*.

Заключение. Переходя к заключению, следует уточнить, что наша позиция не навязывает мнение о безграмотности специалистов, тем более собственных коллег. Нам хотелось лишь указать на необходимость смены парадигмы в обучении овладению общенаучной лексики будущими учеными – представителями нашей страны. Несмотря на некоторые постулаты теории языковой вариантологии хорошим тоном остается владение номами «классического языка», в том числе и при переводе безэквивалентных лексических единиц или традиционных для белорусской лингвокультуры терминов, понятий, номинаций и т.д. Этот принцип должен быть заложен в прочный фундамент языковой подготовки научной элиты, которая уровнем владения родного и иностранного языков должна 1) не только достигать главного результата коммуникации – донесение смысла высказывания (в таком случае достаточным уровнем языковой компетенции можно признать и известное выражение «моя твоя не понимать»), но и 2) показывать действительно высокий статус и приоритет государственной политики в области подготовки специалистов-ученых различных отраслей.

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

*В.С. Полубок
Гродно, ГГМУ*

Белорусская национальная культура складывалась в тесном взаимодействии с культурами ближайших соседей: поляков, русских, жамойтов. Это обусловлено в первую очередь географическим положением самой Беларуси. С одной стороны большое воздействие оказывали страны римско-католического мира, с другой – православно-византийского. Тем не менее, славянское составляющее, образованное во время «великого переселения народов» из

Центральной Европы на юг и на восток в VI–VII вв., способствовало формированию белорусской народности, а также общей для всех восточнославянских племен культуры.

Цель нашего исследования – показать, как, находясь под определённым влиянием восточных и западных соседей, взаимодействуя с ними, формировалась своя, собственно белорусская культура, ставшая неотъемлемой частью всей европейской культуры.

Материал и методы. В процессе работы над статьёй был проведён сопоставительный анализ влияния польского, латинского и русского языков на формирование и развитие белорусского языка, определены элементы западных и восточных традиций в фольклорных традициях белорусов. При изучении учебно-методической, научной, научно-популярной литературы для реализации поставленной цели были использованы следующие методы: теоретический анализ литературы, сопоставительный анализ, обобщение и систематизация.

Результаты и их обсуждение. Во время совместного существования в составе Киевской Руси (IX–первая треть XIII в.) формировалась материальная и духовная культура, творения которой в одинаковой степени принадлежат духовному наследию русского, белорусского, украинского народов. Принятие христианства ускорило развитие культурного процесса на Беларуси. В период существования Великого Княжества Литовского активно формируется собственный тип белорусской культуры, что нашло своё отражение в языке, архитектуре, прикладном искусстве.

Особо хотелось бы остановиться на белорусском языке. Именно в это время Франциском Скориной был сделан перевод на старобелорусский язык Библии, что способствовало утверждению государственного статуса старобелорусского языка. На нем писались соглашения, велось делопроизводство, архив государственной канцелярии, который сохранился под названием Метрика Великого Княжества Литовского, на нем были созданы три редакции литовского Статута – верховного закона Великого Княжества Литовского, составившего правовой фундамент Княжества и ставшего образцом для конституций европейских держав. Старобелорусский язык являлся обиходным для великого князя и его придворных, для риторики и философии. Этот же язык и белорусская культура стали в Великом княжестве Литовском основными для различных этносов. Также интересно отметить, что издаваемая в XVI веке литература печаталась как на кириллице (византийское влияние), так и на латинице, сохраняя принципы западного оформления книг.

В Беларуси латиница стала крайне популярной в период распространения на территории ВКЛ католицизма. На ней писались официальные бумаги, издавались художественные произведения. Латиницу использовали Ян Борщевский, Ян Чечёт, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич. Ранние произведения Якуба Коласа и Янки Купалы также были написаны на латинице. Интересно сравнить белорусскую кириллицу и белорусской латиницей.

А – A, a	О – O, o
Б – B, b	П – P, p
В – V, v	Р – R, r
Г – H, h	С – S, s
Г – G, g	Т – T, t
Д – D, d	У – U, u
Е – Je, je, (i)e	ÿ – ŷ
Ё – Jo, jo, (i)o	Ф – F, f
Ж – Ź, ź	Х – Ch, ch
Дж – Dz, dz	Ц – C, c
З – Z, z	Ч – Č, č
Дз – Dz, dz	Ш – Š, š
І – I, i	ы – y
Й – J, j	Э – E, e
К – K, k	Ю – Ju, ju, (i)u
Л – L, l, Ł, ł	Я – Ja, ja, (i)a
М – M, m	ь – (')
Н – N, n	‘ – ‘

Заклучение. Культурныя ценнасці, ідэі гуманізма беларускага грамадства арганічна зазвучалі ў кантэксце ўсёй еўрапейскай культуры. Вядома, таму ХVІ век называюць «золатым векам» Беларусі. У культуры ВКЛ, старабеларускім мове тесна пераплеліся ўсходнія і заходнія традыцыі. У гэты перыяд у друкарнях выдаваліся сотні арыгінальных і перакладных кніг просветельскага, духоўнага і палемічнага характара, вучэбныя дапаможнікі. Выкарыстанне дасягненняў заходне-еўрапейскай рэнесанснай культуры ввядола беларусаў у агульнаеўрапейскі культурны кантэксст.

Спісок літаратуры

1. Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. – 2-е изд. – Мінск, 1997. – 486 с.
2. Языковая сітуацыя ў Беларусі: этычныя колізіі двуязыччя - kamunikat.fontel.net/www/knizki/brama/prastora/prastora_01.htm // Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы): На бел. і рус. мовах / С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў, Н. Б. Мячкоўская. – Мн.: Веды, 1998.

БЕЛАРУСКІ НАЦЫЯНАЛЬНЫ ХАРАКТАР У РАМАНЕ У. ГНІЛАМЁДАВА “ВАЙНА”

В.І. Русілка

Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава

Выдатны беларускі літаратуразнаўца і пісьменнік, доктар філалагічных навук, акадэмік Нацыянальнай акадэміі навук Рэспублікі Беларусь Уладзімір Васільевіч Гніламёдаў сёлета адзначае свой 80-дзесяцігадовы юбілей, што надае асабліваю актуальнасць даследаванням, у якіх асэнсоўваецца яго ўклад не толькі ў развіццё беларускай навукі, але і ў сучасны літаратурны працэс. Проза У. Гніламёдава дае багаты фактычны матэрыял для разумення найноўшых тэндэнцый у развіцці эпічных жанраў і магчымасцей класічнага рамана ў глыбокамастацкім ўвасабленні духоўна-маральных асноў нацыянальнага характара беларуса.

Мэта дадзенай работы – выяўленне спецыфікі мастацкай рэпрэзентацыі нацыянальнага характара ў рамане У. Гніламёдава “Вайна”, прысвечаным самаму маштабнаму і трагічнаму выпрабаванню ХХ стагоддзя – Вялікай Айчыннай вайне.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання стаў раман У. Гніламёдава “Вайна”, у прыватнасці, эпічныя сродкі стварэння народнага характара. У навуковым аналізе выкарыстаны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, фенаменалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Дзесяць гадоў таму У. Гніламёдаў паставіў перад сабой надзвычайную і маштабную мэту: адлюстраваць лёс беларускага сялянства на працягу ХХ стагоддзя праз гісторыю роду Лявона Кужаля, прататыпам якога стаў дзед пісьменніка Лявонціі Міхайлавіч Сцепанюк. У выніку напружанай і плённай працы выйшлі з друку ўжо шэсць раманаў гістарычнай хронікі, кожны з якіх стаў чаканай і істотнай з’явай у сучаснай беларускай літаратуры (трэба падкрэсліць, што падобнага значнага цыкла класічных твораў “вялікага жанру” ў сучаснай беларускай літаратуры няма): “Уліс з Прускі” (2006), “Расія” (2007), “Вяртанне” (2008), “Валошкі на мяжы” (2014, часопісны вырыянт у 2009-2011 г.), “Вайна” (2014), “Пасля вайны” (“Полымя”, 2014, №11,12; 2015, №4, 5, 6, 7).

Раман “Вайна” ў часопісным варыянце меў назву “Ліхалецце”, якую аўтар замяніў на болей канкрэтную і болей звязаную з назвай наступнага рамана. Ды і канцэптuallyна, відаць, ліхалеццем можна назваць не толькі 1941-1945 г., але і гады сталінскіх рэпрэсій, якія закранулі і род Кужаляў.

Тэма ўсенароднага змагання з фашызмам дае ўнікальныя магчымасці для паглыблення ў сутнасць народнага характара, выяўлення яго маральных асноў, якія ў звычайным побытавым жыцці не заўсёды з’яўляюцца відавочнымі.

Уздыхаючы ў сваёй гістарычнай хроніцы выключна важныя праблемы жыцця народа, У. Гніламёдаў пастаянна трымае ў полі зроку пытанне пра адметнасць беларусаў як нацыянальнага тыпу. У нядаўнім інтэрв’ю для газеты “Літаратура і мастацтва”, праведзеным Алесяй Лапіцкай, пісьменнік выказаўся найбольш поўна і ў нейкай ступені нечакана: “Кажуць, што беларусы цягавіты, пакладзісты народ – і гэта сапраўды так. Вядома, беларусы талерантныя. Беларусы спакойна ставяцца да магчымасці атрымаць вышэйшы чын, ім не ўласцівы кар’ерызм... Беларусам не хапае пачуцця адзінства, карпаратыўнасці. Душэўнасць ёсць, беларусы адгукнуцца на просьбу дапамагчы, але ўвогуле яны адасобленыя, індывідуалісты. Калі казаць пра светаўспрыманне, то беларусы любяць абмацаць свет. Іх успрыманне не абстрактнае, не спірытуалізаванае. Рэчыўнасць, прадметнасць, катэгарычнасць

вызначаюць сакавітасць мовы” [1, с. 9]. У рамане “Вайна” ў пэўнай ступені рэалізуюцца гэтыя ідэйныя ўстаноўкі аўтара: на пачатку акупацыі большасць жыхароў палескай вёскі Пруска спадзяецца, што бяду можна неяк ціха пераседзець, а з фашыстамі паразумецца, пра што сведчаць шматлікія дыялогі вясцоўцаў. Душэўнасць як рыса нацыянальнага характару ярка выяўляецца ва ўчынку Лявона Кужаля, які, пашкадаваўшы акружэнца-сібірака Саньку Растатуева, не толькі пакарміў яго, але і ўзяў да сябе ў сям’ю і паручыўся за яго ўласным жыццём. Праўда, перад гэтым добра падумаў і ўзважыў магчымыя наступствы, пра што сведчаць унутраныя маналогі героя, асабліва частыя ў гэтай частцы гістарычнай эпопеі. Учынак Лявона паўтарылі многія прускаўцы. Вайна мяняе настрой і паводзіны людзей: “Інстынктыўна прускаўцы, можна было бачыць, шчыльней згуртаваліся паміж сабой, сталі, як здавалася Лявону, больш зглібымі, але і насцярожанымі” [2, с. 44]. Паступова ў вёску прыходзяць звесткі пра жорсткасць і бесчалавечнасць акупантаў (пісьменнік не апісвае трагічныя падзеі падрабязна, а падае іх праз трапныя эмацыянальна насычаныя дэталі, як у выпадку забойства жанчыны з маленькім дзіцём), расце супраціўленне акупантам, узнікае партызанскі рух. І ў гэтай сувязі на першы план выходзіць іншае сцвярджэнне У. Гніламёдава пра сутнасць беларускага нацыянальнага характару, выказанае ў інтэрв’ю з Марынай Весялуха : “Нашы продкі – цікавы пасіянарны народ” [3, с.18]. Пасіянарнасць як рыса беларусаў выразна выяўляецца менавіта ва ўмовах Вялікай Айчыннай вайны. Не можа не даць прытулак партызанам Аграфена, якая гіне разам з нешматлікім атрадам імя таварыша Тэльмана, паступова ўступаюць у барацьбу і іншыя прускаўцы. Змагаецца з фашыстамі ў партызанах, а потым і на фронце Васіль, прыёмны сын Кужаля, які ўжо і сам мае траіх дзяцей. Нягледзечы на жорсткія карныя акцыі, на спалення разам з жыхарамі вёскі, на тое, што і прускаўцаў сагналі на выгане для расстрэлу, які толькі цудам быў не выкананы, супраціўленне фашыстам толькі ўзмацняецца, перарастаючы са стыхійнага імкнення выжыць у свядомую і арганізаваную барацьбу. Словамі свайго героя Павала Гальяша пісьменнік падкрэслівае глыбінныя сілы народнага характару: “Нас можна зваяваць, але намі цяжка ўладарыць. Мы славяне... Мы як бы і ціхія, але і скрозь камень праб’емся” [2, с. 42].

Як падкрэсліў І. Шаладонаў, аснову маральна-эстэтычнай канцэпцыі рамана У. Гніламёдава “Вайна” складае катэгорыя саборнасці – “сутнаснае анталагічна-каштоўнаснае паняцце, якое пазначае унутраную непарыўную духоўную сувязь у у трыядзе: *чалавек – народ – Бог*” [4, с. 14]. Вайна ўзмацняла не толькі індывідуальны страх смерці і трывогу за сям’ю, але і пачуццё калектыўнай адказнасці (за ўчынак аднаго каралі ўсю вёску) і веру ў Бога, на Якога толькі і заставалася спадзявацца ў крытычных сітуацыях.

Для стварэння пераканальных вобразаў-персанажаў У. Гніламёдаў выкарыстоўвае апрабаваныя ў папярэдніх раманах сродкі мастацкай выразнасці: найперш характарыстыку героя праз учынак, які апісваецца ў падрабязных побытавых і псіхалагічных дэталях; унутраныя маналогі, няўласна-простую мову героя, якія надаюць пераканальнасць вобразу; індывідуалізацыю мовы героя і яго выразны партрэт, у якім часта падкрэсліваецца нацыянальная адметнасць адзення (да прыкладу, шапка-магерка, ці канфедэратка, у вечнага падарожніка Кузёмкі). Дарэчнае выкарыстанне гэтых і іншых мастацкіх прыёмаў сведчыць пра высокі ўзровень майстэрства празаіка.

Заклучэнне. У рамане “Вайна” У. Гніламёдаў даследуе важныя рысы нацыянальнага беларускага характару, што выявіліся ў крытычны момант: трываласць, цяроплівасць, душэўнасць, ахвярнасць, пасіянарнасць і саборнасць. Пісьменнік працягвае працу над гістарычнай хронікай, што дае падставы спадзявацца на новыя адкрыцці ў галіне рэпрэзентацыі духоўных асноў беларускага народа.

Спіс літаратуры

1. Гніламёдаў, У. В. Сем гадоў у пшанічным краі: Да гісторыі стварэння рамана “Расія” У. Гніламёдава / У. В. Гніламёдаў; гутарыла А. Лапіцкая. – Літаратура і мастацтва. – 2016. – 27 мая. – С. 9.
2. Гніламёдаў, У. В. Вайна : роман / У. В. Гніламёдаў. – Мінск: Беларус. навука, 2014. – 628.
3. Гніламёдаў, У. В. “Кожны пісьменнік стварае сваю літаратуру” / У. В. Гніламёдаў; гутарыла М. Весялуха. – Звязда. – 2016. – 27 жніўня. – С. 19.
4. Шаладонаў, І. Саборны прынцып жыцця і змагання народа ў рамане “Вайна” Уладзіміра Гніламёдава / Ігар Шаладонаў. – Роднае слова. – 2016. – С.14 – 15.

ГУМАРЫСТЫЧНАЯ ПАЭЗІЯ УЛАДЗІМІРА ПАПКОВІЧА

*І.В. Саматой
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

Беларуская гумарыстычна-сатырычная творчасць (сукупнасць твораў розных родаў і відаў жартоўнага напрамку) мае сваю багатую і павучальную гісторыю, якая пачалася з фальклору – жартоўных прыказак, прымавак, загадак, песень, прыпевак, жартаў і інш. Гумар, як і сатыра, абумовіў своеасабліваць многіх твораў старажытнай беларускай літаратуры. Моцна выражаныя гумарыстычныя тэндэнцыі назіраюцца ў паэмах “Энеіда навыварат”, “Тарас на Парнасе”, творах В.Дуніна-Марцінкевіча, Я.Купалы, Я.Коласа, А.Паўловіча, К.Крапівы. Сярод шэрагу гумарыстаў XX стагоддзя несумненна вылучаюцца У.Корбан, Э.Валасевіч, Н.Гілевіч, Р.Барадулін, П.Макаль, У.Правасуд, В.Лукша, М.Маляўка, М.Скобла і інш. Гумар – адна з вызначальных рысаў натуры, таленту віцебскага паэта Уладзіміра Папковіча.

Мэтай нашага артыкула з’яўляецца вызначэнне спецыфікі гумарыстычных вершаў У.Папковіча.

Матэрыял і метады. Прадмет дадзенага даследавання – гумарыстычныя вершы са зборніка У.Папковіча “Вы будзеце смяцца...” Метады даследавання: культурна-гістарычны, параўнальна-сапастаўляльны, герменеўтычны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Сярод творчых індывідуальнасцей пасляваеннага пакалення, якое прыйшло ў літаратуру ў 60-х гадах мінулага стагоддзя, сваёй адметнасцю і непаўторнасцю вылучаецца постаць віцебскага паэта, перакладчыка У.Папковіча. Нарадзіўся творца 25 сакавіка 1935 года ў вёсцы Дварэц на Вілейшчыне. Перажыў ваеннае ліхалецце, арышт бацькі па лжываму даносу, цяжкія гады сіроцтва. Вучыўся у Ільянскай сярэдняй школе Вілейскага раёна, а ў 1953 годзе стаў студэнтам факультэта нямецкай мовы Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў. Пасля заканчэння інстытута працаваў выкладчыкам нямецкай мовы і перакладчыкам тэхнічнай літаратуры ў розных навучальных і дзяржаўных установах Мінска. З 1966 года жыве і працуе ў Віцебску. З 1982 года – старшы выкладчык, пазней загадчык кафедры нямецкай мовы ВДУ імя П.М. Машэрава. У дадзены час знаходзіцца на заслужаным адпачынку. Друкавацца пачаў з 1962 года на старонках рэспубліканскіх часопісаў “Нёман”, “Маладосць”, “Польмя”, альманахах “Далягледы”, “Братэрства” і інш. Аўтар паэтычных зборнікаў “На досвітку”(1978), “Зерне”(1982), “Самы кароткі цень”(1988), “На тым стаю”(2004), “Рэшта”(2010), “Пасля свята”(2013), ”Як ёсць”(2015). Перакладаў з нямецкай мовы на беларускую творы Ё.Бэхера, Р.Крафта, Ф.Шылера, Э.М.Рэмарк, Ш.Цвайга, В.Гаўфа і інш. Перастварыў на нямецкую мову паэму К.Вераніцына “Тарас на Парнасе”(2003). Разнастайная па праблематыцы, багатая па настраёнасці, шчырая і спявадальная па гучанні, творчасць паэта захапляе перш за ўсё жыццёвай мудрасцю і асаблівай назіральнасцю, пільнай увагай да нюансаў чалавечага быцця.

Асаблівае месца ў паэзіі У.Папковіча займаюць гумарыстычныя творы, да якіх ён звярнуўся ў 90-х гадах мінулага стагоддзя. Гумар, або добры смех, выкарыстоўваецца для весялосці, з мэтай пасмяяцца з чаго-небудзь без з’едлівасці і крытыкі. Сведчаннем паэтычнага дару віцебскага творцы служыць зборнік гумару “Вы будзеце смяцца...”(2008) пад псеўданімам Ахрэм Нядбайла. Выкарыстоўваючы прыём эстэтычнай правакацыі, аўтар свядома выбраў гаваркі псеўданім, нібы падкрэсліваючы бязладнае і пустое жыццё галоўнага героя гумарыстычных вершаў. На самай справе, Ахрэм Нядбайла – усмешлівы аптыміст і жыццялюб, чалавек з добрым, адкрытым для людзей сэрцам, які добразычліва, нязлосна жартуе над недахопамі ўласнага характару, паводзінамі людзей. “Смех кожнага з нас робіць роўным сярод людзей, трошачкі ўзвышае над часам”[1, с.4], дапамагае выстаяць у складанай сітуацыі:

Нічога так зло не баіцца,
Як смеху – ён валіць з ног.
Не трэба змагацца і біцца.
Засмейся –
І ты перамог![1, с.14]

Гумарыстычная творчасць У.Папковіча ў адзначаным зборніку прадстаўлена наступнымі жанравымі мадыфікацыямі: гумарыстычны верш, прыпеўка (чатырохрадкоўе), паэтычная карацелька (двухрадкоўе), “ахрэмінка”(аўтарская жанравая форма).

У гумарыстычных вершах адлюстроўваюцца грамадскія, бытавыя, сямейныя бакі жыцця, праблемы мастацкай творчасці. З гумарам расказвае У.Папковіч пра сучаснага змагара за праўду, які рэзка памяняў свае погляды, калі “яго начальнікам зрабілі / І крэсельца яму далі” [1, с.11]. Жартаўліва-павучальна паэт дзеліцца сакрэтам сямейнага шчасця:

Для жонкі ў хаце рай стварай,
Не задзірайся,
Райся. Старых грахоў не паўтарай
І новых не цурайся [1, с.14].

Асобныя вершы маюць свайго адрасата – “Паэт”, “Вучоны”, “Крытыку”, “Дарадцам я заўсёды рад”, “Заклік” і інш. Спачувальна аўтар раіць пасрэднаму маладому паэту прымусова не пісаць вершы:

А лепей ты дзяўчыну палюбі.
Калі не верш,
Дык хоць дзіця народзіцца [1, с.7].

Немалаважным выглядае і тое, што развіваючы традыцыі беларускай гумарыстычнай паэзіі, У.Папковічу імпануе імпульсіўнасць і няўрымслівасць барадулінскай натуры. Зварот да пісьменніцкай творчасці прысутнічае і ў гумарыстычных творах Р.Барадуліна Так, у вершы “Пытанне аднаму паэту” аўтар задае пытанне ўсім гора-паэтам: “Задумайся ў журбе, / Пастой, – / Чытаць унук ці будзе твой / Цябе ў арыгінале?” [13, с. 161]

Творчае асэнсаванне народна-паэтычных традыцый ярка адлюстроўваецца ў аўтарскіх прыпеўках (чатырохрадкоўях) з выразным рытмам, тэматыка якіх ахоплівае самыя разнастайныя з’явы жыцця, ад любоўных заляцанняў да грамадска-палітычных падзей. Дасціпна гучаць прыпеўкі на тэму сямейных узаемаадносін “Мілы спіць на тапчане”, “Мой Валодзя быў на сходзе”, “Пасля татавай зарплаты” і інш. Выкарыстанне лірычна-эмацыянальнага і грубавата-экспрэсіўнага гаваркога слова сведчыць пра жыццялюбівую натуру аўтара.

Найбольшую цікавасць у дадзеным зборніку, ў плане праяўлення камічнага, выклікаюць “ахрэмінкі” – гумарыстычныя, па словах аўтара, імгненнарэактыўныя вершы. Галоўны персанаж – тутэйшы жыхар Ахрэм, на першы погляд, аматар прыгод, гультаяваты, слабы чалавек: “Ахрэм, лайдак, падаўся ў бізнес, / Тавараў розных накупіў. / Затым усё са склада вынес, / Забыўся, што сваё. Прапіў [1,с.75]. Але за маскаю блюзнерства хаваецца “Ахрэм – узорны сем’янін, / Не п’е, не курыць, не дурэе, / Уласнаручна склаў камін, / Зімой сядзіць, што трэба грэе” [1, с.74]. Праз смешныя і цікавыя выпадкі з жыцця раскрываецца жыццёвы досвед персанажа ў сяброўстве, каханні, выхаванні дзяцей, літаратурнай творчасці, навуцы. У вобразе Ахрэма ўвасобіўся жывы народны характар, насмешлівы, невынішчальны, стойкі ў любых нягодах.

Гумарыстычнай філасафічнасцю прасякнуты паэтычныя карацелькі (двухрадкоўі) У.Папковіча, у якіх пранізлівы гумар часам перарастае ў афарыстычную мадэль: “Не будзь зласліўцам учужой бядзе. / Павер мне – і табе перападзе [1, с.34], “Здаецца мне: мы Богу замінаем, / Калі яго так часта ўспамінаем” [1, с.73]. Двухрадкоўі носяць павучальны характар, утрымліваюць у сабе народныя матывы і асабісты вопыт, прымушаюць сур’ёзна задумацца над сваімі паводзінамі і станам грамадства: “Жыццё, як той трамвай: / Заціснулі – трывай!” [1, с.56], “Ад даўніх дзён, ад сівізны вякоў, / Народ не крыўдзіў п’яніц, жабракоў” [1, с.47], “Начальства трэба ўсёй душой любіць – / На гэтым можна добра зарабіць” [1, с.45]. Заўважым і тое, што ў гумарыстычных творах аўтара раскрыццё пэўнай сітуацыі дасягаецца праз народную моватворчасць: фразеалагічныя спалучэнні (“хапіў ты цераз край” [1, с.30], “хоць трэсні, хоць лясні” [1, с.10], “не вяжа лыка” [1, с.34] “на забавы ласы” [1, с.42]), народныя выслоўі (“Адзін ляны, другі п’яны” [1, с.53], “Страх па пятах бегае за мной” [1, с.31], “Навукі грыз да ачмурэння” [1, с.43] і інш.).

Заклучэнне. Такім чынам, даследуючы гумарыстычную паэзію У.Папковіча, можна зрабіць наступныя вывады. Смех творцы – гэта выяўленне аўтарскай пазіцыі, мастацкі прынцып пазнання і адлюстравання рэчаіснасці. Для ўсёй смехавой творчасці паэта, прадстаўленай такімі жанравымі мадыфікацыямі, як гумарыстычны верш, прыпеўка (чатырохрадкоўе), паэтычная карацелька (двухрадкоўе), “ахрэмінка” (аўтарская жанравая форма), характэрна шырыня погляду, дасціпнасць, аптымізм, натуральнасць, эмацыянальнасць,

сувязь з фальклорам, народнымі традыцыямі. Праз нязмушаны гумар аўтар змог паказаць маральна-этычныя, сацыяльныя праблемы сучаснага жыцця, характар, звычаі беларусаў, пры гэтым нікога не асуджаючы. Найважнейшай асаблівасцю гумарыстычных твораў У.Папковіча з'яўляецца тое, што яны не пакідаюць чытача раўнадушным.

Спіс літаратуры

1. Барадулін, Р. Мудрэц са ступаю / Р. Барадулін. – Мінск: Мастацкая літаратура. – 1988. – 272 с.
2. Нядбайла, А. Вы будзеце смяяцца / А. Нядбайла. – Віцебск: Віцебская абласная тыпаграфія. – 2008. – 77 с.

РЭГІЯНАЛЬНАЯ ЛЕКСІКА ЯК АДНЮСТРАВАННЕ МАЎЛЕННЫХ І КУЛЬТУРНЫХ ТРАДЫЦЫЙ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА

Г.К. Семянькова
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава

Дыялектызмы з'яўляюцца яркім паказчыкам асаблівасцяў мовы і культуры не толькі мясцовага насельніцтва, а і беларускага народа ў цэлым.

Мэта артыкула – выяўленне нацыянальнай адметнасці гаворак, асаблівасцяў вясельнага абраду паўночнай Беларусі.

Матэрыял і метады. Разгледзім на прыкладзе абрадавай вясельнай лексікі, прадстаўленай у “Рэгіянальным слоўніку Віцебшчыны” [1; 2], створаным на аснове матэрыялу, сабранага студэнтамі і выкладчыкамі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М.Машэрава падчас праходжання дыялекталагічнай практыкі. Тэрыторыяй для даследавання сталі сельскія населеныя пункты Віцебскай вобласці. У працы выкарыстаны апісальны метады даследавання.

Вынікі і абмеркаванне. Галоўнымі ўдзельнікамі вяселля з'яўляюцца, як вядома, жаніх і нявеста. Іх на Віцебшчыне прынята называць найменнямі *маладыя* (жаніх і нявеста), *маладая*, *маладовачка*, *маладуха*, *маладзёнец*, *маладзён*, *маладзёнак*, *маладзік*, *маладзьян*.

Ніжэй прывядзем пералічаныя назвы ў кантэксте з захаваннем асаблівасцяў мясцовай гаворкі і са спасылкамі на месца фіксацыі прыкладаў (поўная назва вёскі і скарачанае раёна):

Маладыя *толькі мн.* Жаніх і нявеста. *Маладыя як прыедуць, будзем іх сустракаць хлебам-соллю.* Угрынкі Уш.

Маладзёнец, маладзён, маладзёнак, маладзік, маладзьян *м.* Жаніх. *Глян'це, бабы, маладзёнец ужо едзе да нашай Ганулькі.* Моханава В.-Дзв. *Як Мікіта быў маладзёнцам, дык спраўны быў мужчына, відны.* Угрынкі Уш., Замачак Чаш. *Маладуха красівая, а маладзёнец дрэнь.* Пугачова Докш. *А той маладзён прапівае цешчы грошы.* Кветча Леп. *Любы маладзёнак хвалюецца перад вяселлем.* Косарава Глыб. *Маладзік з маладухай ужо прыехалі.* Мілашкі Брасл., Станіславава Дубр. *Маладзьян не стаў са мной вітацца.* Янава Тал.

Маладая, маладовачка, маладуха *ж.* Дзяўчына ў час вяселля, нявеста. *Маладая на сваім вяселлі дорыць падаркі ўсёй радні жаніха.* Угрынкі Уш. *А дзеўкі ўсе й гаворуць: “А сабірайся, маладовачка, у дарогу”.* Кветча Леп. *Прывязлі ўжо нашу маладуху.* Высачаны Лёзн., Сабалі Чаш.

Як відаць з прыкладаў, ва ўсіх найменнях жаніха і нявесты фіксуецца корань *-малад-*, які служыць для абазначэння ўзросту чалавека.

Пачэсныя госці на вяселлі – шафер з шаферкай, сваты, хросныя маці і бацька; іх у народных гаворках Віцебшчыны называюць наступным чынам: шафер – *брацюк, паджанішнік, першы, пытанішнік, шахвер*, шаферка – *шахверка*, хросная маці – *мамуся, матулька, матуся*, сват – *маршалак, маршалка*.

Разгледзім пералічаныя найменні ў кантэксте:

Брацюк, паджанішнік, першы, пытанішнік, шахвер *м., абрад.* Шафер, удзельнік вясельнага абраду. *Вясёлы брацюк у маладых, кампанейскі.* Баравуха Пол. *Паджанішнік – хлопец з горада, культурны такі.* Дуброўна, Міхалова Чаш., Верацеі Шарк. *Брат ягоны на вяселлі быў за першага.* Мікіціха Шум. *Пытанішнікам у нас будзе Федзька.* Шыліна Шум. *Раней не сведкі на свадзьбі, а шахверы называліся.* Яроненкі Гар.

Шахверка *ж.* Шаферка, старшая дружка нявесты ў вясельным абрадзе. *Болей за ўсіх мне шахверка спадабалася.* Кухты Глыб.

Мамуся, матулька, матуся ж. Хросная маці. *Хрысціць дзіцяці павінна мамуся і татусь.* Велеўшчына Леп. *На вяселлі матулька займае пачэснае месца.* Верамееўшчына Дубр. *У мяне матуся добрая: часта прыходзіць, ды яшчэ й з падарункамі.* Навумаўка Беш., Замачак Чаш.

Маршалак, маршалка м. Сват; той, хто сватае каго-н. каму-н. *Маршалку на вяселлі давалі падарак.* Вялічкі Паст. *Мой мужык на гэтым вяселлі за маршалка.* Груздава Паст.

У назвах шафера адлюстраваны яго сваяцкія адносіны з жаніхом: быць шаферам нярэдка запрашаюць брата жаніха (*брацюк*), месца за вясельным сталом і роля падчас вясельнага абраду (*паджанішнік, першы, пытанішнік*), а таксама фанетычныя асаблівасці гаворкі з пераходам [ф] у [хф].

Найменні хроснай маці ўтрымліваюць памяншальна-ласкальныя суфіксы, што сведчыць пра адносіны да яе з боку жаніха і нявесты, а таксама ўсіх удзельнікаў вясельнага абраду.

Сватаў здаўна прынята ацэньваць па колькасці праведзеных вяселляў. Яны павінны мець сваю сям'ю, дзяцей, быць шчаслівымі ў шлюбе. Сватамі не бралі разведзеных, удоў, людзей, у якіх няма дзяцей, тых, хто да сарака гадоў не займеў сям'і. Сват з'яўляецца ключавой фігурай як у абрадах перадвясельнага перыяду, так і ў рытуале ўласна вяселля.

На Віцебшчыне зафіксаваны цікавыя найменні для называння іншых гасцей і сведак вясельнага мерапрыемства: *бліскун, паязджане*:

Бліскун м. Той, хто стаіць пад вуглом у час вяселля, чакаючы запрашэння на дармавы пачастунак. *Як хочаш гарэлкі выпіць дармавой, дык пойдзеш пад сталоўку ў бліскуны.* Замачак Чаш.

Паязджане толькі мн., абрад. Госці з боку нявесты, якія на другі дзень вяселля едуць працягваць гулянне ў доме жаніха. *Нашы паязджане едуць наканец.* Дрысвяты Брасл.

Як вядома, вяселле дзеліцца на некалькі этапаў – перадвясельны, уласна вясельны, паслявясельны, якія ў гаворках Віцебшчыны адлюстраваны ў лексемах *завовы, запіўкі, перазоў, пярэзва, перазовы, перазоўкі, перазыўкі, пярэзаўкі, пярэзвы, сугледы*.

Разгледзім іх у кантэксце:

Завовы толькі мн., абрад. Заручыны. *У суботу завовы будуць.* Абольцы Тал.

Запіўкі толькі мн., абрад. Час, калі бацькі маладых дамаўляюцца пра дзень сватання. *Вот былі запіўкі, а я на печы сядзела.* Літусава Сен.

Сугледы толькі мн., абрад. Прыезд жаніха ў дом будучай жонкі з мэтай знаёмства з яе сям'ёй. *На сугледах жаніх панравіўся ўсім.* Верацеі Шарк.

Перазоў м., пярэзва ж., часцей перазовы, перазоўкі, перазыўкі, пярэзаўкі, пярэзвы мн., абрад. Заклучны этап вясельнага абраду, калі бацькі маладой пасля вяселля прыязджаюць у госці да сватаў. *А ў нас сягодні перазоў, сам Бог дарожку перайшоў.* Камоскі Беш. *І на пярэзву грошы трэба: хачу, каб усё было, як у людзей.* Шыліна Шум. *Ездзілі на перазовы ўчора.* Пугачова Докш., Задоры Шум. *У перазоўкі да сватаў ездзілі.* Котава, Хайсы Віц., Выдрэя Лёзн., Вялікая Вядрэнь, Падрэзы, Пачаевічы Чаш. *На перазыўкі наедзім у суботу.* Грынеўшчына Докш., Клясціцы, Сяляўшчына Рас., Лужкі Шарк. *Пярэзаўкі абычна ў тыдзень пасля вяселля бываюць.* Порплішча Докш., Багушэўск, Выгада Сен. *Пасля пярэзваў маладая да мужа жыць пайшла.* Шыці Шарк.

Лічыцца, што, каб маладая сям'я жыла ў шчасці і згодзе, трэба вясельнаму цягніку абавязкова закінуць (паставіць) рагатку (можна нават не адну, а некалькі):

Рагатка ж., абрад. Столік, якім перагарожаюць дарогу вясельнаму поезду падчас сустрэчы маладых. *На рагатцы стаяў вялікі каравай.* Верацеі Шарк.

Рагатку закінуць, рагатку паставіць абрад. Перагарадзіць дарогу вясельнаму поезду. *Каля магазіна маладым рагатку паставілі.* Дзёрнавічы В.-Дзв.

Прапускаюць вясельны цягнік толькі пасля таго, як яго ўдзельнікі “адкупяцца” гарэлкай, цукеркамі ці іншымі прысмакамі.

Заклучэнне. Такім чынам, прааналізаваны фактычны матэрыял выяўляе нацыянальную адметнасць гаворак поўначы Беларусі, выключнае моўнае багацце і разнастайнасць гэтага незвычайнага ў гістарычным і этнаграфічным плане рэгіёна, дыялектныя рысы Падзвіння, словаўтваральныя магчымасці і вобразнасць народнай мовы, з'яўляецца паказчыкам культурных асаблівасцяў мясцовага насельніцтва і беларускага народа ў цэлым.

Спіс умоўных скарачэнняў

Беш. – Бешанковіцкі раён

Брасл. – Браслаўскі раён

В.-Дзв. – Верхнядзвінскі раён
Віц. – Віцебскі раён
Гар. – Гарадоцкі раён
Глыб. – Глыбоцкі раён
Докш. – Докшыцкі раён
Дубр. – Дубровенскі раён
Леп. – Лепельскі раён
Лёзн. – Лёзненскі раён
Паст. – Пастаўскі раён
Пол. – Полацкі раён
Рас. – Расонскі раён
Сен. – Сенненскі раён
Тал. – Талачынскі раён
Уш. – Ушацкі раён
Чаш. – Чашніцкі раён
Шарк. – Шаркаўшчынскі раён
Шум. – Шумілінскі раён

Спіс літаратуры

1. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны : у 2 ч. / Л.І.Злобін (рэд.) [і інш.]. – Віцебск : УА “ВДУ імя П.М.Машэрава”, 2012. – Ч. 1. – 304 с.
2. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны : у 2 ч. / склад. : Г.К.Семянькова, Т.А.Грачыха, А.С.Дзядова [і інш.]; пад рэд. А.С.Дзядовой. – Віцебск : ВДУ імя П.М.Машэрава, 2014. – Ч. 2. – 358 с.

ОСНОВНЫЕ ЭСТЕТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ДРАМАТУРГИИ ГАРОЛЬДА ПИНТЕРА

О.Ф. Сенькова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Творчество Гарольда Пинтера (*Harold Pinter, 1930–2008*) вмещает в себя широкий спектр художественных приемов, характерных для поискового характера литературы середины XX века.

Цель исследования – выявить эстетические доминанты художественного метода британского драматурга, что представляется актуальным при рассмотрении Гарольда Пинтера как представителя послевоенной английской «новой» драмы.

Материал и методы. Творчество лауреата Нобелевской премии соединяет в себе как нарочитую реалистичность пространственно-временной организации пьес (драмы «*Комната*» (*The Room, 1957*), «*Немой официант*» (*The Dumb Waiter, 1957*), «*Подвал*» (*The Basement, 1966*)), так и проявление элементов театра абсурда (пьесы «*День рождения*» (*The Birthday Party, 1957*), «*Карлики*» (*The Dwarfs, 1960*)). При помощи историко-контекстуального метода выделяется категория угрозы как основополагающая эстетическая составляющая ранней драматургии Гарольда Пинтера.

Результаты и их обсуждение. Анализируя ранние драмы британского драматурга, можно отметить, что автор в качестве основной эстетической категории использует угрозу, явно или скрыто довлеющую над персонажами. Как отмечает сам Гарольд Пинтер: «Угроза находится повсюду. Существует много всевозможных угроз в каждой комнате. Вы не можете ни избежать их, ни убежать от них» [1, 99]. Необходимо отметить, что ощущение угрозы, как некой высшей силы, которая «время от времени напоминает о себе» [2, 56] представляет собой не столько экзистенциальную категорию страха, упомянутую С. Кьеркегором, сколько ощущение, наполняющее внутреннюю сущность человека середины XX века, растерянного и опустошенного. При нагнетании атмосферы страха Гарольд Пинтер активно задействует иронический модус, что существенно снижает трагизм и фатальность угрозы. Угроза выступает как основополагающий принцип создания художественного пространства пьес, что находит отражение в следующих «внутренних» элементах: наличие пауз (авторские ремарки, обилие многоточия, незавершенность отдельных высказываний, реплики, брошенные в пустоту), которые плавно перетекают в молчание персонажей (в более поздних пьесах молчание трансформируется практически в основной художественный способ создания атмосферы угнетенности и потерянности), трансляция «некоммуникативного» диалога, ситуация, когда

персонажи сосредоточены на собственном мире и не слышат собеседника, формально соблюдая правила беседы. Внешние проявления угрозы сосредотачиваются на моделировании ситуации вторжения, когда иной персонаж (пьесы «Комната», «День рождения», «Легкая боль» (*A Slight Ache*, 1958)) либо необъяснимая сила («Кухонный лифт», «Оранжевая» (*The Hothouse*, 1958)) нарушают хрупкий мир действующих героев. Отметим, что проявление вспышек агрессии («Ночь вне дома» (*A Night Out*, 1959)), как и жестокость, направленную на самых уязвимых персонажей пьесы («Сторож» (*The Caretaker*, 1959)), также можно отнести к внешним проявлениям угрозы, поскольку они представляют собой сюжетобразующий элемент, функция которого заключается в удержании постоянного внимания зрителя и читателя.

Наряду с угрозой активным эстетическим компонентом ранних пьес Гарольда Пинтера является ирония и сарказм. Во многие пьесах («День рождения», «Сторож», «Немой официант») присутствие комедийного элемента позволяет снизить накал трагических обстоятельств и посмотреть на ситуацию с позиции классической комедии. Такое взаимодействие «урожающего» и комического привело к созданию Гарольдом Пинтером специфической драматургической модификации – «комедии угрозы».

Данное определение случайным образом охарактеризовало творчество Гарольда Пинтера: в 1958 году известный критик Ирвин Уордл отметил, что необъяснимая внешняя сила в пьесах Пинтера «представляет собой драматический лейтмотив того века, люди которого, будучи чересчур заиклены на вере во что-то, готовы содействовать собственной гибели» [2, 56]. Сам же автор был весьма скептически настроен к каким-либо определениям своего творческого метода, хотя и не отрицал возможность существования «комедии угрозы»: «Я устал от слова «угроза». Я никогда не думал об угрозе применительно к моему творчеству, я никогда не приклеивал категории к себе, равно как и к другим драматургам. Но если бы я понимал слово «угроза», то это бы означало те элементы, которые я задействовал в прошлом при создании пьес» [3, 24]. Как мы уже отмечали, ощущение постоянной угрозы и сопровождает практически все ранние пьесы Пинтера. За творчеством 1950 – 1960-х гг. даже закрепилось устойчивая характеристика: комедии положений и угрозы (*comedies of manners and menace*), а самого автора считают создателем уникальной драматургической модификации («комедия угрозы»): нагнетание страха и постоянно исходящей извне угрозы, которая не только угнетает действующих персонажей, но и парализует публику. Думается, что рассмотрение первых драматургических опытов через призму «комедии угрозы» является ключевым, поскольку устанавливает некую дистанцию перед соблазном соотнести драматургию британского автора только лишь с театром абсурда.

Ощущение постоянно довлеющей угрозы над персонажами (боязнь выйти за пределы личного пространства в драме «Комната», страх перед разоблачающим прошлым в пьесе «День рождения», паническое преклонение перед властными приказами в «Кухонном лифте», пугающая перспектива вступить в диалог с незнакомцем в «Легкой боли», довлеющее могущество государственного аппарата в «Оранжевой», страх нарушить заведенный ритм и отлаженный механизм отношений в пьесе «Ночь вне дома» неясной силы, которая управляет поведенческими мотивами персонажей, и составляют основу «комедии угрозы». Комический эффект создается не столько за счет «комедий положений», сколько при уникальной способности автора расставить нужные акценты: выявить опасный для общества посыл и развенчать его.

Необходимо отметить, что приемы, которые задействует Гарольд Пинтер при создании первых драм в русле «комедии угрозы», трансформируются в более позднем творчестве автора. Наиболее наглядным примером является пьеса «Оранжевая». Неясная угроза, довлеющая над личностью, в более позднем творчестве автора трансформируется в доминирование власти над отдельной личностью.

Заключение. Таким образом, в ранних драмах, написанных в период 1950-1960-х годов, Гарольд Пинтер активно использует угрозу как основной компонент реализации авторского замысла. Формальные компоненты, характерные для творческого метода театра абсурда позволяют автору заострить угрозу и представить её в качестве основной эстетической категории, характерной для раннего творчества британского драматурга. Такое взаимодействие помогает ему создать уникальную атмосферу нагнетания страха и ужаса, что

трансформировалось в особую жанровую разновидность, характерную для его творческого метода – «комедия угрозы». Данная разновидность помогает наиболее ярко очертить перед современным человеком причины кризиса и с помощью приема брехтовского «очуждения», подтолкнуть его к выходу из сложившихся обстоятельств.

Список литературы

1. Sakellaridou, E. Pinter's Female Portraits: A Study of the Female Characters in the Plays of Harold Pinter / E. Sakellaridou. – Totowa, N.J. : Barnes & Noble, 1988. – 224 p.
2. Taylor-Batty, M. The Theatre of Harold Pinter / M. Taylor-Batty. – London, Bloomsbury Methuen, 2014 – 304 p.
3. Gussow, M. Conversations with Pinter / M. Gussow. – London : Nick Hern Books, 1994 – 158 p.

ЛИМНОНИМИЯ ВИТЕБЩИНЫ: ФИННО-УГОРСКИЙ СУБСТРАТ

Т.И. Синкевич

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Данная проблема нам представляется актуальной, так как изучение финно-угорского субстрата вызывает много вопросов, связанных не только с интерпретацией самих названий водных объектов, но и с вопросами заселения этих земель в прошлом.

Цель статьи – предпринять попытку интерпретации финно-угорских названий озер на исследованной нами территории.

Материал и методы. Материалом исследования послужили названия озер Витебщины, выписанные из справочников, энциклопедий методом сплошной выборки, а также названия озер, записанные в полевых условиях во время диалектологической практики. В статье используется сопоставительно-описательный метод.

Результаты и их обсуждение. Группа финно-угорских названий немногочисленна. Лимнонимы данного типа могут быть предположительно отнесены к данной группе, ибо стопроцентной уверенности в их интерпретации нет. Так, например, в лимнониме *Сосна* (Пост) четко выделяется основа – *сос-* и формант *-на-* (формант славянского происхождения), в названии озера мы наблюдаем смещение ударения с форманта на основу, а следовательно, лимноним не может быть соотнесен с апеллятивом “сосна”, таким образом, в основе названия озера не может быть лексемы, связанной с названием растения. Скорее всего эта основа может быть соотнесена с основой – “*sos / шош*”, ср.: название реки *Шоша* (Пост) и название озера *Шо* (Миор), апеллятив “шо” в финно-угорских языках имеет значение “быстрая” [8,с.365], а озеро – проточное. Это название можно также сопоставить с названием озера *Сосно* в бас. р. Држбитка, приток р.*Сосница* (Пол.), а также с названиями озер *Сосно* в Шумилинском районе Витебской области и с укр. названием озера *Сосно* у села Люботино Любешевского района (Украина), русск. *Сосница* на Новгородчине (Россия) и др. Ученые соотносят такого типа названия (см. последний пример) с праформой, мотивированной псл.**sosnica*, например, диал. укр. *сосниц'а* «сосновый ліс» (образования на –ица от .**sosna*. Но, как мы полагаем, такого типа названия, как *Сосно*, все же не вписываются в рамки традиционного словообразования, так как в их основе архаичная форма прилагательного ср.рода на *-o'-* от *сосна* «сосновое озеро», сюда же можно отнести и название р.*Сосна* в басс. р.Оки (Россия), которое образовано от утраченного прилагательного ж.р. *сосна* (=соснова). Встречаются такие названия и на территории Польши в басс.Варты и Вислы, что оставляет возможность их интерпретации на славянской основе.

Название озера *Суя* (Полоц) содержит в своей основе финский апеллятив “*суо / шуо*”, имеющий значение “болото” [8,с.298]. О принадлежности названия той или иной культуре мы можем судить, исходя и из археологических данных. Например, местоположение озера *Окана* (Леп) совпадает с размещением стоянок племен финно-угорской культуры (гребенчато-ямковая керамика – 2500-2300 гг. до н.э.). Апеллятив “йокки” имеет значение “река” [8,с.183]. Озеро расположено в зоне балтского и финно-угорского пласта. С другой стороны, апеллятив, лежащий в основе данного названия озера может быть сопоставлен со славянским географическим термином “окно” в значении “источник” [1, 3, с.663]. Среди названий данной группы нами могут быть отмечены лимнонимы, которые имеют не только финно-угорскую основу, но и формант, например, озеро *Войты* (Миор). В основе названия апеллятив “*woj*” со значением “север” [8, с.124] (указывает на местоположение озера в пространстве) и формант –

ты – в значении “озеро. Названия озер употреблены во множественном числе, а в пермских языках формант – ты- имеет значение “озеро” [8, с.218]; позже этот формант, по мнению ученых, трансформировался в –та-.

На исследованной нами территории выявлен ряд названий озер неясного происхождения: *Мнюта* (Глуб), *Кім* (Брасл), *Набіста* (Миор), *Мезозол* (Пост), *Межужол* (Пост) и др.

Заключение. Таким образом, в состав гидронимии любой территории, в том числе и Витебщины, входят элементы различных языков и эпох, от древнейших до самых новых, а задача исследователя состоит в том, чтобы правильно дифференцировать названия в зависимости от генетической принадлежности тому или иному языковому коллективу, найти то различное и общее, что присуще гидронимии исследованного региона. В результате проведенного исследования установлено, что 1) основу гидронимического пласта исследуемой территории составляют названия озер, в основе которых славянские апеллятивы (72,6%); 2) часть лимнонимов сформировалась на основе балтского субстрата (11,4%); 3) небольшое количество названий озер с большей или меньшей уверенностью может быть отнесено к финно-угорским образованиям (2,4%); 4) есть названия, которые дают возможность их толкования как на материале балтских, так и на материале славянских языков (8,3%); 5) выявлен ряд названий неясного происхождения (5,3%).

Если говорить о географическом размещении названий озер Витебщины, то следует отметить, что балтские и финно-угорские названия образуют скопления на западе Витебской области (Браславский, Поставский, Миорский, Верхнедвинский, Шарковщинский, Глубокский районы).

Определенные черты балтских и финно-угорских влияний прослеживаются, несомненно, и в других районах исследуемой территории, но они представлены значительно меньше, чем в западных районах Витебщины.

Географические названия являются своеобразным “зашифрованным знаком”, понять значение и содержание которого можно, опираясь на разнообразные исторические, собственно топонимические, этнографические и лингвистические данные.

Список литературы

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4т. / В.И. Даль. – Москва, 1976-1980.
2. Иванов, В.В., Топоров, В.Н. Исследования в области славянских древностей / В.В. Иванов., В.Н. Топоров. – Москва, 1974.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4т. / М. Фасмер. – Москва, 1986-1987.
4. Назвы азераў Беларусі: слоўнік / С.У. Шахоўская; навук. рэд. П.А. Міхайлаў. – Мінск, 2014.
5. Беларуская Энцыклапедыя: у 18т. – Мінск, БелЭн, 1996 – 2004.
6. БКБ – Блакітная кніга Беларусі: энцыклапедыя – Мінск: БелЭн, 1994. – 415с.
7. Словарь географических терминов и других основ, встречающихся в Коми топонимии / сост. А.В. Беляева. М., 1988.

СЕМАНТИКА КОЛОРАТИВА *ЧЕРНЫЙ* В ПЕСНЯХ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

Т.П. Слесарева
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В настоящее время существуют многочисленные исследования, посвященные описанию функционирования цветообозначений в художественных текстах, цветовой символике отдельных цветообозначений в языке писателей и поэтов, особенностям цветообозначения в аспекте перевода. Однако работ, рассматривающих данную группу слов в языке фольклора, существует ограниченное количество. Этим и объясняется актуальность данного исследования.

Цель работы – рассмотреть семантику колоратива *черный* через его сочетание с различными существительными в песенных текстах Белорусского Поозерья.

Материал и методы. Нами была проанализирована 491 песня, собранная на Витебщине за 1985–2005 годы. Путем сплошной выборки выписаны 22 эпитета-колоратива, из которых на долю прилагательного *черный* пришлось 10 словоупотреблений. В песенных текстах оно сочеталось с разными существительными, реализуя при этом различные значения. Для анализа мы использовали описательный и стилистический методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Народная поэзия занимает в фольклоре очень важное место, поскольку в ней глубоко и полно выражается отношение народа к жизни, передаются чувства и настроения.

Черный цвет имеет обширный и сложный диапазон символических значений: черный человек, черная кошка, черный дьявол, черные знамена пиратов вызывают страх как символ тьмы и тайны. *Черный* также символ ночи, смерти, греха, пустоты. Он поглощает все другие цвета, выражает отрицание и отчаяние. На долю этого колоратива в анализируемых песенных текстах приходится 9%, что позволяет ему занимать пятое место по частоте словоупотреблений. В сочетании с 9 разными существительными, эпитет *черный* реализует следующие значения: 1) обозначает цвет или служит для описания внешности человека: *черная косынка, черная шаль, черный наряд, черные кудри, черные брови*:

Черная косынка на плечах у ней [2, с.30],
Мама, ты спишь, а тебя одевают в тот,
*незнакомый мне **черный наряд*** [2, с.95],
И зачем я пропил в воскресенье
*память жонкину – **черную шаль**?* [2, с.83],
*Твои **черные кудри** до плеч,*
а глаза твои синие-синие [2, с.168],
Катеринушка высока, стройна,
брови черные, щечки алые [2, с.38],
*Кудри русые, **черные брови,***
голубые, как небо, глаза [2, с.31].

Часто этот колоратив используется для описания объектов природы: *черное поле, черное окно, черные тучи*:

Сухую травушку спалили,
черным** стало **поле [2, с.197],
*Так ветер бушует за **черным окном,***
что плачет оконная рама [2, с.188],
*Небо в **черных тучах*** [2, с.132].

Зафиксировано нами и часто встречающееся в фольклорных текстах сочетание *черный ворон*:

*Вдруг **черный ворон** прокричал* [2, с.19].

Значение эпитета *черный* в песнях значительно уже, чем значение этого прилагательного в современном русском языке. Лексико-семантическая структура прилагательного *черный* в современном русском литературном языке такова: 1. Цвета сажи, угля. 2. Темный, в противоположность чему-нибудь более светлому, именуемому белым. 3. Принявший темную окраску, потемневший. 4. В старину: то же, что курной. 5. перен. Мрачный, безотрадный, тяжелый. 6. перен. Преступный, злостный. 7. Не главный, задний (о входе, ходе). 8. О труде: физически тяжелый и неквалифицированный. 9. Принадлежащий к непривилегированным, эксплуатируемым классам общества (устар.). 10. На Руси в 12-17 вв.: государственный, не частновладельческий. 11. С темной кожей (как признак расы), чернокожий [3].

Близко по значению к колоративу *черный* прилагательное-люксоним *темный*, встретившееся нам 2 раза в сочетании с существительным *ночь*, что также характерно для фольклора:

*В тягость стали **темны ночи,***
день деньской в окно гляжу [2, с.131],
***Темна ноченька** приходит,*
друга милого все нет [2, с.118].

Заключение. Основные свойства фольклорного эпитета – это их традиционность, способность вместе с существительным составлять устойчивую единицу фольклорного текста, большая смысловая емкость. Народная память сохранила историческую семантику почти в каждом фольклорном эпитете-колоративе, хотя в современном русском литературном языке семантика таких прилагательных значительно шире.

Список литературы

1. Маслова, В.А. Филологический анализ поэтического текста / В.А. Маслова. – Минск: Вышэйшая школа, 1997. – 220 с.
2. Народная лирика Витебского Поозерья; антология / редактор-составитель В.Н. Поклонская. – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2007. – 256 с.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2010.

ЗООЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ О ЧЕЛОВЕКЕ В РУССКО-АРАБСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Д.И. Соколовский
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В данной статье рассматривается славянская и арабская культуры на основе значений, представленных в зоологических метафорах и отражение в них внутренних качеств и внешнего вида человека. Обращается внимание на различие в восприятии вышеуказанными представителями культур человека и окружающий его мир. На основе проведенного анализа раскрываются культурологические особенности, определяются точки соприкосновения и реализуется поставленная в статье цель – сравнить две великие и в то же время две различные культуры на основе лингвокультурологических реалий в отождествлении человека с животными.

Актуальность продиктована нарастающей в языковой картине мира тенденцией поликультурного представления о человеке в различных лингвокультурах. Поэтому понимание и изучение характера, поведения, различий в привычках и традициях русских и арабов становится актуальным для лингвистической науки в плане отражения в языке всей совокупности морально-этических и эстетических ценностей представленных лингвосообществ.

Материал и методы. Материалом явились фразеологический словарь русского языка, словари сравнений, словарь арабских пословиц и поговорок. Всего проанализировано 130 единиц. Среди методов частотными явились методы общенаучный (изучение литературных источников по проблеме), поисковый метод (связанный с работой с словарными источниками), сравнительный.

Результаты и их обсуждение. Как известно, в языке каждого народа существуют лексические единицы, которые отражают, помимо основного значения, еще и второстепенное (переносное) значение. Мы же сравним русский и арабский язык с точки зрения метафор, которые, помимо основного значения, т.е. названия животного, также имеют и другие значения, отражающие характер и внешний вид человека.

Согласно В.М. Мокиенко, сравнение – это «не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство ее оценки. Оно экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации» [4, с.3].

В то же время арабский ученый Аль-Джарим считает, что функция сравнения в арабском языке заключается в том, «чтобы прояснить и сблизить предмет к пониманию» [2, с. 66].

При сравнении русских и арабских фразеологизмов можно разглядеть специфику значений. Например, при характеристике человека, который сильно плачет, арабы говорят «плачет как крокодил», в то же время русские употребляют выражение «ревет как белуга». В то же время зооним «лев» в русской и арабской культурах используется для характеристики могущественного и сильного человека: *храбрый как лев*.

Также в арабском языке существует метафора с словом «хамелеон», который характеризует человека как приспособленца к обстановке, меняющего свои взгляды и мнения, но в русском языке данный вариант не смог бы прижиться по географическим и культурно-историческим причинам.

Проведя анализ значений метафор, мы выяснили, что слова, обозначающие животных, могут иметь 2 и более значений (название животного и характеристика человека), однако не всегда все характеристики появляются в словарях. Например, «кошка» имеет множество переносных значений, которых нет в словаре: *أبرمئهورة* (Благочестивее, чем кошка). Сюда же относятся метафоры с «собака»: *أبخلمكئلب* (Более скупой, чем собака).

Сопоставив образные значения в русском и арабском языках, мы выяснили, что слова могут различаться как количественно, так и качественно, т.е. иметь разное по числу и содержанию количество сравнительных единиц. Например, «волк» выступает в арабском языке в восьми сравнениях: 1) вернее, чем волк; 2) осторожнее, чем волк; 3) косою как волк (т.к. по сторонам смотрит и все видит); 4) здоровее, чем волк; 5) активный как волк; 6) умнее волка; 7) верный как волк; 8) непокорный как волк.

В русском языке же языке «волк» имеет только два значения: 1) голодный как волк, 2) злой как волк.

Данные примеры позволяют нам классифицировать зоологические метафоры о человеке по критерию совпадения/несовпадения прямых и переносных значений: 1) совпадают в прямом и переносном значениях («лев» как в русском, так и в арабском языке будет совпадать как в прямом, так и в переносном значении: *сильный как лев; храбрый как лев; благородный как лев.*); 2) совпадают только в прямом значении («осел» – в арабском языке данное слово не совпадает с переносным значением русского языка, например: рус. *упрямый как осел*; араб.: *попослушнее ослика*); 3) совпадают в прямом и частично в переносном, т.е. в количестве образов («черепашка», т.к. он имеет прямое значение в обоих языках, но количество значений в арабском языке превосходит количество на русском: ср. араб. *медлительный как черепаха, испуганный как черепаха*; рус. *медленный как черепаха*); 4) совпадают в прямом, но полностью различаются как в количестве значений, так и в качестве (В метафорах «корова» сходится только в прямом значении, но не сходится ни в естественном значении переносных форм, ни в качественном: араб. *уродливая как корова; ест много, как корова*; ср. в рус. *жуёт как корова*); 5) безэквивалентные, т.е. с одинаковым прямым значением, но не имеющие аналогов в языковой паре («хамелеон», т.к. он имеет сходство с русским языком только в прямом значении, но не имеет сходства в переносном).

Анализ метафор о человеке, в значении которых имеются зоонимы, показал, что прямые и переносные значения в русском и арабском языке имеют сходство. Данное сходство продиктовано экстралингвистическим фактором, т.е. взаимодействием культур, а различия – историко-географическим фактором.

Множество переносных значений, лежащих в основе данных метафор, часто не сходятся с основным значением, например: «волк» в арабском языке символизирует «хитрость», а на основе этого значения образуются другие значения, как «осторожность», «обман». В русском языке, напротив, обозначает «хищность», «злобность», «храбрость». «Обезьяна» в арабском языке обозначает «прелюбодеяние», «беспорядочность», «говорливость», а в русском обозначает «кривляние». «Корова» в арабском языке символизирует толстого человека с уродливыми формами, а также того, кто ест без меры, т.е. «чревоугодие». В русском языке «корова» символизирует «неловкость», «неуверенное передвижение», отсюда и выражение «как корова на льду».

Заключение. Для правильного трактования метафор, в основе которых лежат характеристики человека и не имеющие сходств в родном языке, следует учитывать первичную семантику слова, что требует знания страноведческих и культурологических особенностей.

Список литературы

1. Аль-Ауами, М.А. Аль-Хаяванат ва аль-Амсал аль-Шаабийя / М. А. Аль-Ауами. – Триполи, 1986. – 123 с.
2. Аль-Джарим, А. А. Аль-Баян. Аль-Маани, аль-Бадии / А. Аль-Дажрим, А. Мустафа. – Каир, 2010. – 210 с.
3. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1946. – 312 с.
4. Мокиенко, В.М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2003. – 608 с.
5. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – М. : Просвещение, 1986. – 543 с.
6. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж, 1985. – 170 с.

МАСТАЦКІЯ ПОШУКІ М. ГАРЭЦКАГА Ў КАНТЭКСЦЕ ЕЎРАПЕЙСКАГА ЛІТАРАТУРНАГА ДОСВЕДУ ПАЧАТКУ ХХ ст.

*В.І. Уткевіч
Віцебск, ВДТУ*

Актуальнасць тэмы даследавання детэрмінавана тым, што М. Гарэцкі, з'яўляючыся адным з тых майстроў мастацкага слова, творы якіх былі найбольш характэрным выяўленнем асноўных тэндэнцый развіцця беларускай літаратуры канца ХІХ – пачатку ХХ стагоддзя, дзякуючы свайму мацнейшаму філасофскаму гучанню, жанравай і стылістычнай разнастайнасці, працягваюць уплываць і на сучасную літаратуру.

Мэтай работы з'яўляецца аналіз мастацкіх пошукаў М. Гарэцкага, якія вяліся ў кантэксце светапоглядных і эстэтычных змен і навацый, што ахапілі еўрапейскае мастацтва і закранулі еўрапейскі літаратурны працэс пачатку ХХ стагоддзя.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання абраны творы М. Гарэцкага, у якіх найбольш яскрава выявіліся вынікі творчых пошукаў і літаратурных эксперыментаў пісьменніка – гэта апавяданні цыклу “Што яно?”, драматычны абразок “Антон”, аповесць “Дзве душы”, дакументальныя запіскі “На імперыялістычнай вайне”, эсэ “Скарбы жыцця”. Асноўныя метады, якія выкарыстаны ў даследаванні – гэта параўнальна-тыпалагічны аналіз літаратурных твораў, метады сістэмна-структурнага падыхода да апісання эстэтычнага аб’екта ў яго арганічнай цэласнасці, іерархічнасці і шматбаковасці.

Вынікі і іх абмеркаванне. На наш погляд, вывучэнне творчай спадчыны М. Гарэцкага прыводзіць да думкі аб тым, што эстэтычныя пошукі беларускага пісьменніка шмат у чым ажыццяўляліся ў межах мадэрнісцкіх тэндэнцый, характэрных для сучаснай яму заходнеўрапейскай літаратуры. У дадзеным аспекце асоба месца займаюць такія творы беларускага пісьменніка, як апавяданні цыклу “Што яно?”, драматычны абразок “Антон”, аповесць “Дзве душы”, дакументальныя запіскі “На імперыялістычнай вайне”, апавяданні “Рускі”, эсэ “Скарбы жыцця”. Неабходна адзначыць, што беларускія літаратуразнаўцы (Т. Дасаева, Е. Лявонава, М. Мушынскі, Т. Тарасава, і інш.) плённа разглядалі і разглядаюць гэтыя творы ў кантэксце мастацкага і філасофска-эстэтычнага параўнальнага аналізу з творчасцю такіх знакамітых пісьменнікаў, як А. Барбюс, К. Гамсун, Р. Олдынган, Э.-М. Рэмарк, У. Фолкнэр, Э. Хемінгуэй.

У цэлым можна лічыць, што М. Гарэцкі здолеў дзялектычна сінтэзаваць пэўныя творчыя дасягненні класічнай заходнеўрапейскай літаратуры XIX стагоддзя з новымі мадэрнісцкімі павевамі, якія ахапілі мастацтва і ў прыватнасці літаратуру на мяжы стагоддзяў, на трагічным зломе эпох. Адрозненні паміж літаратурнай класікай і мадэрнам у першую чаргу выяўляюцца ў ступені вар’яцкіх паводзінаў герояў мастацкіх твораў. Відавочна што для класічных твораў дадзены ступень нашмат ніжэйшая ў параўнанні з новым тыпам мастацкай прозы, якая абапіраецца на анталогічную шматзначнасць і супярэчлівасць чалавечага “я”. Прычым больш за ўсё гэтая заўвага справядлівая для сітуацыі быцця чалавека ў эпоху такіх гістарычных катаклізмаў, як войны ці сацыяльныя рэвалюцыі. Цікава заўважыць, што беларускі пісьменнік змог своеасабліва пралангіраваць тэндэнцыі мастацкіх пошукаў у літаратуры на некалькі дзесяцігоддзяў наперад. Несумненна, запіскі “На імперыялістычнай вайне” можна з поўнай падставай лічыць своеасаблівым эстэтычным прадвесцем літаратуры “страчанага пакалення”.

Найбольш яскрава і характэрна новы псіхалагізм адлюстраваны ў аповесці М. Гарэцкага «Дзве душы». Галоўны герой твора Ігнат Абдзіраловіч знаходзіцца ў стане бесперапыннага асэнсавання і пераасэнсавання навакольных падзей і падзей уласнага жыцця. Ён нібы адначасова існуе як мінімум ў двух сацыяпсіхалагічных вымярэннях. Па-майстэрску і па-мастацку пераканаўча, пры дапамозе ўнутраных маналогаў і прыёму “плыні свядомасці” ствараецца аўтарам жывы вобраз чалавека эпохі. Нездарма малады беларускі мыслівец Ігнат Канчэўскі вырашыў перанесці вобраз Абдзіраловіча ў рэальнае жыццё, узяўшы сабе ягонае імя за псеўданім і падпісаўшы ім сваё знакамітае сацыяльна-філасофскае эсэ “Адвечным шляхам”.

Для М. Гарэцкага вялікае значэнне мае ўнутраны грамадзянскі канфлікт, спароджаны рэвалюцыяй. У артыкуле “Беларуская літаратура пасля “Нашае нівы” (агульны агляд)” Гарэцкі заўважыў: “Цікава б было прасачыць у сусветнай гісторыі літаратуры, як, наогул, уплывае на літаратурную творчасць вайна, рэвалюцыя і ўсякая вялікая катастрофа ў жыцці людзей. Каб толькі збольшага ўзяць усе лепшыя вядомыя прыклады ад Дантэ і да нашых дзён, дык можна сказаць, што творчасць пісьменніка ў часе катастрофы залежыць ад таго, як яго індывідуальнасць успрымае катастрофу, і ад таго, у якой меры катастрофа зачепіла яго асабістае, класавае і нацыянальнае жыццё” [1, с. 193]. Ва ўмовах жорсткай класавай барацьбы герой Гарэцкага паўстае перад чытачом як вобраз мужыка-пана, якому роўна баліць, у каго б і якія б сіла ні страляла, – гэта нацыянальны тып усёпрымальнай душы беларуса.

Заклучэнне. Мастацкія пошукі М. Гарэцкага ў кантэксце еўрапейскага літаратурнага досведу пачатку XX стагоддзя прывялі пісьменніка да эстэтычнага асэнсавання феномена экзістэнцыяльнай памежнасці быцця, шматвектарнасці чалавечага “я” і разнастайнасці яго мастацкага выяўлення, да пастаяннага імкнення пераадолець мастацкімі сродкамі супярэчлівасць свядомасці ў трагічныя перыяды гісторыі і накіраваць чалавека да набыцця унутранай цэласці і гармоніі.

Спіс літаратуры

1. Гарэцкі, М. Успаміны, артыкулы, дакументы / М. Гарэцкі. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1984.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ «СЧАСТЬЕ» В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Е.А. Чикованова

Орша, Оршанский колледж ВГУ имени П.М. Машерова

Общечеловеческие ценности определяют смысл и содержание жизни человека. Сущность ценности не может рассматриваться в отрыве от языкового аспекта, который характеризует как языковую картину мира в целом, так и языковую личность.

Актуальность данного исследования определяется значимостью взаимосвязи культуры и языка; исследование лексемы счастье позволяет обратиться к национальному и культурному аспектам картины мира определенного народа, отражаемым в его языке.

Цель исследования – анализ лингвокультурных характеристик лексемы счастье на материале пословиц.

Материал и методы. Материал исследования – русские и английские пословицы, в которых представлена лексема счастье.

В процессе проведения исследования применялись следующие методы: контекстуальный анализ; описательный метод (наблюдение, интерпретация и обобщение).

Результаты и их обсуждение. Ценностные предпочтения народов находят свое отражение в пословицах и поговорках. Пословицы являются неотъемлемым атрибутом народного фольклора, а также атрибутом культуры народов. Они несут в себе отражение жизни той нации, которой принадлежат, отражают образ мыслей, характер того или иного народа, национальные особенности восприятия мира.

Отличительной особенностью пословиц любого народа является их исконно национальное происхождение, универсальность мотивационной основы.

Анализ русских и английских пословиц дает возможность сделать вывод о том, что в концептуальное поле лексемы счастье входят также понятия фортуна, баловень, судьба, надежда, удача: Баловень судьбы; A child of fortune; Счастье скоро покинет, а добрая надежда никогда; While there is life, there is hope; Better be born lucky than rich, nothing succeeds like success.

Лексема счастье в пословицах ассоциируется с такими понятиями, как:

- ум (Счастье ума прибавляет, несчастье последний отымает);
- ученье (Учение в счастье украшает, а в несчастье утешает, Failure teaches success);
- семья, дети (Happy is he that is happy in his children);
- зависть (Завистливый по чужому счастью сохнет);
- несчастье (Fortune is fickle, Misfortunes tell us what fortune is);
- книга (Книга в счастье украшает, а в несчастье утешает).

Следует отметить также, что как в русских, так и в английских пословицах отмечается кратковременность счастья, его мимолетность: Счастье вечно не бывает, горе вместе с ним живет; Счастье не палка: в руки не возьмешь; Fortune is like glass; Fortune is easily found but hard to be kept.

Анализ материала, репрезентирующего исследуемую лексему, показал близкую связь лексемы счастье с такими лексемами-антонимами, как беда, горе, несчастье; в пословицах подчеркивается их взаимообусловленность: Счастье отойдет, много бед наведет; Счастье отпало, ничего в доме не стало; No joy without alloy, Who has never tasted bitter knows not what is sweet. Таким образом народная мудрость подмечает, что одно событие приобретает смысл только на фоне другого события, находится в непосредственной близости одно от другого.

В оценке своего счастья и несчастья человек придерживается единственно возможной точки зрения: счастье – нечто желанное, обладающее абсолютной ценностью; от несчастья же необходимо уклониться, что сделать довольно трудно, поскольку: Где беде быть, там ее не миновать.

В некоторых пословицах отражается определенного рода фатализм, покорность субъекта судьбе, пассивность: It never rains, it always pours, К одному счастью валом валит, от другого валом отваливает, Счастье, что волк: обманет да в лес уйдет. Оценочность и эмоциональность суждений выдвигается в таких пословицах на первый план.

Ряд пословиц подчеркивает амбивалентность горя, радости, счастья: И май бывает ненастен, и в счастье человек бывает несчастен; Call no man happy till he is dead.

Следует также отметить, что и в русских и в английских пословицах подчеркивается, что человек сам отвечает за то, чтобы жить счастливо, пребывать в счастливом состоянии: Человек — кузнец своего счастья; Кто за счастье борется, к тому оно и клонится; Счастье в воздухе не вьется — оно в борьбе достается; Every man is the architect of his own fortune; Fortune is good to him who knows how to make good use of it.

Заключение. Сопоставительный анализ пословиц и поговорок с лексемой счастье позволяет выделить общие признаки в системе русских и английских пословиц:

- отмечается кратковременность, нестабильность счастья: Счастье с несчастьем, что ведро с ненастьем: живут переменчиво; Fortune is like glass;
- в пословицах обоих народов подчеркивается, что счастье часто не связано с личными достоинствами человека, проявлением активности, ума, работой: Счастье что трясье — на кого захочет, на того и нападет; Fortune favours fools;
- схожими являются описания душевного состояния человека в состоянии счастья: Счастливые часов не наблюдают; He dances well to whom fortune pipes;
- как в русском языке, так и в английском присутствуют пословицы, утверждающие, что счастье невозможно без горя: Не было бы счастья, да несчастье помогло; Who has never tasted bitter knows not what is sweet;
- русская и английская народная мудрость значительное место в построении судьбы отводит самому человеку, выражает веру в человеческие силы: Счастье на стороне отважных; Fortune is good to him who knows how to make good use of it.

Таким образом, в русских и английских пословицах выражается идея нравственного начала в человеке, осмысления общечеловеческих ценностей.

Представления о счастье в народной мудрости выступают также как оценочные суждения о жизни в целом.

Концептуальное поле лексемы счастье в обоих языках представляет собой сложное образование, включающее в себя два основных компонента: событийный и эмотивный. Событийный компонент содержит информацию о фрагменте объективной действительности, событии человеческой жизни, описываемом в пословице; эмотивный — реализует представление о душевном состоянии человека.

Анализ русских и английских пословиц свидетельствует о близости значений лексемы счастье в языковых картинах мира двух народов. Это связано с универсальностью восприятия человеком любой культуры своих ощущений (физическое и душевное состояние, образ жизни и т.п.).

Список литературы

1. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П.Жуков. — М.: Русский язык. — 2000. — 537 с.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов. — М.: Наука. — 2006. — 132 с.
3. Кузьмин, С.С. Русско-английский словарь пословиц и поговорок / С.С.Кузьмин, Н.Л.Шадрин. — М.: МИК Лань. — 1996. — 352 с.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ДИСКУРСА ВОЛШЕБНЫХ И АВТОРСКИХ СКАЗОК

*А.В. Шаколо
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Актуальность исследований в области дискурса является тенденцией, характерной для современной науки, учитывая аксиоматичную важность изучения дискурсивной теории. Следует отметить, что анализ взаимовлияния двух видов дискурса, имеющий место в нашем исследовании, актуален по своей сути вследствие необходимости изучения волшебных сказок с учетом их параллелей с художественными аналогами и наоборот. В противном случае исследования в данной области дискурса нельзя будет назвать полными и всеобъемлющими.

Цель работы — на основе примеров из дискурса волшебных и авторских сказок доказать их неразрывную взаимосвязь и взаимовлияние, а также обосновать важность дальнейших исследований в данном направлении.

Материал и методы. Материалом послужили сказки, собранные братьями Гримм и Афанасьевым, с одной стороны, и художественные сказки, – с другой. В данной работе использованы индуктивный, сопоставительный методы, метод контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Тот факт, что тексты сказок изначально обрабатывались их собирателями, подтверждается самим А.Н. Афанасьевым: «С необычайно светлым художественным тактом сумели собиратели выбрать из множества вариантов – наиболее совершенные и замечательные как поэтическими образами, так и чистотой нравственных мотивов» [2, 5]. Афанасьевские сборники также подвергались обработке самого составителя: «Большинство его поправок относится к языку и стилю сказок, причем степень их внесения в отдельные тексты весьма неравномерна» [5, 415].

Наличие прямой связи сказок, собранных А.Н. Афанасьевым, с произведениями русской литературы отмечает В.П. Аникин: «В сказке „Шабарша“ мы узнаем давнего знакомого – пушкинского Балду. В другой сказке (из цикла „Не любо – не слушай“) мы встретимся с прозвищем попа, которым воспользовался Пушкин: „толоконный лоб“» [1].

Обратимся к «Сказке о рыбаке и рыбке», сюжет которой позаимствован Пушкиным из померанской сказки, записанной братьями Гримм – «Vom Fischer und seiner Frau» («О рыбаке и его жене»). Концовка немецкой сказки в переводе звучит так: «Там [в рыбацкой хижине] они по сей день сидят да посиживают – на море синее поглядывают» [3, 67]. Данный отрывок подтверждает силу художественного мастерства русского гения, который хижину заменил землянкой и кому мы обязаны характерным лишь для русского языка устойчивым оборотом «остаться у разбитого корыта». В данном случае субъективное начало играет главную роль, что обусловлено художественной обработкой фольклорного сюжета (ср. «Руслан и Людмила», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»).

Кроме того, В.П. Аникин среди прочего проводит параллель между пушкинской сказкой о царе Салтане и афанасьевской «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре»: «Здесь [у Афанасьева] – и эпизод с тремя девицами, которых подслушал царь, и мотив зависти старших сестер, и те же их злые дела. <...> Из сказок этого же типа Пушкин заимствовал и образ знаменитого кота-баюна» [1].

Сказка «Жар-птица и Василиса-царевна», записанная А.Н. Афанасьевым, также приводится В.П. Аникиным в качестве одного из примеров заимствования художественной литературой материала из сказочного дискурса: «В афанасьевской сказке <...> мы без труда узнаем „Конька-Горбунка“ Петра Ершова: здесь все знакомо...» [1].

В случае со сказками, записанными Я. и В. Гримм, ярким примером обработки сказочного текста самими братьями является «Красная Шапочка»: «Морализаторство Перро на тему взаимоотношений полов (как и эротические мотивы) из текста вовсе исчезли. В сказке Красная шапочка нарушает не приличия, а наказ матери» [4, 12].

В «Гензель и Гретель» братьев Гримм герои отмечают дорогу в лесу, чтобы успешно пройти инициацию. В подтверждение приведем отрывок из варианта Перро: «Мальчик с пальчик не мешал им [братьям] кричать, он знал, каким путем им следует вернуться домой: пока они шли, он бросал вдоль дороги маленькие белые камешки, что были у него в кармане. И вот он им сказал: „...Идите-ка за мной“. Они пошли за ним, и он привел их домой той самой дорогой, которой они пришли в лес [7, 70–71]. Далее – фрагмент «Гензель и Гретель» в обработке Я. и В. Гримм: «И точно, как поднялся на небе полный месяц, Гензель взял сестричку за руку и пошел, отыскивая дорогу по голышам, которые блестели, как отчеканенные гроши, и указывали им путь. Всю ночь шли они напролет, и на рассвете пришли-таки к отцовскому дому» [3, 51].

И.С. Тургенев перевел французскую версию известной сказки, а русский вариант «Мальчика с пальчика» в сборнике А.Н. Афанасьева находим под номером 300: камешков в тексте нет, однако все тот же мотив возвращения заглавного героя благодаря его собственной смекалке остается неизменным. Волк нашел в лесу требуху, в которой, как выяснилось впоследствии, был Мальчик с пальчик; хищник проглотил героя вместе с требухой, но лишь навлек на себя тем самым неприятности и молил своего мучителя о пощаде: «“Вылезите!” – просит волк. „Довези меня домой к отцу, к матери, так вылезу“, – говорит Мальчик с пальчик. Побежал волк в деревню, вскочил к старику в избу» [6, 337].

На основе вышеприведенных отрывков можем говорить о взаимосвязи фольклорного и художественного вариантов «Мальчика с пальчика», как и о полноценном представлении

концептуальной оппозиции «дом – лес» в каждой из версий: чтобы пройти инициацию, персонаж использует всю свою хитрость и находчивость, в итоге он становится хозяином положения и возвращается из опасного леса домой, обретая чувство защищенности.

Заключение. Таким образом, приходим к выводу: сказочный дискурс тесно связан с художественным, и зачастую они оказывают друг на друга значительное влияние, хотя первый, как правило, играет роль ведущего, базисного в данном случае, учитывая первичность происхождения устного народного творчества в соответствии с хронологией достижений человечества. Несомненно, приведенные нами примеры носят иллюстративный характер и использованы с целью продемонстрировать неразрывную связь между волшебными и авторскими сказками в качестве релевантной этнокультурной особенности сказочного дискурса. Как следствие, значимыми являются исследования в обеих областях, в особенности – проводимые параллельно; подобная практика позволила бы выявить ряд закономерностей, связанных с взаимопроницаемостью разных, на первый взгляд, видов дискурса и реализацией в них ключевых концептуальных оппозиций. Дискурс авторских и волшебных сказок являются очередным подтверждением мудрости народа и его выдающихся представителей, которым удалось, сохранив мораль и не исказив неотъемлемую основу сказок, создать истинные шедевры в поэтической или прозаической форме.

Список литературы

1. Александр Николаевич Афанасьев и его фольклорные сборники / Российские универсальные и тематические энциклопедии [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://narodnye-russkie-skazki.gatchina3000.ru/afanasiev-i-folklore.htm>. – Дата доступа: 24.12.2016.
2. Афанасьев, А.Н. О русском переводе сказок Гриммов / А.Н. Афанасьев // Кн. Вестн. – 1864. – № 19. – С. 3–14.
3. Гримм, Я. Сказки, собранные братьями Гриммами / Я. Гримм, В. Гримм. – СПб.: Типография А.Ф. Маркса, 1901. – 567 с.
4. Коваль, В.И. Текст и язык: поиски истоков: монография / В.И. Коваль. – Мн.: РИВШ, 2012. – 270 с.
5. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. / Издание подготовили Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. – М.: Наука, 1984–1985. – Т. 1. – 1984. – 512 с.
6. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. / Издание подготовили Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. – М.: Наука, 1984–1985. – Т. 2. – 1985 – 464 с.
7. Перро, Ш. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями / Ш. Перро. – М.: Правда, 1986. – 288 с.